

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АМЕРИКА

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ЭПТОНА СИНКЛЭРА

UPTON SINCLAIR

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

B.26 691 ЭПТОН СИНКЛЭР

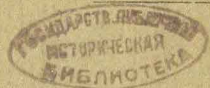
ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ

(СОКРАЩЕННОЕ ИЗДАНИЕ)

ПЕРЕВОД М. И. БРУСЯ-
НИНОЙ, ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ШТАКЕЛЬБЕРГ-ПОПОВОЙ

МОСКВА — МСМХХІІІ — ПЕТРОГРАД

Отпечатано 7.150 экз.
в Тип. Коминтерна
Гиз № 4621. Петрообл.
№ 5559. Петербург.

797847 ✓

ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ

РОМАН

КНИГА ПЕРВАЯ ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ

1.

Это был путь погибших людей...

Они шли дрожа и прижимаясь плечами, потому что была ночь и шел холодный пронизывающий дождь. Огни пивных падали на их лица—суровые, изможденные нуждой, или опухшие от болезней и пороков.

Над головами гремели воздушные поезда, и из их окон можно было видеть, как в меблированных комнатах люди толпились около каминов.

По улице шел мальчик лет пятнадцати, с нежными, тонкими чертами на бледном лице. Время от времени он заглядывал в эту улицу, но никогда не мог привыкнуть к тому, что видел. Он оглядывал проходивших мимо мужчин. Подходя к какой-нибудь пивной, открывал дверь и осматривался по сторонам. Иногда он входил в пивную поспешно, пробегал через комнату и заглядывал в заднее отделение. Снова выходил, остерегаясь близко подходить к пьяным и весь съеживаясь под их взглядами.

Наконец, в грязном кабачке, с полом, усыпанным опилками, с запахом дешевого пива и с табачным дымом в воздухе,—мальчик вдруг бросился вперед с криком: „Отец!“ Человек, сидевший в углу с опущенной головой, вздрогнул, поднял бледное лицо и посмотрел на вошедшего. Потом он с трудом встал на ноги и, пошатываясь, упал на плечо мальчика, рыдая: „Мой сын! Мой сын!“

Человек вцепился в него, плача и изливая перед ним свой стыд. „Я пал опять... я погиб!.. Я погиб!..“

Посетители кабачка с тупым любопытством наблюдали эту сцену. Мальчик дрожал как дикая серна.

— Да, отец, да! Пойдем домой!

— Домой,—домой, сын мой? Ты возьмешь меня домой? О, я не в состоянии пойти.

Мальчик посмотрел кругом и спросил:

— Где твоя шляпа?

— Шляпа, мой сын? Не знаю. Я потерял ее.

Мальчик взглянул на его оборванный, грязный костюм, на старое, жалкое, опухшее лицо с налитыми кровью глазами, с кожей землистого цвета. Он подавил свои чувства и стиснул кулаки, желая сдержаться.

— Идем, отец! Бери мою шляпу и пойдем.

— Нет, сын мой! Мне не нужно шляпы. Ничто уже не повредит мне—я погиб! Погиб!

И они вышли, взявшись за руки. И всю дорогу, пока они шли, человек изливал свое раскаяние и рассказывал о том, как он провел эти ужасные недели. Пройдя около мили, он остановился.

— Сын мой!..

— В чем дело, отец?

— Я должен остановиться здесь, мой сын.

— Почему, отец?

— Я должен чего-нибудь выпить.

— Нет, отец.

— Но, мой мальчик, я не могу идти. Я не в силах идти дальше. Ты не знаешь, как я страдаю.

— Нет, отец.

— У меня еще остались деньги,—я не прошу у тебя. Я пойду вместе с тобой—честное слово, я пойду.

И так они боролись всю дорогу, пока шли к себе домой, в меблированные комнаты, где их ждала плачущая мать. Здесь они положат отца в постель, и запрут на замок его платья, чтобы не выпустить его из дому. Здесь же, с помощью минеральных вод и аптекарских снадобий, а может быть и при участии доктора, они будут приводить его в нормальное состояние и держать до тех пор, пока он не встанет на ноги. Тогда, в вычищенном платье, с хорошо выбритым лицом, он снова вернется к людям. А мальчик вернется опять к своим мечтам.

2.

Такова была жизнь Тирсиса, с раннего детства до зрелого возраста. Его отец являл собою наследие хорошего воспитания и благородных традиций: предки его были высокого звания и служили государству. И вот до чего он дошел теперь—до спален в меблированных

комнатах и до смертельной борьбы со своей собственной гибелью. И когда Тирсис стал задумываться над этой задачей, он пришел к убеждению, что это борьба без надежды на победу: его отец был человек, попавший в западню.

Он был что называется „барабанщиком“, т. е. человеком зависимым в средствах к существованию от милости купцов—большой частью, людей с невысокими идеалами, приезжавших в город в поисках низменных удовольствий. Их нужно было встречать, поджидая на лестницах отелей или в тавернах, в которых они были частыми посетителями. И первое условие, необходимое для поддержания хороших отношений с ними, была общая выпивка. Вот какова была арена, на которой приходилось вести борьбу! Он был в состоянии не сдаваться целыми месяцами—иногда даже по полугоду,—употребляя только лимонад и терпеливо вынося все их насмешки. Затем он начинал с инбирного пива; потом переходил к более крепкому пиву и, наконец, к виски.

Он постоянно выдумывал новые планы, которые помогли бы ему в борьбе с самим собой, всегда уверяя себя, что наконец задача им решена: он не станет пить по утрам; он не будет пить до послеобеденного времени; он не будет пить в одиночестве... Вся его жизнь была пьянством, и все его мысли вертелись около вина: запах его он постоянно ощущал, образ бутылки всегда был перед его глазами.

Но весь ужас его жизни заключался в том, что в его гибели были виновны наилучшие свойства его души. Будь он черствым и жадным человеком подобно тем, которые делали его своей добычей, тогда могла бы быть надежда на исцеление. Но, искренний и великодушный, он был рабом своих чувств.

Он был представителем отсталых взглядов с отпечатком реакционности. Его политические взгляды суммировались в одной фразе: „скорее голосовать за негра, чем за республиканца“, но в то же самое время он выказывал некоторые утонченные и благородные чувства, унаследованные им от своего забытого прошлого. Он был образцом вежливости с женщинами и примером верности в дружбе. Обожал генерала Ли и доброе старое время „джентльмена Виргинии“. И те люди, с которыми он жил и для грязных выгод которых продавал себя, никогда не догадывались о том, с каким глубочайшим презрением относился он ко всему тому, что служило для них предметом искания. У них были доллары, и они были на вершине социальной лестницы. Но наступит день, когда дух благородства и воспитанности восторжествует, воскресшие тени дворянства, во главе

с „Марс Робертом“ и „Джебом“ Стюарта, сметут капиталистическую орду!

Тирсис видел многих представителей этого старого рыцарства. Его детская была полна этими обветшалыми фантомами. И когда он в первый раз приехал на Север, он остановился в отеле, который часто посещали эти люди, жившие в прошлом: пожилые люди, гордые и чопорные, старые джентльмены, причудливые и своенравные, молодые люди, которые считали себя „красавцами“, и молодые джентльмены, стремившиеся к тому, чтобы походить на „кутил“. Это был особый мир, способный привести в восторг романиста. Вещие Парки в детстве наделили Тирсиса даром угадывать истинную сущность вещей, и для него было ясно, что вся эта умершая аристократия взывала о погребении. Под изящной внешностью тщательно скрывалась невероятная развращенность и самое неумеренное пьянство. Всевозможные претензии чванливо выставлялись напоказ, в то время как скупость стыдливо пряталась. Недоверие, бешеная зависть, дух подозрения и скандала висели над всем этим каким-то ядовитым облаком. Эти люди проходили перед ним какой-то бесконечной процессией. Они смеялись и танцевали, сплетничали и пьянствовали; они входили в жизнь мальчика, и он бессознательно осуждал их, боялся и ненавидел. Их жизнь не была для него тем образцом, по которому он намеревался строить свою судьбу.

Большинство из них были бедны, но не честной бедностью труженика, а той поддельной, не настоящей бедностью, которая выражается в невозможности одеваться как другие, проигрывать деньги в „бридж“ и „покер“ и оплачивать свои прихоти. Что касается Тирсиса и его родителей, то они всегда платили свои долги; но они не всегда имели возможность уплатить их в обещанное время, и тогда они испытывали все страдания и унижения. Редкая неделя проходила без того, чтобы эта язва бедности не грызла их. Вся жизнь их проходила в бесконечных и унижительных стараниях сделать так, чтобы прошлогоднее платье выглядело как новое, чтобы подыскать такой пансион, который был бы дешевле и вместе с тем имел бы приличный вид.

Тут был возможен только один конец, неотвратимый, фатальный, как действие заведенного механизма. Душа, утомленная борьбой, угасала, и ее голос становился все слабее и невнятнее; стыд становился все более жгучим, страдания все более жестокими, отчаяние—все более мрачным. Так продолжалось до тех пор, пока однажды они не нашли отца в припадке горячки и не отправили его в частную лечебницу. Через день Тирсис, теперь уже взрослый мужчина,

отправился в лечебницу. Долго сидел в мрачной приемной. Утром доктор вышел к нему навстречу. „Не желаете ли видеть тело?“—спросил доктор. „Нет“,—ответил Тирсис глухим голосом.

3.

И мрачной стала душа юноши, и рано привык он задумываться над тайнами жизни. Жизнь не была для него ни праздником, ни шуткой, и не было в ней места ни иллюзиям, ни самообману. Это было место, где жестокий враг постоянно ставит западни доверчивым и простодушным людям.

С самого раннего детства Тирсис видел, что его отец всегда становился чьей-нибудь добычей. Вначале его врагами были содержатели баров и порочные люди, соблазнявшие его отца выпивкой. Имена этих людей всегда вселяли в него предчувствие ужаса. Они вставляли в его воображении какими-то эпическими фигурами, и были для него тем, чем, например, был Черный Дуглас для детей Северной Окраины. Но впоследствии, когда увеличился круг его познаний, таким врагом стали определенные социальные силы, сначала не вполне ясно сознанные. Это был бог торговли, перед которым склонялось все, что есть на свете прекрасного и благородного. Этот бог доставлял в городе торжество пороку; благодаря ему бары не могли быть закрыты даже по воскресеньям, чтобы отец мог побыть дома хотя один день из семи. И разве не в поисках заработка он был принужден проводить праздное время в сенях отелей и кабачков?

Кого надо было обвинять во всем этом, Тирсис не знал. Но некоторые люди извлекали пользу из этого, и он знал, это были подлые люди. Он хорошо знал это, потому что время от времени principals его отца оказывали его семье честь приглашением к себе на дом, и приходилось подавить свою гордость и итти. Так Тирсис рос с сознанием того, что в мире царит громадное зло. И в нем росло страстное, непобедимое желание громко крикнуть и открыть глаза другим на истинное положение вещей.

По внешности он не отличался от остальных мальчиков—пылкий, веселый, даже буйный; но под этой внешностью таилась пытливая и сильная душа. Жизнь сделала из него аскета. Она принуждала его быть суровым, даже беспощадным к самому себе. Он боялся, что снисхождение к себе погубит его. Он боялся, что и он так же, как и другие, попадет в западню.

Это выражалось не только в том, что он никогда не прибегал ни к каким возбуждающим напиткам, но он инстинктивно избегал всего, что

действует расслабляющим и смягчающим образом на душу, всего, что искушает и поработает. Бодрящий утренний воздух, прикосновение холодной воды, жестокость диких животных на воле — вот что любил он. Другие люди чувствовали иначе, чем он: они изнеживали и бесчестили себя, и потому Тирсис держался вдали от них. Он жил один со своими мыслями, у него никогда не было товарищей, да навряд ли был хоть один друг. Где, за все время своего долгого странствия по пансионам и меблированным комнатам, мог бы он встретить людей, которые бы знали о жизни то, что знает он? Где во всем мире, мог бы он встретиться с ними, кроме как в книгах великих людей прошлого?

В его семье не было того, что принято называть „культурой“: ни музыки, ни поэзии. Но на свете существуют романы, и есть библиотеки, и Тирсис стал зачитываться романами. Он исчезал с книгами, и, когда нужно было позвать Тирсиса к обеду, родные находили его спрятавшимся в кустах или в углу за диваном, где он мечтами уносился в иной мир. Он прочитал всю литературу приключений: Майн-Рида и Генти, Купера, Стивенсона и Скотта. Потом выступили на сцену более серьезные романы — „Дон-Кихот“ и „Отверженные“, Жорж Эллиот, которого он очень любил, и Диккенс, социальный протест которого приводил его в восхищение; и, наконец, Теккерея, который оказал большое влияние на его образ мыслей. Теккерея знал тот же мир, который был известен и ему.

Тирсис не знал иностранных языков, а судьба уберегла его от тех писателей, которые любят нечистый смех. Поэтому он был девственником, с чистым, незапятнанным воображением. Другие юноши поверяли друг другу тайны запретного мира, ломали преграды и срывали покрывала. Тирсис размышлял и угадывал многое в вопросах пола, но никто не знал его мыслей. И в этом был его крест, и здесь было объяснение его отчужденности от многого в жизни.

4.

Когда Тирсис был еще ребенком, в пансионе, в котором они жили тогда, была маленькая девочка. Родители перезнакомились друг с другом, но дети не питали взаимной симпатии и держались в отдалении. Тирсис любил главенствовать и повелевать, и все должно было делаться по его желанию. Он был бунтовщик по природе, в то время как Коридон была кротка и послушна и униженно подчинялась всяким стеснениям и запрещениям, которые клонились к ограничению ее свободы. Это была маленькая хорошенькая

девочка с громадными черными глазами; и, так как она была молчалива и застенчива, он окрестил ее „дурой“ и продолжал жить по-своему.

Лето они проводили вместе на даче. Там Тирсис пристрастился к стрельбе из пращи и стал собирать шкурки белок. Коридон пришла в ужас. Чтобы заставить ее преодолеть свою брезгливость, он давал ей носить домой окровавленные трупы. Он любил также подбирать и выкармливать маленьких птичек, и скоро у него составилась целая птичница. Выкормить птенцов было дело нелегкое, но Тирсис спокойно уходил на рыбную ловлю, когда ему вздумается, в полной уверенности, что голоса голодных созданий удержат Коридон дома.

Так обстояло дело, пока Коридон не расцвела в молодую бабыню, красивую и нежную. Тирсис еще встречался с ней время от времени, и тогда он стал делать попытки разделить с ней свои высшие радости. Он полюбил поэзию. Однажды, когда они вместе бродили на берегу моря, он стал ей читать „Пир Александра“, дрожа от восторга при следующих словах: „Разорви узы его сна, и разбуди его подобно раскатам грома“.

Но Коридон никогда не слыхала таких вещей, и ее не учили выражать свои чувства. Она могла только сказать, что она не вполне это поняла.

В другой раз Тирсис попробовал рассказать ей о Бэркли, которого он читал тогда. Но Коридон осталась равнодушна и к философии сенсуализма, она все время возвращалась к отговорке старого доктора Джонсона: „Когда я натыкаюсь на камень, я знаю, что камень тут“.

Эта девушка была как прекрасный цветок! Так говорил себе Тирсис. Она так гармонировала с окружающей ее обстановкой, была так тиха и спокойна. Она носила красивые платья, помогала разливать чай, была грациозна и кротка. Так думал Тирсис, наблюдая ее, и был в восторге от своей проницательности. Но он и не подозревал, какой огонь возмущения кипел глубоко на дне ее души.

Духи, распоряжающиеся судьбами нерожденных душ, проявили при рождении Коридон страшную фантазию: они похитили одну из дочерей древней Греции и поместили ее в столице капитализма. Коридон могла бы быть самой Навзикаей; она могла шествовать в всенародной афинской процессии, с священным сосудом в руках, или бегать на аттических играх, бесстрашная и полуголая. Ее душа отзывалась на всякую радость жизни, а сердце восторженно билось при виде самого слабого проблеска красоты. Сверх всего, она, казалась, была рождена для музыки и могла бы петь так, что мир не

был бы в состоянии ее забыть. И вместо всего этого она томила в грязноватом пансионе, где все ей было чуждо и где у нее не было ни одной живой души, которой она могла бы поверить свои страдания. Родители посылали ее в общественную школу, где рабы капитала безрадостно исполняли свою обязательную работу. Они мучили ее арифметикой и грамматикой, к которым она чувствовала отвращение; они научили ее петь патриотические песни страны, которая была ей совершенно чужда. Посылали ее и в воскресную школу, где было еще хуже. У нее была какая-то странная, инстинктивная ненависть к религии этих людей, и один вид священника в облачении, благословляющего народ, вызывал в ней раздражение. Они говорили ей о грехах, а она не могла понять, о чем идет речь; они пытались проникнуть в ее душу, а она отшатывалась от них с омерзением. Здесь ее также выучили петь—но это были монотонные гимны, могущие быть пародией на человеческую радость.

Одиночество съедало душу Коридон, и мало-по-малу, бездеятельная душа ее стала как бы покрываться ржавчиной. Однажды невинная девушка увидела на заборе выведенное каракулями гнусное слово. И вот они настаивали на том, чтобы она открыла в своем сердце грехи,—и она нашла их. И это слово стояло у нее в мозгу и неотступно преследовало ее так, что она не в состоянии была забыть его, хотя прилагала к этому все усилия. Тогда она пришла к заключению, что она погибшее и развращенное создание. Она не будет в состоянии забыть такие слова, и таким образом ее душа делается складочным местом ужаса. И вот девушка с душой, родственной античной Греции, лежала в кровати по целым ночам без сна в борьбе с подымавшимися в душе бесами.

5.

В это время Тирсис впервые дебютировал в качестве поэта. Он открыл в себе способность — складывать стихотворения, которые нравились детям. Нашелся журнал, который покупал их и платил ему княжески щедро — пять долларов в неделю. Это оплачивало ему стол и комнату и хватило бы для того, чтобы прожить летом в какой-нибудь ферме на полном пансионе. Он скрыл свои настоящие годы, и благодаря этому ему удалось поступить в колледж, где он с головой погрузился в ученье. Учениками этого колледжа были бедняки, которые жили дома и все время проводили только в том, что учились. И Тирсис поэтому был лишен благотворного воздействия того красочного существования, которое дает «студенческая

жизнь». Он никогда не издавал победных криков на состязаниях футболистов, не одевал почетных одежд, не одурял себя у «курильщиков». Будучи демократом и не думая совершенно о том, чтобы возвыситься чем-нибудь над окружающими, он не пользовался представившимися к этому случаями, и когда студенты предложили ему вступить в их братство, он отказался. Он вспоминал, что раз или два он бродил по улицам ночью с толпой студентов, горланящих что-то дикое. Но это показалось ему слишком глупым.

Колледж выполнял свое назначение, вводя его в мир познаний. Но это продолжалось недолго, и скоро он овладел школьной премудростью. Математика была действительно наукой, и, занимаясь ею, он испытывал такое же удовольствие, какое испытывает сильный мужчина, принимающий участие в состязании в беге. Что касается истории, то все горе было в том, что он покончил с учебниками в первые пять недель, так что ему уже нечего было делать в классе. Что же касается языков и иностранной литературы, которые ему преподавали, то Тирсис готов был простить своим учителям, убедившись, что они не имеют представления о том, что такое эти языки и эта литература. Все это побудило его выйти на время из училища. Он отправился домой, и все дни и ночи проводил в чтении. Как много можно получить за дешевую цену в этой удивительной сокровищнице человеческого ума. За восемь центов он приобрел том «Опытов» Эмерсона. Затем он напал на издание «Сартор Резартус», принес его домой и стал читать. Часы проходили за часами, а он все читал, не переставая, затаив дыхание, как зачарованный. Ему хотелось громко кричать от радости или, отложив книгу, смеяться над ее демонической властью. На следующий день он начал читать «Французскую Революцию», после этого нашел, что читать больше нечего, так как Карлейль повернулся спиной к демократии, и поэтому он повернулся спиной к Карлейлю.

Демократические идеи имели большое влияние на формирование его образа мыслей. Еще в то время, когда он ходил в общественную школу, он уже знал кое-что из истории той страны, которая была его родиной. Он прочел по отечественной истории—«Жизнь Вашингтона» Эрвинга и десять больших томов о Линкольне. И тут он научился понимать, что спасение в народе, и что все то, чего не хочет делать народ, то и не сделано до сих пор. Поэтому никто не мог обмануть его или ввести в заблуждение. Он мог смеяться над ториями и даже любить некоторых из них за их слабости. Но в глубине души Тирсис знал, что все люди существуют только для того, чтобы золотить труп. Уэрдсворт и Теннисон, Броунинг и Суинбэрн—всем

им он сочувствовал лишь постольку, поскольку в них были революционные порывы; а кроме этого в них для него ничего более не существовало. Даже Рэскин, который научил его образцам английской прозы, который открыл ему глаза на формы и краски в природе—даже Рэскина он отверг, потому что он был филантроп, но не демократ. Тирсис вырос в набожной семье, исповадавшей епископальную веру. Как-то в юности он напал на „Век Разума“ Пэна, в ужасе прочел ее, а затем произвел тайное ауто-да-фе. Но затронутые книгой вопросы постоянно стояли перед ним: какие бы произошли астрономические явления, если бы солнце остановилось? И как некоторые породы животных попали на ковчег? И каков был размер горла у кита, и какова способность пищеварения его желудка?

Потом возникли и более серьезные возражения. Может ли вера быть обязательной? Может ли быть какое-нибудь откровение выше разума, разве не разум решил когда-то, что это было откровение, разве нет? А как же быть со всеми теми „откровениями“, которые приняты другими народами? А потом—если Иисус был богом, мог ли он на самом деле подвергнуться искушению? Быть в одно и то же время богом и человеком, не значило ли это—в одно и то же время знать и не знать? И каким образом возможно, чтобы богом было нечто такое, в чем все остальное не есть бог?

Все эти недоумения, а также и многие другие юноша изложил своему духовнику, человеку, очень любившему его, который и дал ему для прочтения несколько книг „Лекций Бамптона“. Они заключали в себе защиту христианского учения. Но, к своему ужасу, Тирсис нашел, что самая убедительная часть книги были те именно места, где резюмировалось все сказанное противниками христианского учения. Таким путем он ознакомился со многими возражениями, которые раньше ему не приходили в голову, так что, когда он прочел эту книгу, его убеждения сложились окончательно. И он окончательно отрекся от церкви—что сильно опечалило его мать, которая готовила его в епископы.

6.

В это время Тирсис отказался от многого. Свои рождественские каникулы он проводил на высоте духовных наслаждений. И вместо того, чтобы быть любезным с окружающими, он все дни проводил забившись в угол библиотеки. Тирсис сделал в это время величайшее открытие, он нашел Шекспира. Он случайно напал на „Бурю“,

и после этого в течение двух недель читал каждую строчку шекспировских трагедий. Он потерял свою душу в этой чудной стране вымысла, ходил и думал теперь не так, как простые смертные, и жил вместе с лордами и принцами и научился говорить их языком. Немного дней оставалось от этих чудных праздников, и они были посвящены Мильтону. В библиотеке было много его произведений, очень значительных по величине, которые приобретались без всякой надежды на то, что их прочтет хоть одна человеческая душа. Но Тирсис прочитал и их, и таким образом красота переплета была оправдана. Целыми часами упивался он торжественной музыкой стихов, громко декламировал их со стиснутыми руками, но временам останавливаясь и как ребенок выражая смехом свое восхищение. И наконец, когда он дошел до „дворца“, который поднимался „как туман“, вся душа его воспрянула.

Однажды, в летний день он стоял на высокой горе, а под ним в долине проходила железная дорога. Он видел, как там, внизу, на рельсах стоял товарный поезд, выпуская из трубы клубы плотного черного дыма. Было тихо, безветренно, и дым поднимался кверху как величественная, высокая колонна. Тирсис думал в это время о прочитанной строчке, приведшей его в такое восхищение. И ему казалось, что она поднимает его душу к небу, как этот столб дыма, и чувствовал, что вспышки поэзии, подобные этому стиху, являются местом встречи человека, ищущего божества, с тем кого он ищет.

Около этих мест с ним приключилось нечто странное. Как-то, в середине зимы, когда время уже приблизилось к вечеру, он вышел погулять в прекрасный сад. Сухой снег хрустел под его ногами, вверху, над головой мерцали и искрились звезды так ярко, что ему казалось, что можно достать их рукой. Мир лежал, спокойный и страшный в своей красоте. И вдруг неожиданно Тирсис испытал какое-то странное и жуткое чувство,—это был его первый экстаз.

Он не был в состоянии сказать—ходил он или сидел в это время, говорил или молчал. Он окончательно потерял за это время ощущение своего собственного существования,—его сознание заполнилось образами его фантазии, любимыми созданиями своей мечты. Ни снег, ни холод не существовали для него более, он видел только лесную просеку, залитую лунным светом, и оттуда шли они, один за другим, такие близкие, такие человеческие, и в то же время такие блестящие и величественные. Здесь были Шелли и Мильтон, и тихий и печальный Гамлет, и грустный рыцарь Ламанки, вместе с неукротимым Фальстафом, присутствие которого оживляло их. И они сошлись здесь и разговаривали друг с другом, каждый в своем стиле,

побуждаемый своими собственными импульсами. И был разговор их полон грациозной фантазии и сердечного веселья.

Тирсис скоро сделал открытие, что эти чудесные видения приходят только один раз и что когда они исчезают, то уже навсегда. И он должен был научиться схватывать их в то время, когда они убегали, крепко удерживать их около себя, ценой страшных усилий.

7.

Почти в то же время в жизни Тирсиса произошло еще другое событие, столь же значительное. Детство миновало, и настала пора юношества. В организме его произошли некоторые изменения, и он узнал об этом с испугом и с каким-то странным и беспокойным содроганием. Он не имел ни малейшего понятия о том, как ему следует отнестись к этому, и ему не к кому было обратиться за советом.

Он пробовал не обращать на это никакого внимания, как на вещь незначительную. Но этого нельзя было обойти, — это было слишком важно. Он открыл в себе новые желания, которые властно заявляли о себе и волновали его. Он увидел, что женщины и молодые девушки стали теперь представлять для него какой-то новый интерес. Ему нравилось быть около них, а взгляды их вызывали в нем какие-то странные ощущения. Он негодовал на эти ощущения, как на посягательство на свое одиночество. Тирсис не желал, чтобы на пути его жизни были какие-либо женщины, за исключением муз, в их звездном одеянии. Ему очень нравилась строка из одного мильтоновского сонета: „Твоя душа была подобна звезде и жила одиноко“.

И вместо этого какое ужасное унижение пришлось пережить ему! В той местности, где он проводил лето, жила одна девушка, полная, довольно вульгарная и с каким-то томным выражением в глазах. Ей нравилась мужская близость, и Тирсис провел однажды целый вечер, сидел с ней рядом и обнимал ее за талию рукой в состоянии какого-то глупого опьянения. Остальную часть ночи он провел, бродя по лесу, со слезами стыда и досады в глазах.

Он был до такой степени несведущ в этих делах, что даже не понимал, была ли эта перемена в нем нормальным явлением, или это была болезнь. Он решил, что ему необходимо с кем-нибудь посоветоваться. Так как для него было совершенно немыслимым делом говорить о таком позорном предмете с кем-нибудь из старших, он вспомнил об одном из своих классных товарищей, которого он знал за серьезного и рассудительного юношу. Этот товарищ, по возрасту старше Тирсиса,

был сыном евангелического священника и сам готовился в священники. Его звали Уорнер, и Тирсис не раз помогал ему устраивать в колледже религиозные митинги. Уорнер возмущался его беспорядочным отношением к богословию, но, несмотря на это, они все-таки были друзьями, и Тирсис стал искать случая откровенно поговорить с ним.

Однажды, когда они вдвоем прогуливались по одной из ближайших к колледжу улиц, мимо них прошла женщина с грубым и наглым лицом и с накрашенными щеками. Она улыбулась, проходя мимо группы стоявших студентов, и один из них обернулся и пошел, взяв ее под руку.

— Милосердный боже! — воскликнул Уорнер. — Видите вы это?

— Да, — ответил Тирсис. — Кто она?

— Она вышла из этого дома, который сейчас за углом.

— Но кто же она?

— Как кто? Это уличная!..

— Уличная?

И Уорнер принялся объяснять ему, что такое проституция и какие бездны человеческой развращенности таятся в ней. Этот случай дал юноше возможность задать несколько вопросов по интересующему его предмету и помог ему выработать здравый взгляд на свое положение. Он начал понимать человеческую природу и тот мир, в котором он жил.

Вот перед ним Уорнер, двадцати четырехлетний мужчина, набожный, трудолюбивый, хотя немного туповатый человек. И между тем последние восемь, девять лет его жизни были для него непрерывным мучением, благодаря сильным порывам сладострастия.

Вся жизнь этого человека определялась этим инстинктом. Тирсису казалось, что в его представлении бог при сотворении мира имел в виду отношение человека к половому чувству: он создал рай, чтоб вознаградить его за воздержание, а ад — чтобы наказать, если он поддастся ему. Вот почему он так тяготел к церкви и уклонялся от всякого заигрывания с „рационализмом“. Он порицал театр, потому что театр дает изображения страстей; осуждал картины и статуи, изображающие обнаженное человеческое тело, потому что они лишали его самообладания, и он с нетерпением ждал окончания своего курса богословия, как своей заветной цели, потому что тогда он будет иметь возможность устроиться и жениться и таким образом наконец-то удовлетворит свой инстинкт. Он говорил об этом с грубой откровенностью, ссылаясь на авторитет св. Павла, что „лучше жениться, чем разжигаться“.

Этот разговор заставил Тирсиса убедиться в том, что на свете есть много такого, чего нельзя найти в поэзии Теннисона и Лонгфелло. И он стал интересоваться внутренним миром остальных товарищей-студентов.

8.

Уорнер дал Тирсису религиозное освещение вопроса; теперь он стал искать научного обоснования. Среди его товарищей был один высокий молодой человек, с энергичным лицом, называвший себя последователем Спенсера и даже цитировавший Шопенгауэра в классе. Однажды, возвращаясь вместе домой, Тирсис и он рассуждали о свободе воли, о природе человеческих желаний и о их власти над людьми. И тут Тирсис сделал ошеломившее его открытие, что этот молодой человек, восприняв доктрину детерминизма, сделал из нее вывод, что он может делать все то, что захочет, а потому и был совершенно не в силах бороться со своим половым инстинктом. В течение всего последнего года этот изящный, умный и правдивый юноша, через известные промежутки времени посещал проституток. И хладнокровно, с чисто научной точностью он объяснил Тирсису, какие меры принимает он для того, чтобы не заразиться болезнью. Тирсис слушал, и все время ему казалось, что он находится на скотобойне. И когда, возвращаясь к доктрине детерминизма, он спросил своего собеседника, как же это случилось, что он сам избег этой „необходимости“, то получил спокойный ответ, что, по всей вероятности, причиной этого служит его менее мужественный, более слабый темперамент.

Среди товарищей Тирсиса был еще любопытный тип: юноша, с которым очень легко было заводить разговор на подобные темы. Тирсис сидел с ним рядом на лекции латинского языка и вскоре заметил, что во всех случаях, когда в тексте содержался хоть слабый намек на какое-либо явление половой жизни, сосед взглядывал на него с усмешкой и слегка подмигивал ему. Когда Тирсис вставлял какое-нибудь случайное замечание в разговор, этот человек старался придать ему не то значение, какое подразумевал Тирсис, и сбивался на какую-нибудь двусмысленность, желая оправдать свою усмешку сатира. Так что однажды Тирсис был вынужден сказать ему:

— Поймете ли вы когда-нибудь, в какое состояние вы привели свой ум?

— Что вы хотите сказать?—спросил тот.

— Да как же, решительно все на свете кажется вам намеком на какую-то непристойность. Вы везде ищите ее и повсюду находите, и кажется, что ни до чего другого вам нет никакого дела.

Его собеседник заинтересовался этой характеристикой самого себя и с кроткой веселостью признался, что это на самом деле так. Повидимому, серьезный разговор о таком предмете был для него чем-то новым и непривычным. Он признался Тирсису, что не помнит в своей жизни такого случая, когда бы он воздержался от полового влечения. Он испытывал вожделение к каждой женщине, с которой встречался, и его голова представляла из себя складочное место всяких непристойностей. И тем не менее он не был дурным человеком в других отношениях: он был красив, атлетически сложен и готовился стать доктором.

— Вы увидите, что большинство людей таковы, как я,—говорил он.

Вскоре после этого разговора Тирсису пришлось по выбору быть представителем от своего колледжа на примерных парламентских дебатах. Он уехал в другой город, где студенты пригласили его в свое общежитие. И здесь-то он сразу понял, что многих сторон студенческой жизни до сих пор не знал вовсе. Это был фешенебельный университет, и здесь ему пришлось иметь дело с детьми богатых родителей. Около двадцати человек студентов жило в этом общежитии, не стесняемые ничьим надзором. Они обедали в прекрасной столовой, отделанной дубовыми панелями. И в течение обеда они оглушали Тирсиса таким потоком всякой непристойности, какая ему не снилась в течение всей прежней жизни. Тирсис попался в плен, и никак не мог выбраться от них. И, когда он поднялся из-за стола, ему казалось, что во всем божьем мире не осталось ничего чистого. Юноши, казалось, соперничали в богохульстве. И это не было простой веселостью,—это была разросшаяся до небывалых размеров отвратительная развращенность.

9.

Открытия эти следовали одно за другим. Но для Тирсиса достаточно было виденного в самом начале, чтобы для него стало ясно, что надо делать. Выбор Геркулеса стоял перед ним: он не желал, чтобы весь ход его жизни определялся требованиями того животного, которое заключено в нем.

От значительной доли искушений его избавляла разборчивость и требовательность его натуры: мысль о женщине, продающей себя за деньги, не могла внушить ему ничего, кроме гадливого содрогания.

Но близко от него, в одном с ним доме жили дочери бедняков, и это было для него в роде капкана, в который он мог попасть. Он чувствовал, что приступы полового чувства приходят через известные промежутки времени. Он мог прожить недели, спокойный и счастливый своей работой,—и вдруг внезапно его охватывало беспокойство, и он уходил ночью из дома и блуждал по улицам целыми часами, охваченный бесплодным стремлением к чему-то неизвестному, чему он сам не мог бы подыскать названия. Это была смутная надежда найти что-то чистое в море грязи, какое-нибудь приключение, которое не было бы позорным для воображения поэта. После полуночи он тихо прокрадывался в дом больной, с обманутым сердцем, и смачивал подушку гжучими, горькими слезами.

Мысль об опасностях этого рода стала для него настолько невыносимой, что он счел необходимым отыскать своего старого друга-священника, который однажды оттолкнул его древней еврейской мифологией, а теперь сделался для него необходимым, благодаря своей деятельной нравственной силе. С замешательством, то и дело запинаясь, Тирсис начал намекать ему на то, что так угнетало его. И тогда этот человек, вся жизнь которого была деятельной любовью к своим ближним, открыл перед Тирсисом свое великое сердце и согрел его своей любовью.

Он рассказал ему о своей собственной юношеской борьбе, благодаря чему никогда в жизни не знал женщины. Он привел юноше факты из эпизодов этой борьбы и объяснил, какое важное значение, определяющее все последующее направление жизни, имеет исход ее.

На одной стороне были рабство, развращенность и болезни; на другой—все высоты, до которых только может подняться человеческий дух. Ибо, если кто сохранит и сбережет эту могучую половую энергию, она претворится в драгоценную интеллектуальную и эмоциональную силу. Таково было единогласное свидетельство всех учителей высшей жизни духа:

„Моя сила равна силе десятерых,
Потому что мое сердце чисто“.

И это не был слепой аскетизм: это был просто выбор наилучшего. Это не было и отрицанием любви—напротив, это было освящением ее. Когда-нибудь Тирсис встретит женщину, с которой он пожелает соединиться, и он будет ждать ее как девственницу. И он должен дать ей то же, что даст ему она,—он должен сохранить нетронутым огонь и пыл своего юношеского желания для этого великого момента завершения своей жизни.

Таков был их идеал. И для сохранения его эти два человека заключили между собой соглашение, которое обязывало Тирсиса раз в месяц сообщать своему старшему другу обо всех случаях успеха или неудачи в борьбе с искушением. И эта добровольная исповедь служила могучим стимулом для юноши,—он знал, что никогда не в состоянии будет солгать, и потому мысль о том, что ему надо будет сказать правду, висела над ним Дамокловым мечом.

10.

Наступило лето, и Тирсис уехал на жительство в деревню, где проводил время в чтении Китса и Шелли, а также поэм Скотта. Однажды выдался тихий, теплый вечер, один из тех вечеров, когда весь мир кажется какой-то грезой. Тирсис перед тем много работал, и у него вдруг явилось сильное желание посмотреть на звезды. Он вышел из дому, и стал бродить по деревенским улицам. Вдруг он увидел женщину, выходившую из дверей какого-то дома. Эта была очень молоденькая, хорошенькая девушка, с грациозной фигуркой. Когда она проходила мимо, на щеках ее вспыхнул румянец, а на губах заиграла улыбка. Сердце Тирсиса сильно забилося, и кровь бросилась в лицо. Он обернулся, посмотрел на нее, и увидел, что она глядит на него через плечо.

Он остановился и повернул назад с намерением следовать за нею. Все его колебания и принятые раньше решения моментально исчезли. Дрожь пронизала его, и каждый нерв в нем содрогался. Сердце его, казалось, подкатилось к самому горлу.

В следующее мгновение он был уже около девушки.

— Могу я пойти с вами? — спросил он. Она ответила кивком головы.

Тирсис пошел за ней, взяв ее руку в свою. Скоро они пришли в такое место, где улица была неосвещена, и он обвил рукой ее талию. Она не сопротивлялась.

— Я... я часто видела вас раньше,—сказала она.

— Да,—отвечал он,—я также видел вас.

И он вдруг вспомнил одно замечание на ее счет, которое он слышал недавно. По соседству с ним был громадный летний пансион, который, как обыкновенно бывает, перенес с собой в деревню всю испорченность больших городов. Какой-то юноша, которого Тирсис встретил там однажды, показал на эту девушку, сказав:

— Вот маленькое животное!

Эта мысль вдруг подхватила его с какой-то неистовой волной безумия. Он наклонился к ней и стал шептать ей на ухо. Это были слова, которые еще никогда не сходили с уст Тирсиса.

Девушка оттолкнула его, но засмеялась.

— Ты слушаешь меня, да?—воскликнул Тирсис в то время, как сердце его стучало как удары молотка.

— Слушай,—шептал он, наклоняясь к ней.—Пойдем, пройдемся немного. Пойдем в такое место, где нас никто не увидит.

— Куда?—спросила она.

— Прочь отсюда, в поле!—проговорил он.

— Не теперь,—отвечала она.—Когда-нибудь в другое время.

— Нет, теперь,—воскликнул Тирсис в ярости.—Теперь!

Они медленно подвигались вперед. Вот они подошли к тому месту, где громадное дерево покрывало дорогу своей тенью. И здесь, как бы повинувшись одному и тому же влечению, они оба остановились.

— Выслушай меня,—тихо шептал он.—Выслушай! Ты не знаешь, как страстно я желал тебя встретить. Это правда, клянусь тебе, это правда!

Он остановился.

— Я тоже хотела встретиться с вами,—отвечала девушка.—Разве вы не видели, как я кивала вам?

Тирсис охватил ее рукой и крепко прижал к себе. Прикосновение ее груди зажгло бешеным огнем кровь в его жилах. Он уже не думал больше о том, что он говорит и что делает.

— Выслушай меня!—продолжал он.—Выслушай! Никто не узнает. И ты так прекрасна, так прекрасна! Я люблю тебя!—Слова жгли его губы, но он заставил себя произнести их, снова и снова:—Я люблю тебя!

Девушка с беспокойством оглядывалась по сторонам.

— Не теперь!—наконец, воскликнула она.—Не сегодня. Завтра я встречу тебя, завтра вечером пойду с тобой!

— Нет,—воскликнул Тирсис,—не завтра вечером, а сейчас!

И он сжимал ее все крепче, насколько у него хватало силы.

— Слушай,—продолжал он страстно, обдавая своим дыханием ее щеки.—Я люблю тебя! Я не могу ждать до завтра, я не в состоянии перенести этого. Я весь в огне! Я сам не знаю, что делать!..

Девушка опять оглянулась вокруг с нерешительностью, а Тирсис все повторял, как в бреду, несвязные, безумные слова. Он не получил отказа, он знал это. Внезапно, среди его восклицаний, раздался ее

слабый шопот: „Хорошо!“ И сердце его забилося так, что ему стало больно.

— Слушайте, что я скажу вам,—продолжала она, спеша,—я шла в лавку за покупками, и меня дома ждут. Подождите меня, пока я вернусь домой, а потом приду сюда опять и пойду с вами.

— Ты сделаешь это?—шептал Тирсис.—Ты сделаешь это?

— Да, да,—отвечала она.

— И скоро это будет?

— Да, скоро.

— Хорошо,—проговорил он.—Но прежде поцелуй меня.

Тирсис прижал ее к себе и целовал ее, еще и еще, до тех пор, пока ее щеки не запылали. Наконец он отпустил ее, и она, быстро повернувшись, спешно пошла по улице.

11.

Когда она ушла, юноша стоял неподвижно, не в силах пошевелить рукой. Прошло с минуту. Краска сбежала с его лица, потух огонь в его жилах, и он едва мог устоять на ногах от слабости. Голова его склонялась все ниже и ниже, и, наконец, он хрипло прошептал:

— О, боже мой, боже мой!

Он взглянул вверх, на небо. Лицо его было бледно как у привидения. Из груди вырвался стон, как у раненого животного. Он быстро повернулся и помчался по улице.

Он все шел и шел вперед. Вдруг сразу остановился и осмотрелся вокруг. Сжал руки так, что ногти вонзились в тело, и крепко стиснул зубы.

— Нет, нет,—бормотал он.—Нет, трус!

Он повернулся и пошел назад размеренным шагом как солдат. Дойдя до того места, откуда он убежал, он остановился и стал неподвижно как статуя. Прошли минута, другая. Наконец, вдали показалась тень; вскоре близко послышались шаги. Это была девушка.

— Вот и я,—прошептала она, смеясь.

— Да,—машинально ответил Тирсис.—Мне нужно вам что-то сказать, пожалуйста, выслушайте меня.

Она заметила сразу перемену в его тоне, и остановилась.

— В чем дело?

— Я не знаю, как сказать вам,—начал Тирсис тихим, дрожащим голосом.—Я был совершенным зверем. Но я очень сожалею о том, что мы говорили с вами.

— Вы хотите сказать, о чем вы говорили, не так ли?—спросила девушка, и глаза ее сверкнули...

Тирсис опустил глаза.

— Да,—сказал он.—Я собака! Я прошу у вас прощения. Мне так стыдно самого себя, что я не знаю, что мне делать. Но... о, я был сумасшедшим. Я не могу ничего исправить в том, что было. И... я так скорблю об этом.

В голосе его слышались слезы.

— Ну, что ж,—произнесла девушка.—Все это хорошо.

— Нет,—сказал Тирсис,—все это дурно. Это страшно—более это ужасно! Я не знаю, что я должен делать...

— Лучше не делайте этого никогда больше, вот и все,—проговорила она.—Вам нет надобности сокрушаться обо мне,—я позабочусь о себе сама.

Тирсис снова взглянул на нее: она более не была красива. Лицо у нее было грубоватое, а гнев не делал ее красивее. Его смирение не произвело на нее должного впечатления.

— Это так дурно...—начал он.

Но она прервала его.

— Проповедь здесь ничему не поможет,—сказала она.—Я не желаю ее слушать. Прощайте!..

Она повернулась и пошла прочь. Тирсис стоял бледный, дрожащий, потом, внезапно вздрогнув, быстро пошел прочь. Он прошел через весь город, вышел в поле, ничего не видя, ни о чем не думая. Наконец он бросился на землю, у дороги, и так лежал несколько часов, повторяя сквозь стон:

— Боже мой, боже мой, что я буду делать?

12.

Уже светало, когда он вернулся домой и тихо прокрался к себе наверх. Здесь, в своей комнате, он сел около кровати и стал смотреть в зеркало на свое угрюмое лицо. В такие минуты созерцания он открывал в чертах своего лица нечто такое, что заставляло его содрогаться. Какая это была старая, слишком хорошо знакомая ему история—эта тоска и угрызение совести. Эти порывы решимости, которые расплывались как обрывки облаков, эти протесты и взрывы благородных чувств, не имевших ни малейшего влияния на поведение. Эта мысль действовала на него как прикосновение раскаленного железа. После этого испытания следовали целые месяцы тяжелого труда и раскаяния и какого-то иступленного самозаклания. Он на несколько

месяцев лишил себя той пищи, которую любил; вместо того, чтобы лечь в постель в час, он заставлял себя просидеть целый час за чтением нового завета на греческом языке. По утрам, вскакивая с постели, он обмылся холодной водой, а по ночам, когда он чувствовал, что прилив сладострастия обуревают его, он уходил из дома и гулял целыми часами.

Он стал вести дневник, в котором не только описывал все происходившее с ним, но и обращался с увещаниями к самому себе. Так как он уже не мог молиться теми молитвами, которым его учили, то он сочинил для себя новые обращения: это были молитвы к неведомым источникам его видений, к новым силам его собственной души—„к неоткрытым богам“, как он называл их. Чаще всего он обращался с мольбой к видению девушки, которая, в ожидании исхода борьбы, держала победный венок в своих руках.

Все эти переживания внесли едва заметную перемену в его отношениях к Коридон, с которой он время от времени встречался. Коридон была уже теперь молодой барышней, красивой и статной, и какая-то неуловимая атмосфера грации и чистоты окружала ее. Все нечистое исчезало в ее присутствии. Вот почему он любил бывать в ее обществе в минуты печали и скорби. Он ронял слабые намеки на искушения и страдания, связанные с ними, и говорил ей, что она кажется ему „богиней“.

Коридон принимала это с благоговением, но вместе с тем и с каким-то беспокойством. Она не в силах была понять, почему это ему надо было так упорно и много бороться и почему этот юноша имел такой мрачный взгляд на вещи. Но она охотно готова была „богиней“ для кого-нибудь, и радовалась, если может этим помочь ему. Она была очень тронута, когда он прочел ей свою поэму, поэму, которой он очень дорожил.

13.

В этот период долгой и тяжелой борьбы он выработал в себе ту силу, которая так нужна была ему в его последующей жизни. В это время он научился „ставить свою волю над собой как закон“ и отрицать мир во имя своего идеала. Тогда же эта упорная работа над собой сделалась для него ключом, открывшим ему двери в сокровищницу нового искусства, и этим искусством была музыка.

Однажды Тирсис отправился слушать одного известного пианиста, и на концерте сидел смущенный и пораженный. Рядом с ним сидела девушка, которая рыдала, а Тирсис смотрел на нее так, как он смотрел бы на дом, объятый пламенем. Но, если он не был в состоянии понять

музыки, зато он мог читать книги о ней, и таким образом он мало-по-малу научился понимать разницу между сарабандой и симфонией и начинал получать некоторое представление о том, что он намеревался итти слушать. В это время случай привел его на концерт, который заканчивался знаменитой „Симфонией С—минор“.

Тирсис читал биографию Бетховена, и ему было известно, что это была героическая душа,—это был человек, который сцепился с демонами и прошел чрез долину смерти. Он стал читать объяснения этой титанической симфонии и узнал, что ее сюжет—борьба человеческого духа с отчаянием. Он прочел эпиграф Бетховена: „Так стучит в дверь судьба“. И им овладело страстное, всепоглощающее желание проникнуть в душу симфонии.

Он отправился на концерт, но ничего не слышал из остальной музыки и сидел как во сне. Когда же настал черед симфонии, он задрожал от волнения. Воцарилось продолжительное молчание. Вдруг раздались первые звуки—эти страшные удары молота, о которых нельзя думать без содрогания. Они ударили по самым струнам сердца Тирсиса, и он сидел потрясенный. И мощь этой страстной музыки подхватила его. Он забыл, что у него было намерение разгадать смысл симфонии. Он только чувствовал, как гигантские фантомы волнуются в его душе, что самая его душа как бы переживала все в сто раз сильнее. Он видел яркий луч света, сверкающий среди бури, слышал голос, полный жалобы и страха, вызывающий к милосердию, и этот голос был прекраснее всего на свете. Буря покрыла этот голос своим свирепым ревом, а голос звучал снова и снова. Тирсис не знал, что эта часть симфонии и была той „законченной частью“, которая раньше была для него источником стольких страданий. Он только чувствовал, что кто-то борется и побеждает, жалуется и рыдает и поднимается все выше и выше, и тогда поднимается гигантская черная тень, страшного призрака и проносится над ним. И вдруг раздаются эти страшные удары железного молота судьбы и сбивают его с ног, и дробят его и крошат его в куски, и превращают в ничто. И снова, и снова повторялось это, а Тирсис сидел, крепко вцепившись руками в свой стул, охваченный удивлением и потрясенный до глубины души. Никогда еще в жизни ему не случилось переживать ничего, что было бы столь же огромно и полно такого же ужаса. Это было больше того, что он мог вынести, и, когда первая часть симфонии пришла к концу—когда умерла последняя надежда борющейся души,—он встал и выбежал вон. Попадавшиеся ему навстречу люди, вероятно, считали его сумасшедшим. После этого он всей своей душой жил в музыке.

Непосредственным результатом этого вечера было то, что Тирсис потратил все свои сбережения на покупку скрипки и затем направился к учителю музыки.

— Вам уже поздно учиться,—сказал ему учитель.

Но Тирсис ответил:

— Я буду работать так, как еще никто до меня не работал.

— Мы все это делаем, отвечал тот с улыбкой.

И Тирсис начал учиться.

Целыми днями, со стертými пальцами, с дрожью в руках и с ноющей от утомления спиной, Тирсис практиковался в игре на скрипке, и дух музыки ободрял его. Это происходило в пансионе; по соседству в комнате жил нервный старичок, так что Тирсису, в конце концов, пришлось оттуда уехать. К тому времени, как он должен был переехать на дачу, он уже был в состоянии наигрывать мотив какой-либо мелодии. Он останавливался на каком-нибудь мотиве, который чем-нибудь поражал его, и играл этот мотив целыми днями и ночами. Каждое утро, часов в восемь, он брал свою скрипку и уходил с ней в лес, где и проводил весь день в обществе белок. Кто-то рассказал ему про одного новоприбывшего господина: этот господин на рассвете ехал в омнибусе к отелю и встретил старуху-итальянку, которая, поднимаясь на холм, во все горло распевала „Марш Тангейзера“. Прибывший оказался музыкантом, поэтому он высунулся в окно и с любопытством стал расспрашивать старуху, откуда она научилась этому мотиву. В объяснение она ответила ему:

— Тут в лесу бродит один сумасшедший человек, который играет его ежедневно в течение трех недель.

14.

В это время Тирсис окончил коллеж, и поступил в университет. То время, которое он должен был сидеть на лекциях, он проводил в одной из свободных аудиторий за чтением какой-нибудь книги, которая почему-либо привлекла его внимание. Как-то ночью он сам однажды удивился, как это могло случиться, что он мог читать стихи по четырнадцати часов в день в течение целой недели и не чувствовать себя утомленным.

Он сам изучил немецкий язык, и ознакомился с Гёте. Сила этого могучего духа так захватила его, что он молился ему в те минуты, когда чувствовал себя одиноким, и носил в кармане его карточку. Большие глаза портрета преследовали его до такой степени, что однажды ночью он проснулся с криком; ему приснилось, что он идет навстречу Гёте.

Тирсис имел немного друзей в колледже и ни одного в университете. У него не было времени для того, чтобы приобрести их. Но он уже давно потерял всякую надежду приобрести себе друга и мало заботился о том, что будут думать о нем другие. Для него в эту эпоху его жизни было ясно, что ему предназначено быть поэтом, а в силу этого он должен быть несчастным. Его мать отказалась от всякой надежды видеть его когда-либо епископом и помирилась на том, что сын будет судьей. Но здесь, в университете, был юридический факультет; он встречался со студентами этого факультета и убедился, что это для него также невозможно. Эти юристы искали знаний не из любви к науке—они здесь изучали ремесло, которое поможет им составить карьеру. Они не готовили себя для того, чтобы бороться за правду и справедливость,—они просто совершенствовались в ловкости, чтобы иметь возможность быть полезными в денежных спорах. Они изоциряли свой ум, чтобы сделать из него полезный инструмент для открывания денежных ящиков. Такое отношение к жизни было ярко написано на всем их облике; они казались Тирсису толпой грубых хвастунов, и он с отвращением сторонился от них. Он шел своей, особенной дорогой и оставался в университете до тех пор, пока не изучил французского и итальянского языков так же хорошо, как он знал немецкий, и не прочитал на этих языках всего, что есть лучшего в литературе. В это же время он окончательно победил в себе зверя и научился быть господином самого себя. И, хотя об этом никто не догадывался, с ним свершилось новое чудо: в нем зарождался творческий замысел. Налицо было много признаков, по которым можно было угадать это его новое состояние. Он ходил всегда совершенно один и ни с кем не разговаривал, был всецело погружен в самого себя, и глаза его, когда он ходил, были неподвижно устремлены в одну точку. Приходил в бешенство, когда его тревожили и отвлекали от дум, и дорожил своим временем. Он отказался от соблюдения всех жизненных формальностей: не посещал более лекций, не носил манжет и молчал во время обеда. Он совершал длительные прогулки в самое невозможное время и особенно любил один высокий холм, где свободно гулял ветер. Теперь-то книга, созревшая в нем, готова была родиться.

Мысль написать эту книгу пришла ему в голову за чтением исторического сочинения, из которого он ознакомился с древней тиранией в ее самых жестоких формах. Тирсис в это время по многим причинам возненавидел христианство, но главным образом он ненавидел его за то, что оно учило рабской добродетели—послушанию

Тирсис не повиновался никому и жил своей собственной жизнью. Он мечтал о герое, который был бы воплощенным сопротивлением, страстным утверждением человеческих прав и гордого вызова.

Действие происходило в Италии, в свирепое время деспотов и наемных убийц. Героем Тирсиса был менестрель, могущественный музыкант со свободной душой. Он пел во дворце деспота и пленил его дочь.

Тирсис совершенно пьянел от тех пылких речей, которыми менестрель покорил сердце принцессы. Он унес ее из дворца, крепко держа в своих руках, в уединение высоких гор. И там вблизи разбойников стали жить менестрель и принцесса. Но разбойники были жестоки, а менестрель искал добра. И тогда произошла борьба, и менестрель и его дама ушли еще дальше в глубину леса, где и стали жить вдвоем в хижине; он—принц охотников, а она—принцесса любви. Но разбойники привели деспота в то место, где они жили, и тут произошла новая борьба. Принцесса была убита, а менестрель спасся в темноте. Всю ночь он бродил по лесу, а утром лег у дороги с луком в руке, и в тот момент, когда деспот проезжал мимо, он поднялся и вонзил стрелу в его сердце. Приближенные деспота схватили его, замучили, и он умер с песней насмешки и вызова на устах.

15.

Когда все эти картины зародились в голове Тирсиса, он с ужасом признавался себе, что ему понадобится целая жизнь для того, чтобы написать все это. Прошел год, и за это время каждая эмоция его души выливалась в какую-либо часть его поэмы, а каждая нота, которую ему приходилось слышать за это время, казалась, исходила из самого сердца его менестреля. Настало, наконец, такое время, когда он до такой степени был полон своим замыслом, что никак не мог найти себе покоя. Он бродил по улицам с блуждающей улыбкой на устах и со слезами на глазах. Тогда он сказал самому себе: „Это должно быть написано. Теперь! Теперь!“ И он осмотрелся вокруг с таким видом, с каким самка ищет для себя подходящего места, когда наступит время для родов.

Это происходило в последнюю зиму его пребывания в университете, когда уже все профессора, а также все его родственники и знакомые признали его совершенно безнадежным для науки. Он бросил писать для денег, как делал это раньше. У него было отложено около ста долларов, и этого должно ему хватить на некоторое время. И он постоянно твердил самому себе: „Весной, весной! Это должно

быть написано в деревне". Когда наступил апрель, он не мог уже больше оставаться в городе. Он бросил все и отправился в глубь страны искать себе подходящего места.

Он нашел озеро, покрытое льдом, и горы, сплошь покрытые снегом. Деревенские люди, никогда не выдавшие поэтов и не понимавшие тонкого, чуть уловимого различия между вдохновением и безумием, с удивлением слышали о его желании жить в лесу. Но он отправился один, вдоль по берегу озера, через занесенный снегом лес, отыскивая уединенное место, где он мог бы построить себе хижину или, в крайнем случае, хотя бы раскинуть палатку. И, когда он уже отошел на несколько миль от деревни, внезапно глазам его открылось такое чудное местечко, что сердце его запрыгало от восторга. Это был настоящий дворец грёз, превзошедший все ожидания — крошечная бревенчатая хижинка. Она стояла в прелестной долине, через которую стремительно пробегал горный поток, могучие заросли девственного леса окружали ее, а из окон открывался чудный вид на озеро. Сейчас все было покрыто мокрым снегом и грязью и все имело унылый и заброшенный вид. Но Тирсис представлял себе, какой вид вся эта местность будет иметь летом, и, сидя на камне, смеялся и пел от восхищения.

Он быстро помчался обратно в деревню, нашел там собственника этого райского местечка, снял домик за небольшую плату, и, несмотря на снег, поселился там. Наконец-то его душа очутилась на свободе!

Два раза в неделю ему приносили провизию. Вначале он страшно мерз по ночам, и писать ему приходилось в перчатках. Но, благодаря внутреннему огню, он не чувствовал холода. Он взбирался на горы, смешивая свой голос с бешеным завыванием ветра, бродил по пустынному скалистому лесу, распевая свою песнь менестреля. Все эти дни он имел общение с божеством, и не было вокруг него ничего, кроме природы. И природа тысячами мелочей выражала ему свое приветствие. Лес страхивал с себя свой сверкающий убор, а птицы так безумно заливались по утрам. А Тирсис все время писал, писал, — весь охваченный дрожью экстаза, изливая всю свою душу. В свой дневник он заносил за эти дни очень мало, и в течение нескольких недель там была только одна запись: „Книга! Моя книга!“

В таком положении были дела, когда однажды Тирсис получил от матери письмо, в котором она сообщала, что приезжает на лето в деревню по соседству с ним. С ней вместе приезжает и Коридон со своей матерью.

КНИГА ВТОРАЯ ЗАПАДНЯ

1.

С дороги Коридон написала письмо к одной своей подруге, в котором сообщала ей, где будет проводить лето. Упомянула и о том, что Тирсис также будет там жить. „Я ничего не жду от него хорошего“, — писала она. — „Он с каждым днем становится все эгоистичнее и надменнее, и я от всей души ненавижу его“.

Когда человек провел три или четыре недели, не имея другого общества, кроме белок и сов, то у него является желание видеть какое-либо дружеское лицо. Тирсис уже написал к этому времени несколько глав своей книги, и первый пыл его творческой энергии нашел себе исход. Когда Коридон сошла с поезда, она увидела Тирсиса на вокзале, куда он пришел ее встретить. Он сообщил ей, что запасал провизию для завтрашнего дня, так как рассчитывает, что Коридон с матерью посетят завтра его сказочный дворец, и там они устроят прекрасный пикник.

На другой день они явились. Природа для их встречи надела свой лучший майский убор. Солнце светило так тепло и ярко, в траве и кустарниках слышались немолчные голоса пробудившейся жизни. И великолепие молодой зелени на склонах холмов, и трепет и сверканье в листве осин и берез — все говорило о вздымающейся волне этой новой жизни. Коридон, при виде великолепия природы, захлопала в ладоши и вскрикнула от восхищения.

Тирсис, игравший роль гостеприимного хозяина, был очень живописен в панталонах из полосатого бархата и серой фланелевой рубашке. Он показал им все свое домашнее хозяйство. Рассказал о всех своих приключениях: как холод прокрадывался к нему по ночам, и как он тогда, для поддержания мужества, начинал играть на скрипке; как он спал первое время в холщевой палатке и, взвалив кучу постельного белья сверху, удивлялся тому, что зябнет; как он однажды

выставил на галерею ведро со свежее изжаренным мясом, и как дикая кошка унесла и ведро, и все, что в нем было. Потом он принялся вышучивать свое хозяйство: когда он готовил себе обед, то или забывал о тех продуктах, которые стояли на плите, и они пережаривались и сгорали вовсе, или огонь потухал. Поэтому он теперь пробует жить исключительно на холодной пище, к великому беспокойству своего желудка.

Затем он продемонстрировал перед ними с таким трудом усвоенное им кулинарное искусство. Он сварил рис с изюмом и яйца и зажарил свиную грудинку. Кроме этого, у него было масло и свежий хлеб, мармелад, пикули и торт. По окончании пиршества Тирсис растянулся на траве и, опершись спиной о ствол дерева, смотрел в небо и цитировал слова некоего Календера, королевского сына: „Действительно, это настоящая жизнь! Как жаль, что она уходит“.

Потом он повел Коридон гулять. Они взобрались на холм, куда Тирсис приходил выдерживать натиск бурь и наблюдать закат солнца и появление луны над озером. Потом они спустились опять в долину, по которой прыгал горный поток. Здесь прежде рос шавель и целый ковер белых трилистников. Теперь же тут рос змеинный язык, наглый и причудливый, голубки и бледный, запыленный коридалис. Под ногами расстилался мягкий пушистый мох, и казалось, что ступаешь по полу какого-то храма.

Тирсис пригласил Коридон сесть, указав место около небольшого, но глубокого пруда.

— Вот здесь я сижу и пишу,—сказал он.

— А как подвигается книга?—спросила Коридон.

— О, я здорово работаю над ней; вот все, что могу сказать.

— Что это такое?

— Это, видите ли, повесть. Я думаю, ее можно назвать романом, хотя я не люблю этого слова.

Коридон задумалась на минуту.

— Я не ожидала от вас, чтобы вы могли написать что-либо романтическое,—проговорила она наконец.

Тирсис, занятый собственными мыслями, заметил:

— Я мог бы назвать ее революционным романом.

— О чем там идет речь?

Он колебался.

— Сюжет взят из средних веков,—проговорил он. — Там есть менестрель и принцесса.

— Это интересно,—промолвила Коридон.

Всякий художник в период зарождения творческого замысла свято охраняет от посторонних свой внутренний мир. Но потом наступает другой период, период торжества и желания ознакомить других со своим произведением. Признаки такого настроения уже намечались в душе Тирсиса. Как-то примет свет великую тайну, которую он так лелеял? И мгновенно дикая мысль пришла ему в голову. Он где-то слышал, что вымыслами охотнее всего зачитываются женщины. Почему бы ему не узнать, как Коридон отнесется к его произведению?

Он решил попробовать.

— Не хотите ли, я вам прочту ее?—спросил он.

— Ну, конечно,—ответила она, и осторожно добавила:—если для вас это не будет осквернением святыни.

— О, нет,—возразил Тирсис.—Вы увидите, когда это будет напечатано, будут читать все.

Он сходил домой и вернулся с драгоценной рукописью в руках. Посадив Коридон на свое любимое место, он сам сел позади нее и начал читать.

Во многих отношениях это был революционный роман. Тирсис не потратил времени на то, чтобы рыться в книгах того народа, быт которого он взял фоном своей пьесы, и не распространялся много относительно плащей и кольчуг у своих персонажей. Замок, в котором происходило действие, был в его поэме лишь слабо набросанной декорацией, на фоне которой жили и боролись живые люди со своими страстями. Первая сцена поэмы происходила в парадной комнате замка одного могучего властелина. В немногих выразительных и красивых стихах автор давал характеристику длящегося годами положения, которое царил здесь:

„Право всегда на плахе,

Зло всегда на троне“.

Среди гостей возникает ссора, и суровый приговор деспота висит в воздухе. Вдруг появляется менестрель. Его слава предшествовала ему, и деспот, в какой-то полупьяной веселости, предоставляет ему право разрешить спор. Его сажают в конце стола и вводят в комнату принцессу. Они встречаются лицом к лицу.

Тут Тирсис остановился, спросив:

— Вам интересно?

— Продолжайте, продолжайте,—проговорила Коридон.

Он стал читать описание принцессы, бывшей воплощением всех добродетелей, которыми была наделена неведомая богиня его фантазии. Она была горда, скромна, далека от всего в мире и в то же

время сострадательна, а сверх всего, невыразимо прекрасна. Что же касается менестреля, то, по словам поэта,

„Менестрель был прекрасен и молод
С сердцем полным любви и огня“.

Он взял в руки свою арфу, усмирив сначала ссору, а потом запел, обращаясь к принцессе. Он пел о любви, о красивой мечте поэта. Но больше всего он пел о свободной жизни на воле. Он пел еще о грезах менестреля, о таинственных спутниках его духа, о чудесной силе, которой он обладает.

2.

Прочитав все написанное, Тирсис смолк. Коридон сидела со стиснутыми руками и с выражением восхищения на лице.

— О, как это прекрасно! Как прекрасно!—воскликнула она.

Дрожь удовольствия прошла по телу юноши.

— Так, значит, вам понравилось?—спросил он.

— О, очень!—ответила она. Потом она взглянула на него с широко открытыми от удивления глазами.—И это вы? Вы?—воскликнула она.

— Что же удивительного, что это написал я?—спросил он.

— Как вы могли написать это здесь, в этом мире? Откуда вы взяли все это?

— Из самого себя,—быстро ответил он.

3.

Тирсис стал рассказывать продолжение поэмы. Сочувствие Коридон воспламенило его воображение, и он стал находить в своей поэме новые красоты, которых раньше не замечал. Коридон слушала с возрастающим восхищением и изумлением.

— Так вот как вы проводите время!—воскликнула она, когда он кончил.

— Да,—ответил он.

— Вот почему вы живете таким отшельником.

— Да, именно поэтому.

— И вы думаете, что вы утратите свои видения, если будете встречаться с людьми?

— Я уверен, что да.

— Но как вы можете это знать?

— Я знаю, потому что пробовал. Вы и представить себе не можете, как много труда я вложил, работая над этой вещью. Если я

в состоянии написать одну книгу, или даже одну поэму, которая будет источником вдохновения для людей, то я буду считать, что я сделал гораздо больше, чем мог бы сделать, если бы употребил всю свою жизнь на то, чтобы помогать окружающим меня людям.

— Я никогда не понимала этого прежде,—произнесла Коридон.

— Эту-то идею менестрель старается внушить принцессе. Сначала он изливает перед ней свою душу. Но потом, когда он убеждается в том, что принцесса любит его, он пугается и старается убедить ее в том, что ей не следует идти за ним. Он говорит ей о том, как одинока и сурова его жизнь, а она рождена для иной, приятной жизни, у нее есть положение и свои обязанности в жизни. Но чем ярче описывает он всю неприглядность своей жизни, тем более она убеждается, что должна идти за ним. Даже в том случае, если ей предстоит смерть, она все же пойдет за ним, чтобы быть его вдохновением, чтобы дать крылья его дарованию. „Молчи“,—говорит она ему,—„дай мне улететь за твоей песней“. Совершить такое дело, которое будет поминать мир, произнести слово, которое будет жить в веках! Это одно достойно всех мук и страданий, которые могут выпасть на долю женщины в ее положении.

Коридон сидела с крепко стиснутыми руками.

— Да,—произнесла она наконец,—именно так она и должна чувствовать.

— Я рад это слышать от вас,—заметил он.—Я должен представить это себе реально. Я боялся за это место. Как вы думаете, пойдет ли она за ним на самом деле?

— Пойдет, если любит его.

— Если любит его? Но она должна еще больше любить его искусство!

— Она должна любить его,—сказала Коридон.

Тирсис покачал головой.

— Но это должно заставить ее пойти за ним,—проговорил он.

— Почему же нет? Разве он не любит ее?

— Любит! Но он боится сказать ей об этом. Они не должны позволить этому чувству овладеть ими.

— Я не понимаю этого! Почему же?

— Потому что личная любовь есть ограниченное и относительно низменное чувство.

— Я не знаю ничего более благородного, как истинная любовь между мужчиной и женщиной!—торжественно провозгласила Коридон.

— Это зависит от того, что вы подразумеваете под словами „истинная любовь“, — возразил Тирсис. — Если два человека любят друг друга ради их самих, и сходятся вместе, то скоро настанет время, когда они хорошо узнают друг друга и будут взаимно удовлетворены, и их духовный рост прекращается. Я же под истинной любовью подразумеваю другое, когда два человека, сходясь вместе, соединяют все свои мысли в одной общей любви к чему-то высшему, к какому-нибудь великому идеалу, положим, к какому-нибудь призраку совершенства. И оба вместе ищут его, и радуются, когда находят, и каждый радуется за другого. И, таким образом, они никогда не останавливаются в своем духовном росте, и каждый день они представляют друг для друга нечто новое. Для такой любви нет конца, нет утомления и пресыщения.

— Я никогда так не думала, — сказала девушка. — Но несомненно, что вначале должна быть все же личная любовь.

— Не знаю, — возразил он. — Я об этом не думал. Я боюсь, что я безличен от природы.

— Да, это, пожалуй, верно, и это-то и смущало меня всегда. Вы любите людей?

— Вообще нет! — признался он.

— Но тогда что же интересует вас? Ваше собственное „я“?

— Люди говорят мне, что да. И в этом мнении есть доля правды. Я ношусь с мыслью о своем служении искусству. Мне открылись возможности, заложенные в моем „я“, и я пробую осуществить их. Если это мне удастся, я буду писать книги и отдавать их на суд людей, и тогда пусть они сами рассудят, дал ли я им лучшие мечты, чем те, которыми они жили до сих пор. Я полагаю, что это высшая форма бескорыстия.

— Я вижу. Но это не так-то легко понять.

— Этого никто не понимает, — ответил он. — Людей научили, что они должны жертвовать собой ради других. И они делают это, слепо и бестолково, никогда не спрашивая о том, да стоит ли другой этой жертвы, и тем неохотнее задаются этим вопросом, чем ценнее то, чем они жертвуют.

Коридон вдруг крепко стиснула руки.

— Как я ненавижу религию самопожертвования! — воскликнула она.

— Я исповедую религию всестороннего развития человека! — произнес Тирсис. — Я жертвую собой во имя того, чем другие люди должны быть.

4.

Через некоторое время они опять вернулись к вопросу о любви и к тому идеалу, который Тирсис намеревался развить в своей книге. Долг каждого человека — достигнуть высшей ступени совершенства, идеал которого стоит перед ним. В такой же степени, в какой каждый работает в этом направлении для себя, он должен делать это и в отношении любимого человека. Никакая любовь не может стать выше той, когда к любимому человеку относятся так же, как и к самому себе, когда не бывают довольны им, понуждая его все к новым усилиям, поддерживая его в состоянии вечного недовольства.

— Я не думаю, чтобы вы встретили много женщин, способных любить вас так, — сказала Коридон.

— Мне нужна только одна женщина, — был ответ Тирсиса. — Но я не могу найти и этой одной.

5.

Вдали раздался голос: их звали. Коридон вздрогнула.

— Это мама! — воскликнула она. — Как быстро прошло время.

— Вы сейчас пойдете домой? — спросил он.

— Я боюсь, что да, — отвечала она. — Нам далеко идти.

— Как жаль! Я хотел вам дать совет относительно книг для чтения. Вы должны мне позволить помогать вам находить то, что вы ищете..

— Ах, если бы вы только захотели.

— Я сделаю все, что могу. Мне стыдно, что я не догадался сделать это раньше.

Они оба поднялись и пошли к дому.

— Не можете ли вы притти завтра, мы бы опять поговорили, — сказал он.

— Но я думала, что вы приметесь за работу, — возразила она.

— Я могу располагать еще одним днем. Отдых не повредит мне, я в этом уверен. Да и говорить с вами сегодня было таким удовольствием.

Они условились встретиться еще раз завтра. Тирсис переправил их на лодке, и вернулся в свою маленькую хижину.

У порога он остановился.

— Коридон! — прошептал он. — Маленькая Коридон..

Она пришла на другой день рано утром, и они сидели на берегу озера и говорили. Они говорили о тех предметах, которые она

должна была изучать, и о том, каким образом надо приступить к их изучению. О книгах, которые она прочитала, и о тех, какие ей надо прочесть.

Коридон, несмотря на свое анти-клерикальное направление, верила в бессмертие души. Для Тирсиса же, наоборот, идея бессмертия была логическим завершением системы лжи в мире. В его глазах жизнь была не что иное, как пузыри, вскакивающие на поверхность потока времени, тень от облаков на горах. Что здесь могло быть бессмертным?

— Акт веры,—восклидал он,—состоит в том, чтобы отдаться в лапы жизни, брать ее такой, какова она есть, радоваться ее бесконечному развитию. Смотреть и на распутившийся цветок и на восход солнца как на равные выражения радости бытия. Но люди слабы, они любят самих себя, и вот они ставят себя в центре вселенной.

Коридон чувствовала себя личностью, и она так любила жизнь. Она настаивала на том, что смерть есть нечто немислимое, что сознание бесконечности она ощущает в себе. Тирсис старался показать ей, что каждый может удовлетворять свою жажду вечности в текущий момент, не распространяя эту жажду на будущее. Что жизнь сама себе довлеет и не нуждается в дальнейшем продолжении для своего оправдания.

— Это свободный дар, и мы не можем предъявлять к ней никаких требований! Мы должны принимать ее на тех условиях, на каких нам ее дали.

Отсюда они перешли к религии. Тирсис любил религиозные обряды, ради той поэзии, которую он находил в них. Поэтому он боролся с язычеством Коридон. Он старался доказать ей, что историю о потерянном рае из английского молитвенника можно читать с таким же наслаждением, с каким читаешь *Виргилия* или *Гомера*. На это Коридон ему ответила, что она была в воскресной школе.

— Но вы раньше верили в святочного деда?—возразил он.—Разве это заставит вас ссориться с ним теперь? Когда вы читаете роман или рассказ, разве вы верите в существование тех людей, которые там описаны?

Он продолжал доказывать ей, как много она потеряла, отстраняясь от возвышающего и облагораживающего душу влияния прошлого. Для примера он взял историю Иисуса Христа. В высокой степени безразлично, была ли эта история выдумкой или правдой,—она важна как произведение человеческого духа. Он видел в этом евангельском герое не того полубога в царских одеждах и с сияю-

щим венцом на голове, каким его изображают на иконах, а скромного рабочего, с мечтой о небесах и об отце, любящем своих детей без различия. Он пошел к бедным и униженным, этот первый революционер мира, со своим учением о душе, как о самом важном в жизни человека, и это учение было динамитом, подложенным под основания всего строя древнего мира. Он жил как бродяга, как отверженный и умер смертью преступника. А теперь те, которые его распяли, воспользовались его учением для того, чтобы поработить мир.

Все это было совершенно ново для Коридон, и она решила, что первое, с чего она начнет свое чтение, будет новый завет.

6.

Так они беседовали, пока Тирсис, с испугом осмотревшись кругом, не заметил, что уже стало темнеть.

Они взошли на холм, сели и стали смотреть на закат солнца, а потом видели восход полной луны. Воздух был чист, небо было как опал, и по нему плыли жемчужные облака. Зрелище было восхитительное. Тирсису в этих красках чудилось изображение души, только что открывшейся перед ним. Он не находил слов, чтобы изобразить то необычайное ощущение чистоты, которое он чувствовал в присутствии Коридон. И это было не только обаяние ее девственности,—это было что-то гораздо более редкое. Это была в высшей степени цельная душа, на которой не было ни единого пятна, которую никогда не посещала ни одна низменная мысль, которая была чужда всякой суеты. Радость и удивление перед жизнью до краев переполняли ее, и всякое благородное побуждение приводило ее в движение, как ветер двигает облако. Она казалась Тирсису созданием неба, на которое они смотрели сейчас.

И здесь, в серебряном свете месяца, они пережили час, который потом во всю жизнь не изгладился из их памяти. Тирсис говорил ей о своем призвании, о своей отшельнической жизни. Он знал уже давно, что он не таков, как остальные люди. А теперь с каждым часом это становилось для него все яснее и яснее. Он не решался сказать слово, которое уже было осквернено людьми, но он считал себя талантом. Все чаще и чаще его посещало это странное состояние экстаза, источник которого был ему неизвестен. Точно какая-то плотина прорвется в нем, и выльется целый поток удивления и восторга. Он дрожал как лист, громко вскрикивал и падал на землю в изнеможении. И тем не менее, как бы ни было сильно

напряжение, он никогда не терял власти над собой. Скорее это состояние удесятряло все силы его души, — ему начинало казаться, что все существующее составляет одно целое с его душой.

Никогда еще он не проронил ни слова об этом кому бы то ни было. Никто не мог бы понять, какое бремя налагало на него это свойство его духа. От него зависело дать миру плоды своего вдохновения или удержать при себе, потерять их или спасти. Он должен был выковать их и сформировать, воплотить их в образах и символах. А это требовало громадной работы, настоящего подвига, неимоверной умственной и эмоциональной выносливости. Он должен был носить в себе эту силу, несмотря на то, что она жгла его как огонь.

— По временам, — говорил он, — я ослабеваю и готов отказаться от этого дара. И тогда у меня не остается ничего, кроме смутного воспоминания без слов, или обрывки каких-то фраз, не имеющих никакого смысла. Какая-то сила пробует отнять у меня этот дар, предать забвению навсегда. У меня в отношении к нему такое же чувство как у матери по отношению к ребенку, которого она носит: если я не дам жизнь своему созданию, то уже никто не в состоянии этого сделать. Вот почему все то, за чем так гонятся все остальные люди, для меня совершенно не существует. Мне нужно только немного денег, так как должен же быть что-нибудь и место, где я мог бы работать. Но мне не нужно ни славы, ни положения в свете! Я не боюсь ни насмешек, ни оскорблений. Вам покажутся безумными мои слова, но мне нет никакого дела ни до того, что люди называют добром, ни до их зла. Я не связан никакими обязанностями. Я могу не иметь ни дома, ни родины, могу не иметь ни жены, ни детей, могу быть чужденцем даже друзей. Вы понимаете?

— Да, — прошептала Коридон, глубоко потрясенная. — Я понимаю...

— Посмотрите кругом, — продолжал он. — Взгляните на все пороки и несчастья, которые царят в мире: на жестокость, алчность, ненависть. Посмотрите, какое множество глупых и мелочных поступков совершают люди, как узки руководящие ими мотивы, сколько суетности и мелкой ревности в их жизни. И все это оттого, что люди лишены того дара, которым обладаю я. Они не знают всех возможностей, которые скрывает в себе жизнь, им недостает сознания ее святости и драгоценности. И они все ищут и ищут, и блуждают зря. Возьмите, например, пьянство. Вино приносит людям

веселье, но ведь это чувство обманчиво, оно приводит их на край пропасти.

Коридон смотрела на его лицо, поднятое вверх.

— Так должен был чувствовать Иисус, когда он плакал над Иерусалимом, — проговорила она.

— Да, — сказал Тирсис. — Это начало зарождения новой религии. Только в наше время люди не станут преследовать вас, они будут вас просто игнорировать. Они не распнут вас на кресте, чтобы не сделать вас заметным и красивым в глазах толпы, — они просто осмеют вас и оставят издыхать с голоду. Как видите, эта перспектива мне предстоит. Я скопил сто долларов, — этого с трудом хватит на то, чтобы прокормиться, пока я буду писать свою книгу.

— А другие имеют так много! — воскликнула Коридон.

— Так много — и ни малейшего представления о том, куда девать этот излишек. Они способны только расхвирать их в пьяном бреду. А там, внизу, бедняки, обращенные в рабство для того, чтобы было кому создавать блага цивилизации. Жить такой жизнью, какой живут они! Я чувствую себя как человек, бежавший из осажденного города, при чем от этого человека зависит принести туда известия, несущие избавление. Я — их единственная надежда, и если я изменю им, — я изменник, я проклятое существо! Они невежественны и беспомощны, и их крик доносится ко мне как ураган горя и отчаяния. О, настанет день, когда я произнесу слова, которые достигнут до них! Я не могу им изменить! Я не могу им измениться!...

— Нет! — прошептала Коридон. — Вы не должны им изменять.

Некоторое время они просидели в молчании.

— Если бы я могла помогать вам, — наконец, произнесла она.

— Но достаточно ли вы сильны для этого? Можете ли вы это вынести?

— Я не знаю этого, я ведь еще ребенок.

И вот это случилось. Это пришло так же, как наступает рассвет, — невозвещенное никем, не приметное, ширясь все больше и больше, пока не наступит день. Несколько месяцев спустя они говорили об этом, и Тирсис спросил ее:

— Когда я сказал это вам?

— Я не думаю, чтобы вы когда-либо говорили об этом, — сказала она. — Это просто пришло само собой. Это должно было притти, — другого выхода не было!

— Но когда я впервые поцеловал вас? — спросил он.

— Я даже этого не знаю, — сказала она, подумав.

— Не было ли это в ту ночь, когда мы сидели на холме?

— Я не знаю, было ли это тогда. — сказала Коридон. — Это было так же естественно для вас целовать меня, как для меня дышать.

Луна стояла уже высоко, когда они наконец спустились с холма и он пошел провожать Коридон домой. Они молчали с чувством благоговения, охватившего их обоих. Домашних Коридон они нашли в панике, но едва обратили на это внимание и с трудом давали объяснение.

Проводив Коридон, Тирсис пошел домой, и половину ночи провел, блуждая в состоянии сильного возбуждения. Рано утром он уже сидел на краю своей парусиновой койки, опять шепча про себя: „Коридон! Маленькая Коридон!“

В этот день работа не шла ему на ум, и он отправился на прогулку по уединенной горной тропинке. На половине дороги он встретил Коридон. В глазах ее было удивление и замешательство... Все это утро она шептала самой себе: „Тирсис! Тирсис!“

Они сели у дороги и стали говорить.

— Коридон, — начал он, — я думал о том, о чем мы говорили вчера вечером, и пришел в ужас. И я прошу вас, пожалуйста, не думайте больше об этом. Я никого не могу ввести в свою жизнь! Как перед лицом бога, говорю это, — я не могу быть таким жестоким! Я содрогаюсь при одной мысли об этом. О, умоляю вас, бегите от меня прочь, пока еще не слишком поздно.

— Вам это представляется так? — спросила она.

— Коридон! — воскликнул он. — Я мученик. Для меня не может быть никакой радости в мире. А вы так прекрасны, так чисты и добры, — я просто не смею думать об этом. Вы должны быть счастливой, Коридон.

— Я еще никогда не была счастлива, — сказала она.

Вступая в разговор с Коридон, Тирсис окружил себя такой стеной неприступности и твердости, которую не могли бы поколебать никакие гурии и прелестницы всех прошедших и настоящих веков. Но перед простыми словами Коридон, произнесенными ее задушевым голосом, с глазами, полными удивления, — стены, окружавшие Тирсиса, зашатались и рухнули.

И так было у них всегда. Возникали бесконечные новые объяснения, новые уклонения и новые открытия. Они расставались с чувством взаимного непонимания и никогда при этом не знали, с каким чувством встретятся завтра.

— Разумеется, — говорил Тирсис, — наш брак будет не таким, как у остальных мужчин и женщин.

— Нет, — соглашалась Коридон, — разумеется, нет.

— Мы будем жить как брат и сестра.

— Да, — соглашалась она.

— И это не будет реальным браком, — я хочу сказать, это будет браком только в глазах общества.

— Хотя я не вижу, почему это будет вам мешать, — прибавляла Коридон. — Если я сделаю что-нибудь не так, вы скажете мне. А вот еще относительно денег. Я не буду для вас бременем. У меня будут свои двадцать пять долларов в месяц.

— Я не думаю, чтобы денежные дела так много значили, — был его ответ. — Только бы прожить это лето, пока я не окончу своей книги.

7.

Ключом ко всей будущности Тирсиса должна быть его книга. Но, увы, книга не подвигалась вперед. Да и кто бы другой мог писать на его месте, в том состоянии возбуждения, в каком он находился сейчас. Новое вино бродило теперь в крови Тирсиса. Это была действительность, а перед ней все виденья его фантазии рассеялись как дым.

В то же время Коридон боролась со своими собственными затруднениями. Так как Тирсис читал ей кое-что из лирики Гёте, то она решила начать с изучения немецкого языка. У него были маленькие книжечки со словами, приготовленные им когда-то для самого себя, и она заполняла ими свой мозг в течение всего дня и даже части ночи. Прекращала она это только для того, чтобы поесть. И она сделала громадные успехи, пока Тирсис боролся со своими ангелами.

Но это были занятия, достойные детей. Там, наверху, были высоты, на которых жил Тирсис, жил неприступный, почти невидимый. Как много лет придется ей трудиться, чтобы достичь этих высот! Она приходила к нему со слезами на глазах, и это были слезы стыда.

Тирсис осушал ее слезы поцелуями и говорил ей, что он видел много блестящих и умных женщин, которые, при всей своей культурности, обладали кукольной душой.

Коридон избавлялась от одного огорчения, но — увы! — только для того, чтобы впасть в затруднение иного рода. Она была девушка, нежная и прекрасная, бесконечно дорогая для Тирсиса. И, когда они встречались, их руки соединялись: обниматься для них было так же естественно, как цветам — расти. Ему казалось, что Коридон начи-

нает все больше и больше любить его и обнаруживает все большее желание прилепиться к нему. И тогда он приходил в ярость от собственной снисходительности. Они проводили иногда целые часы, обмениваясь нежностями и болтая. На следующий день он писал ей письмо, в котором выносил осуждение такому поведению, и тогда Коридон была вне себя от горя, рвала свои любовные письма, со слезами на глазах клялась, что никогда больше не дотронется до его руки. Время от времени он пробовал, уверять ее, что для полноты жизни ей нужен не такой сумасшедший человек, каким был он, а супруг, который бы любил и ласкал ее так, как любят и ласкают других женщин. И ничто в мире не оскорбляло ее так, как эти слова.

8.

Настало наконец время, когда для них стало невозможно скрывать свое счастье от родителей. Нужно было объявить об их невестном „союзе“, и вызвать этим целую бурю негодования, гнева и отчаяния.

Никто не в состоянии был бы представить той перемены, которая произошла в Коридон, в этой кроткой, многострадальной Коридон, которая обратилась теперь в гранитную скалу. Что касается Тирсиса, то от него можно было ожидать всяких безумств, и к этому уже все привыкли. Но даже он был смущен тем впечатлением, какое произвело это известие на всех окружающих.

— Вы испортили себе карьеру! Вы испортили свою карьеру!—Эти слова целыми днями звучали в его ушах. И он понимал, что люди подразумевают под этим. Молодые талантливые люди, желающие выдвинуться в обществе, не должны обременять себя семьей в таком раннем возрасте, как двадцать лет. Они ждут того момента, когда их карьера будет совершенно обеспечена, а пока, если есть в этом надобность, они удовлетворяют свою страсть с дочерьми бедняков. Коридон готовили именно для такого „приличного“ человека. Нужно было сохранить ее до его появления для того, чтобы создать ей обеспеченную и спокойную жизнь. Ее красота и нежность должны привлечь внимание такого человека, а ее невинность— придать свежий пыл его угасающей страсти. И, когда он предложит девушке свою руку, ему не будет сделано ни одного намека на то, каково было его прошлое. Его не спросят о том, какие пороки и болезни он может принести с собой. Тогда будут цветы, свадебный пирог, белые ленты, медовый месяц и свадебное путешествие.

А там—квартира в городе, а, может быть, и целый особняк, с дворцовым и собственным выездом. Благодаря огромному богатству, стекающемуся в метрополию с севера, востока и юга, такие блага часто выпадают на долю красивых и невинных девушек из приличных семейств.

А тут вдруг появляется этот поэт без гроша за душой, который не в состоянии даже содержать жену, и даже не считает этого своим долгом.

— Что же, он думает искать работы?—спрашивали все.

Коридон кротко объясняла, что они намерены „жить как брат с сестрой“. Это уже было последней каплей, переполнившей чашу негодования.

Наконец, окончательно сбитые с толку, совершенно беспомощные в своем отчаянии, обе матери накинулись с обвинением друг на друга.

Тирсис получил письмо с извещением, что Коридон не должна больше ходить к нему в его хижину. После этого письма, в тот же день пришла сама Коридон с известием, что из города получена телеграмма, и они с матерью на следующий день уезжают отсюда.

Тирсис вспылил и уже хотел пойти к ближайшему пастору, чтобы наконец уладить все эти недоразумения, но Коридон отговорила его.

— Я много думала об этом, — сказала она, — и решила, что мне лучше уехать. Вы должны кончить свою книгу, — ведь всё зависит теперь от этого; а вы должны понять, что, пока я буду к вам ходить, вы не в состоянии написать ее. Когда же я уеду, ничто не будет отвлекать вас. Я могу в это время учиться. И, когда мы наконец встретимся в городе, для нас все уже будет ясно.

Она подошла к нему и позволила себя обнять.

— Вы знаете, дорогой мой, для меня нелегко будет уехать. Но я уверена, что так будет лучше.

Тирсис понимал, что она была права, и они согласились на этом. Этот день она провела у него — их последний день, который им принадлежал. Их сердца изливали потоки нежности, по щекам текли слезы. Только теперь, перед разлукой, Тирсис видел, как дорога стала она ему и какое это было дивное воплощение нежности и прямоты.

Они условились, что здесь, а не в городе, состоится их прощание. Они изливались друг перед другом в выражениях любви и

преданности и давали клятвы за будущее. Когда зашло солнце, он поцеловал ее прощальным поцелуем, посадил ее в лодку, и долго смотрел ей вслед, пока лодка не сделалась неясным пятном на фоне озера. Потом он пошел домой с чувством безграничного одиночества в душе.

И, вопреки всем принятым решениям, он на следующий день встал с рассветом и отправился в деревню, — он должен увидеть ее еще раз. Он пошел вместе с ней на станцию и там на платформе еще раз попрощался с ней, чем окончательно наложил на Коридон печать осуждения в глазах девиц и дам — летнего населения пансиона.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЖЕРТВА КОЛЕБЛЕТСЯ

I.

Мой Тирсис! О, если бы я могла жить в монастыре в ожидании того момента, когда вы будете в состоянии взять меня к себе. С тех пор, как я рассталась с вами, я чувствую себя во власти страстных желаний. Я пережила много тяжелых минут, но я добросовестно стараюсь развить в себе самоуверенную активность. Люди здесь кажутся мне такими враждебными, и я боюсь, что я груба с ними, а быть такой я никогда не любила. Сейчас я только отделалась от одного молодого человека, который хотел пойти гулять со мной. Вы понимаете, что мне теперь просто невыносимо разговаривать с кем бы то ни было! В моей душе живет только одно желание, и мне хочется по временам взойти на гору и громко выкрикнуть его навстречу ветрам. Когда я проходила через город, я чувствовала себя так, как если бы была в преисподней. Ослепительно яркие огни, ужасающий грохот улиц, празднично гуляющие люди. Я обедала в ресторане, и там все люди, казалось мне, служили добычей дьявола. Это ясно показало мне, почему многие считают вас таким грубым, невоспитанным юношей. Я не знаю, что подумали бы обо мне люди, если бы я долго пробыла среди них.

Сколько раз я начинала сочинять в уме письма к вам, и сколько раз твердила себе, как я люблю. Я прочитывала ваши письма и засыпала, кладя их себе под подушку, как влюбленная. Но все мои счастливые мысли покинули меня теперь.

О, скажите мне, дорогой мой, что я должна делать, чтобы обуздать себя и сохранить свой душевный мир, в ожидании той минуты, когда я навсегда соединюсь с вами? Я не могу не видеть вас долгое время, это мешает мне заниматься. Если бы только вы могли приходить ко мне каждый день хотя бы на одну минуту, поцеловать меня и потом опять уйти. Вы видите, я веду себя очень неблаго-

разумно. Я бы хотела иметь неукротимую жажду к работе, есть только два раза в день и никогда не думать о своем теле. Я хочу сказать вам, что я чувствую, насколько бесповоротно и безраздельно я принадлежу вам.

Вы дали мне то чувство цельности и возможности совершенства, какого я никогда не знала прежде. В мои лучшие и самые искренние минуты я сознаю, что вместе с вами я могу быть такой, какой хочу быть. Когда вы стоите перед моими глазами, я принимаю суровое решение победить или умереть. Единственное, во что я верю, это—моя любовь к вам. Для вас возможно перестать любить меня. Но я, начавши вас любить, буду продолжать любить вас до того дня, когда я умру. Я люблю вас не за то, что вы можете мне дать, а за то, что вы—вы; я должна вас любить теперь независимо от того что вы из себя представляете. Я верю, что Шекспир был прав, говоря, что „та любовь не есть любовь, которая изменяется, найдя, перемену“. Я не верю, что можно любить больше одного раза в жизни. Я опять должна вернуться к своему немецкому языку и оставить вас. Вы любите меня? Вы любите меня? Вы любите меня?

II.

Моя дорогая Коридон! Я получил ваше письмо перед обедом, в такое время, когда, по обыкновению, я думал о тысяче вещей, о которых намеревался написать вам. Сейчас я сижу на склоне горы и силюсь припомнить их. Дорогая, вы, как всегда, бесконечно дороги мне. Я рад видеть, что вы испытываете некоторые страдания, и я думаю, что это хорошо, что вы некоторое время будете вдали от меня, чтобы самостоятельно выдержать свою душевную борьбу. Вы видите, что я нахожусь в своем обычном суровом настроении, убежденный в том, что душа может углубиться только усилиями человека, и что величайший жизненный венец не может быть ни куплен, ни украден. Его не может дать даже любовь! Он должен быть завоеван!

Я расскажу вам, что я делал с тех пор, как вы меня оставили. Целых три дня я провел в невыразимой скорби. У меня было ощущение тяжести, лени и скуки, которые подползли ко мне и овладели мной за эти недели. Я не могу описать вам, что я испытал, когда утратил самообладание. Теперь я вышел из этого состояния с помощью напряжения, которое почти истощило мои силы. Когда я опять очутился за работой, я ощущал какую-то дикую радость! Теперь, дорогая, вы должны добиться такого же единства и в вашей жизни.

Вы должны сосредоточить все способности на этом, развить в себе драгоценную привычку быть „настойчивым в молитве“ и „ревностным в достижении блестящей награды“. Как сказал Уэрдсворт: „Не терпите длящейся слабости“. Пусть вам причинит боль сознание, что хотя бы в течение одной минуты вы были праздными, что вы позволили себе считать жизнь несерьезной вещью. Вы должны учиться бороться с собой, быть господином самой себя. Таким путем вы должны испытывать свою силу. Не заботьтесь о том, что вы будете грубы с этими людьми. Смотрите на все, окружающее вас, как на какой-то призрачный мир, и знайте, что ваша духовная жизнь есть для вас единственная реальная вещь.

По временам, когда я беспристрастно всматриваюсь в себя и вижу, какой я мелкий, ограниченный человек, мне кажется, что, только тренируя себя в такой суровой школе, я достиг того, что стал хоть сколько-нибудь сносным человеком. Известно ли вам, что я провел целых пять часов своего драгоценного времени, сидя здесь и думая о вас, сочиняя письмо к вам? Дорогая моя, я очень утомился и замерз, потому что здесь дует сильный ветер. Я вижу, что мне придется испытывать свою силу, воздерживаясь от писания писем к вам в те часы, которые я должен был бы проводить за своей книгой. Я заметил, что наши письма приходят дня через четыре—пять. Так что, если мы будем часто писать друг другу, наши письма будут перекрещиваться.

III.

Мой дорогой Тирсис! Меня несколько беспокоила мысль, что вы можете быть разочарованы тем письмом, которое я отправила вам. Это был какой-то бессмысленный набор слов, но это объясняется тем, что мне приходилось вынести тяжелую внутреннюю борьбу. Сегодня я уже не отчаиваюсь и принялась за свой немецкий язык, и до такой степени погрузилась в него, как будто от успехов его изучения зависит моя жизнь. Каждую ночь я ложилась спать с тяжелой головой, но меня это не беспокоит, так как в моих глазах это доказательство того, что я не останавливаюсь в работе. О, мой дорогой и прекрасный! Я стараюсь не думать о вас слишком много, чтобы мысль о вас не мешала мне работать. Но я люблю вас действительно и знаю, что последую за вами всюду. Я не особенно весела теперь, но я и не думаю быть такой в течение многих лет.

IV.

Мой дорогой, дорогой Тирсис! Вчера вечером я написала вам ужасное письмо, которого не послала до сих пор. Я занималась, или старалась заниматься большую часть дня, и мысли у меня были самые невеселые. В течение предыдущих двух дней я овладела собой, но с таким страшным усилием. Мне всегда приходится делать такие ужасные усилия, которые почти убивают меня, если я хочу сделать хотя немного из того, что я должна сделать. Жара здесь прямо невыносимая, и сегодня я провела почти целый час в воде... Всегда меня мучит мысль—что вы делаете гораздо больше меня. Я сегодня вечером думала над вашим письмом, и вспоминала те слова, которые больше всего говорили мне о вашей любви. О, Тирсис! Если ваши слова полны огня и страсти, то внушены ли они любовью ко мне? По временам мне бывает почти страшно, когда я читаю ваши письма—именно те из них, в которых вы говорите, какую именно женщину вы хотели бы любить. В настоящее время я, конечно, не такова. А вы уверены, что, когда мы поженимся, то соединимся навсегда? Я сама не знаю, почему я пишу вам об этом. И, несмотря на все это, я сегодня после обеда пошла купаться и плавала и резвилась в воде, забывая все на свете, и почувствовала себя счастливой как настоящее дитя моря.

V.

Моя дорогая Коридон! Я только что разошелся во всю за писанием своей поэмы, но я много думал о вас, и чувствую, что должен написать вам письмо. Это будет одно из тех писем, которых вы не долюбиваете. Вы жалуетесь на противоречие в моих письмах? Очень жаль. Я живу, постоянно борясь с тем, что есть во мне дурного, и иногда падаю. Вот откуда элемент страсти в борьбе, элемент опасный, который иногда вводит меня в заблуждение. Я могу только сказать, что, согласно моему идеалу любви, она рисуется мне любовью духовной и совершенной,—я могу жить с вами только при условии полной обнаженности души. Поэтому я всегда буду с вами таким, каким я бываю наедине с самим собой. И теперь я буду писать вам о всем, что я передумал. Вы узнаете меня как человека, очень далекого от совершенства, часто заблуждающегося, часто неправильно чувствующего, часто вводящего вас в заблуждение и делающего вас несчастной. Но, помимо всего этого, в моей жизни есть одно, что иногда мы теряем из виду, это—суровый долг, который я возложил

на себя, и та сила внутри меня, которая ведет меня к его выполнению. Все это утро я думал о своей книге, о том, что ее ожидает. После обеда принялся думать о нас обоих. И те мысли, которые долгое время таились во мне, в первый раз вылились в ясную форму. Это были мысли о том, что я не люблю вас в такой степени, в какой должен бы был любить, что я не могу так любить; что вы не можете удовлетворить тем требованиям, которые я предъявляю к жизни, и что, если я женюсь на вас, то сделаю несчастными и себя и вас; что вы абсолютно не обладаете теми качествами, которые мне необходимы, и что жизнь, которой требует ваша природа, совершенно отлична от той, которую веду я; что вы неясно представляете себе то безумие, которое руководит мной; что вы не можете дать мне ту силу, в которой я нуждаюсь, и что я должен сказать вам все это, чего бы это мне ни стоило, что я должен жить одиноким, если это нужно для моей души. Сказав эти слова, я почувствовал облегчение, потому что мысли эти давно преследовали меня. Мне очень жаль, если это огорчит вас, но я не в силах помочь этому. Это хирургическая операция, которую вам необходимо перенести. Я надеюсь, что повторения ее не понадобится. В этом письме, дорогая Коридон, я не стараюсь подобрать приятных выражений, я разговариваю сейчас с вами так же, как я говорю с собой. И если из нашей любви и выйдет что-либо хорошее, то это будет исключительно благодаря этому письму. Я зываю ко всему, что есть в вас благородного, чтобы вы взглянули в лицо правде. Я бы не писал вам, если бы не имел уверенности в вас.

Перед вами открылась некая возможность, и вы, по страстной любви к жизни, ухватились за эту возможность, и в зависимость от нее поставили все счастье своей жизни. Такой возможностью была любовь мужчины, в сердце которого горел огонь таланта. На свете мало людей, которые бы обрекли себя на жертву во имя долга, как это делаю я, которые бы так алкали знания, силы, красоты, как я. Немного таких, которые бы хотели извлечь из жизни столько и которые бы так много знали жизнь, как я. Теперь я еще мальчик, только что начавший жить. Но у меня уже есть своя цель в жизни, и я знаю, что, если я буду жив и здоров, то для меня не останется неизвестным ничто из того, что знают другие люди, ничего, что сделано другими людьми, чего-бы я сам не мог или не старался бы сделать. У меня здоровый организм, я работаю дни и ночи, и буду так работать. Я всегда останусь ненасытным и беспокойным, всегда буду недоволен собой и всем окружающим, и всегда буду поступать и чувствовать как человек, преследуемый дьяволом. Я не стану

оправдываться перед вами за все сказанное мною. Я высказал здесь то, что я сам думаю о себе, не заботясь о том, что обо мне думают другие. Я знаю, что у меня очень сильный темперамент, что во мне скрывается страшная сила и что рано или поздно она покажет себя. Когда это будет, мир узнает то, что я знаю теперь!

Теперь, Коридон, вы понимаете, что я мечтаю об абсолютной любви и всякую другую любовь презираю. Я смогу побороть свою страсть, если на земле не найдется такой женщины, которая захотела бы и смогла бы пойти за мной до самого конца моего пути. Я мечтаю о такой спутнице жизни, которая последует за мной всюду, куда меня поведет мой долг, которая будет чувствовать то же бешенство желания, которое чувствуя я, которая будет так же сурова и бесжалостна, сильна и жестока, как я, которая так же стремилась бы к знанию и разделяла бы любовь к правде. Это должна быть женщина, которая не опозорила бы меня в моем служении долгу. Если я женюсь на вас, я буду принадлежать вам, как ваше собственное сердце. И тогда я начинаю думать о том тихом, спокойном существовании, которое вы вели.

Если вы будете моей женой—вы будете и моей душой, вы должны будете жить одной жизнью с моей душой и переносить все ее страдания. Вы должны понять, что я говорю с вами так же, как я говорю с собой, называя вас теми же именами, какими я называю себя, и, если вы будете плакать, я с отвращением отвернусь от вас. Что я намерен заставить вас отказаться от всяких радостей, как я отказываюсь сам, или, что будет для меня во сто раз тяжелее, дать вам возможность окунуться в самый вихрь наслаждений—вы знаете, что я подразумеваю под этим. Что я буду постоянно недоволен вами и, не считаясь с вашими чувствами, не устану указывать вам на ваши слабости. Что, как бы сильно я ни любил вас, я буду вашей совестью, а потому вы будете всегда так же несчастны, как теперь. Вы говорили мне, что вы с радостью дали бы бичевать себя, чтобы только научиться жить. И это единственное, что может вас ожидать.

Вы должны понять, почему я поступаю таким образом. Я—слабый человек, борющийся с тысячью искушений. А когда я женюсь на вас, вы будете для меня самым сильным из всех искушений. Вы красивая девушка, и я люблю вас, и все мои природные инстинкты толкают меня к вам. Для меня жить около вас, не смея ни обнять, ни поцеловать вас, будет всегда страшно трудно. Это будет тяжело и для вас и для меня, и это будет всегда представлять для нас опасность и сделает нас несчастными. Я люблю вас единственно за то, что вы еще нераспустившийся цветок, и моя мечта о бесконечных

возможностях вашей души—моя единственная радость! Я думаю, что вы обладаете чудным характером, что вы—сама правда! Вот почему, как бы беспомощны вы ни были, я не боюсь, что сделаю вас для себя „центром всего мира“, конечно, если я только останусь верен своему идеалу. Из всего, что я писал вам раньше, вы должны понять, что я могу любить, что я знаю, что такое любовь и что вы можете доверять мне. Я не стараюсь унижить страсть, я вижу только, какую тяжесть налагает страсть на женщину, а потому я считаю преступлением допустить ее между нами, я считаю преступной даже слабую мысль о ней. Я должен относиться к вам как к ученице и только так, а не иначе. А вместо этого я пишу вам любовные письма!.. В моих воспоминаниях нет ничего, на чем бы я останавливался с большим негодованием, чем это наше детское времяпрепровождение, когда мы поднимались вверх, чтобы иметь возможность целоваться незаметно для всех. Это заставляет мою душу возмущаться и против любви, и против вас. Я охотно принимаю на себя всю вину за это. Заметив, что вам это нравится, я должен был прекратить это. В состоянии ли вы понять, как тяжело мне видеть вас, делающей что-либо такое, что мне ненавистно?

Я надеюсь, что вы будете перечитывать мое письмо до тех пор, пока не убедитесь, что каждое его слово проникнуто искренностью и благородством, и пока вы не будете в состоянии написать мне в таком же тоне. Мы с вами должны чувствовать себя школьниками и жить таким же образом. Браки среди учеников, конечно, не являются обычным явлением, но мы совершаем этот брак в расчете на силу нашего решения. Мы должны постоянно помнить свой долг перед идеалом и не забывать, что во имя нашей взаимной любви мы должны думать о совершенстве. Предъявляя к вам столь суровые требования, я доказываю вам только свою настоящую любовь и желание видеть вас совершенной. Поэтому я не обещаю вам пощады. Я не могу ради вас жертвовать своим идеалом. Говоря с вами так, я хочу составить одно целое с вами и того же ожидаю от вас. Вы будете (если захотите) владеть моей душой всецело,—я буду жить одной жизнью с вами и высказывать вам все свои мысли... Только бог, видящий мое сердце, знает, сколько высшей любви к вам заключено в этих словах. Вы не можете читать в моем сердце, но вы должны знать, что никто еще не заглядывал в тайники моей души; вы будете первой и последней. Я так уверен в вас, что могу это сказать; вся моя жизнь пройдет на ваших глазах, и если я не сделаю так, то, значит, я не умею любить. Если в моей душе было что-нибудь настолько нечистое, что я боялся говорить

об этом, я обнажу это перед вами, и это будет жертва моей любви. Показывать другим все суетное и слабое в себе—самая тяжелая обязанность; так велико наше самомнение!

Если бы я мог сегодня говорить с вами, то я говорил бы так же как тогда на вершине холма, при свете месяца; я бы тоже пугал вас и заставлял бы вас удивляться тому—существует ли на свете женщина, которая могла бы взвалить на свои плечи такую тяжесть? И, может быть, самое печальное для меня то, что я сам не в силах ее вынести, и вместо этого я несу угрызения совести, я стыжусь самого себя. Можете ли вы вынести эту тяжесть? Коридон, когда я смотрю на себя, я вижу, что перед лицом бога я трус. Я не исполнил своей работы. Я не вынес тех страданий, к которым он призвал меня; я не использовал той силы, которую он вложил в мое сердце. А я еще имею смелость говорить о работе вам. Это сознание—как кошмар для меня! Оно мешает мне быть счастливым, и вам придется взять на себя и эту тяжесть—помочь мне избавиться от этого. Если же вы этого не в силах сделать, то умоляю вас, ради бога, ради меня и себя—не приближайтесь ко мне: вы уже слишком близко подошли ко мне. Разве вы не понимаете, что, стоя лицом к лицу с таким сознанием, я не имею права ответить вам „да“, когда вы просите меня отдать вам свою жизнь. Вы как-то сказали мне, что были счастливы, когда я назвал вас „mein guter Geist, mein besseres Ich“ *). Но вы не заслужили этого даже в самой слабой степени. Имя, которое я могу вам дать и которое вы заслужили, это—„прекрасная возможность души“. Вспомните, что я говорил вам в самом начале нашей любви об опасности, которая угрожает человеку, если он „перестает любить совершенство и начинает любить женщину“. Прочтите грустное примечание Шелли к „Епипсихидион“.

VI.

Дорогая Коридон! В последнем письме вы писали, что покинули всех, кто любил вас, и спрашиваете: „Почему вы думаете, что, любя красоту, вы будете любить меня?“ Я много думал над этим. Мне кажется, Коридон, что на земле еще не было человека, которого бы так же преследовало бешенство желания, как меня. Всматриваясь ближе в себя, в свою сущность, я думаю, что я не из числа добрых людей. Я думаю—нет на земле человека и не было никогда, который был бы менее терпелив в отношении к людям, чем я. Во всем мире существует только одно, в чем я уверен и в чем можете быть

*) Мой добрый дух, мое лучшее „я“.

уверены и вы: это—верность и преданность моему идеалу. Я знаю, что, как часто бы я ни падал, сколько бы ошибок ни делал, моя жажда духовного совершенства никогда не покинет меня, и во имя ее я буду работать дни и ночи. Я не имею права обещать вам что-либо иное, я не имею права мечтать о чем-либо ином... Это не удовольствие для меня, это безумие!.. Это то, к чему меня толкает слепой и бесжалостный импульс. Я могу всю жизнь стараться уверить себя, что я люблю вас, Коридон, и что я ничего больше не желаю. И все время в глубине души звучит голос моей совести: „Ты безумец!“ Я люблю власть, люблю жизнь, я ищу этого и борюсь за это, и не забочусь ни о чем ином. И ничто другое не в состоянии удовлетворить меня. И я не могу вам дать иной любви, иного обещания.

VII.

Моя дорогая Коридон! Сегодня утром, гуляя, я думал о нас обоих, и мне показалось, что я напугал вас. Истинный смысл всего этого тот, что я еще так молод, неопытен и беспомощен, что я не могу быть уверен, такова ли моя любовь к вам, какой должна быть, и могу ли я любить кого-либо так, как должно любить. И теперь я так страшно удручен. Знаете ли вы, что в течение двух недель я пробовал написать хотя бы одну страницу моей поэмы, и, говорю как перед богом, я не мог. У меня не было сил! Дорогая Коридон, мне приходит в голову мысль, что вы несчастны, любя меня, что я не имею права класть на ваши плечи такую тяжесть. Я бы охотно сказал вам что-нибудь более утешительное, но мне кажется, что наша супружеская жизнь будет скитанием по бурному океану во мраке. От вас зависит быть героиней и отважиться на такое путешествие, раз вы сделаете этот выбор. Это звучит дико, но в этом—правда моей жизни, и я не имею права говорить с вами иначе. Может ли это понять и почувствовать девушка, получившая нежное и благородное воспитание, неведающая жизни и ее страданий?

VIII.

Тирсис! Бог не наградил меня таким языком, как ваш, иначе мне не стоило бы большого труда рассказать вам о тех мыслях, которые пронеслись в моей голове в течение этого часа. Вот уже час, как я читаю ваше письмо, в котором вы излагаете свою „Ужасную Правду“. Я чувствую себя чуждой самой себе. Движения мои стали медленными. Прежде всего я скажу вам, что я верю в бога, слепо—и эта

вера дает мне бесконечную надежду. Я желала бы, чтобы вы возможно лучше узнали мою душу, раз мне суждено стать вашей спутницей жизни, во что я твердо верю. Сейчас я полна какого-то странного спокойствия. Я хочу открыть вам свою душу. Правильно ли я поступаю, намереваясь это сделать, или нет? Узнайте, что, во-первых, я отношусь с полным доверием к вам и ко всему, что вы делаете. Если бы вы открыли передо мною дверь и сказали бы мне, что она ведет в царство великой и вечной правды, я поверила бы вам безусловно. Если бы вы отвели меня от этой двери и указали на противоположную, как на единственный, открытый для меня путь, я поверила бы с той же безграничной верой. Сейчас, по прочтении вашего письма, я, благодаря вам, уже уверовала в одну дверь, как в единственный настоящий выход. И как в том, что сейчас светит солнце,—так же я уверена, что во всем божьем мире ничто уже не в силах заставить меня изменить этот взгляд. Что-то говорит мне, что в течение последних месяцев я была более права, чем вы. Да, Тирсис, это так, хотя вы могли и не знать этого. Причина, почему я не могла поддерживать своей правды, заключается в том, что я недостаточно сильна для того, чтобы следовать своим хорошим импульсам: это происходит от того, что я мало доверяю своей душе.

Попробую передать вам, что я чувствовала по прочтении вашего письма. Все во мне теперь так невозмутимо спокойно. Но—слушайте—сегодня я не боюсь сказать вам, что я предъявляю требования к богу и к жизни. Такое состояние бывает у меня моментами очень сильно, но, как я уже сказала вам, я еще не научилась удерживать эти проблески правды,—они приходят ко мне и быстро исчезают. Я начала читать ваше письмо, и не могу вам передать того волнения, которое овладело мной. Вы никогда еще не испытали подобного чувства. Ужас и отчаяние! Я старалась собрать свои мысли и говорила себе, что это неправда. Я пробовала молиться и молилась громко, чтобы господь послал мне силы дочитать письмо до конца. Я употребила всю проницательность, на которую способна, чтобы узнать, насколько вы искренни в этом письме. Я думала, что, может быть, вы в самом деле хотите прожить одиноко свою жизнь, но не имеете мужества сознаться мне в этом. Я твердо верю, что ни моя слабость в будущем, ни моя беспомощность не в состоянии мне принести столько страданий, как эти моменты.

Прошлой весной мне удалось привести себя в состояние почти полной спячки. Я видела, что я ничего не могу делать, и, не желая выносить таких бесполезных страданий, я усыпила себя совершенно,

а вы пришли и разбудили меня. О, будьте вы трижды прокляты, если вы только для того разломали куклу на куски, чтобы посмотреть, из чего она сделана! Поймите же, что я уже не могу уснуть снова! Я уже не могу находить никакого удовольствия в обществе моих родителей и друзей, для меня не представляет интереса чье-либо обожание! Я уже не могу терпеть того, что я терпела раньше, пока не пришли вы и не внесли в мою жизнь огня, который должен явиться для меня благословением или проклятием—я еще сама не знаю чем. Если вы не женитесь на мне и если я не встречу человека, который обладал бы вашей силой и жаждой жизни и который взял бы меня с собой и помог бы мне учиться,—то я умру, не начавши жить. Я в отчаянии кричу самой себе: только сорок два года, только сорок два коротких года,—и я буду шестидесятилетней старухой. Только сорок два года, в течение которых я должна научиться жить! Я чувствую, что, будь вы здесь, я могла бы задушить вас! Мы в состоянии убить друг друга когда-нибудь. По временам я испытываю такое чувство, что мне ничто не может помочь, что я не могу дышать, не могу поддерживать свое телесное существование. Но это безумное и бесполезное чувство, и я верю, что я буду все же спасена, если не вами, то—может быть, собственными усилиями. Мне кажется, что мне явилась сегодня какая-то помощь с неба. Я просила ее, я просто сказала себе, что она должна притти, и теперь я могу смотреть на божий мир и говорить себе, что мое спасение в жизни, а не в смерти.

Я прошу вас, Тирсис, дать мне понять, что вы не нуждаетесь во мне, что я не могу быть вам полезной. Вы не знаете, дорогой мой, что я знала это еще в самом начале нашего знакомства, и эта мысль часто мучила меня и вызывала сомнения. Я не буду больше ничего писать,—я написала достаточно для того, чтобы вы могли дать мне тот или другой ответ: или „иди за мной“, или „я лучше пойду один“. Я знаю, какой это будет ответ... Небо сегодня такое синее, все в природе так прекрасно! И я сама так стараюсь быть правой, чувствовать себя уверенной и сильной!

IX.

Дорогой Тирсис! Я проснулась среди ночи. У моей кровати сидел призрак и наводил на меня страх, но скоро я отделалась от него и немного успокоилась. Мне вспомнились некоторые фразы из вашего письма, и я стала угадывать в них тот смысл, который скрывался позади слов. И тогда я увидела ясно, что в них нет другого смысла,

кроме написанного, и что все написанное вами может мне только послужить на пользу. Ваши слова исполнили свое назначение, они горели в моей душе и показали мне в настоящем свете наши отношения. О, Тирсис, я уверена, что никогда не поинтересовалась бы тем, любите вы меня или нет, если бы я только могла пойти за вами и научиться борьбе. Сегодня утром я порвала все ваши любовные письма. Я сохранила только последнее письмо, хотя я не думаю, что в состоянии буду перечитать его когда-нибудь. Меня остановит боязнь пережить снова минуты такого отчаяния. О, как я желаю, чтобы поскорей наступило такое время, когда я могла бы не тратить своего времени и не писать вам писем. Подумать только, сколько времени я потратила на ваши и на свои письма!

X.

Дорогой Тирсис! Голова у меня болит невыносимо, и вообще я чувствую себя отвратительно. Увы! Нас разделяет не только расстояние, но и взаимное непонимание. Я получила ваше письмо сегодня, во время занятий, но я сказала себе, что не распечатаю его в течение недели, чтобы сберечь нужные для ученья силы. Я училась все время после обеда и очень утомилась. Придя домой, я подумала, что, может быть, лучше прочитать сначала ваше письмо, что я и сделала. Знаете ли вы, что вы подвергаете меня пытке. Да! это буквально так, что мое тело не в состоянии вынести этого. Мне доставляет удовольствие думать, что по отношению ко мне вы выказываете не больше снисхождения, чем к себе; я чувствую, что вы не в состоянии были бы применить к себе более сильные удары. Представляете ли вы себе, что никакая брань и проклятия мне, как вашей будущей жене, не причинят такой боли, какую причиняет теперь ваше сомнение во мне?

Я сейчас опять начинаю перечитывать ваше письмо и говорю вам, что вы глупец! Вы говорите, что не знаете, можете ли вы любить кого-нибудь так, как вы должны любить. Я, при всей своей слабости, знаю, могу ли я любить, и я люблю вас в тысячу раз больше, чем вы заслуживаете. Я ясно вижу, что вы потому так стараетесь все выяснить в наших отношениях, что вам кажется, что вы меня любите так же, как любят все остальные люди. И вы знаете, что, если я окажусь слабой, это дурно повлияет на развитие вашего таланта. А вы не можете быть уверены ни в моем характере, ни в моей силе. Вы не можете знать, в состоянии ли я буду жить той жизнью, которую избрала? Вы ведь находите ее тяжелой, и у вас

есть все основания думать, что мне она покажется в десять раз тяжелее. Чувство, которое вы ко мне питаете, не может быть названо высшей любовью, но, слава богу, вы любите меня достаточно для того, чтобы говорить мне правду. Я верю, что настанет время, когда вы полюбите меня так, как должны любить, и я, при всей своей слабости и сентиментальности, говорю это со спокойным убеждением. Ваше сомнение во мне заставило меня подняться с оружием в руках на защиту своих прав. Если же эта битва будет много проиграна, я навсегда останусь лежать в пыли и отрекись от своего бога.

XI.

Дорогая Коридон! Я кончил первую часть моей книги сегодня и спас себя от мук ада. И вот я пишу вам только одну строчку, не более.

Ваше последнее письмо дышит таким благородством. Я должен только объяснить вам, что все мои поступки, которые заставляют вас упрекать меня, я совершаю не ради себя; что род жизни, избранный мною, я избрал не ради себя. Вы говорите, что, может быть, вы лучше меня. Это вполне возможно,—я часто сам так думаю. Но это совершенно не относится к делу. Я чувствовал бы себя очень несчастным, если бы стал добросовестно задумываться над тем, что я из себя представляю. Будьте лучше моего идеала, если вы можете.

Когда-нибудь вы поймете, что по временам я отношусь к себе как к человеку, в высшей степени противному, лживому, пустому и вообще скверному. И что все, чего я желаю в таких случаях, это избавиться от самого себя. Я не могу себе представить, чтобы у меня явилось подобное мнение относительно вас. Но некоторое недовольство вами—хотя бы в самой слабой степени—у меня может явиться. Только бы была у вас жива любовь к совершенству—у меня и у вас—и тогда, я думаю, наша любовь сбережет себя сама.

XII.

Дорогая Коридон! Представляли ли вы себе ясно когда-нибудь, сколько у меня веры в вас? О, дорогая моя, я хочу, чтобы вы прочли в моих словах все то, что я чувствую теперь. Не знаю, может быть, это несбыточные мечты—мой идеал того, какой должна быть любовь женщины. Это такое полное отрешение, забвение самой себя, такое полное слияние с душой другого. Я не боюсь предъявлять

такие требования к женщине, в данном случае—к вам. У меня самого в сердце достаточно страсти, чтобы удовлетворить вашу жажду. Ах, Коридон, мне так недостает вас! Я пьян от мысли, что я заставил полюбить женщину... Я не знаю, думал ли об этом когда-либо хоть один мужчина. Артисты, с великим голодом своего сердца, бродят по всему свету, надеясь хотя случайно найти только одну душу, подобную той, на которую они потратили несколько лет, чтобы сделать ее красивой и сильной.

XIII.

Дорогой Тирсис! Ваши последние письма были прекрасны! Я вижу только одно: хотя вы и заявляете мне, что считаете себя жестким человеком, но ваша природная мягкость и деликатность могут погубить в будущем нас обоих, если бы я допустила это. Но я думаю, вы поверите мне, что, пока я живу, я не буду потворствовать вашим слабостям. Мое бешенство, пока я не получила вашего письма, в котором вы разрешали мне сопутствовать вам, было ужасно. Оно заставило меня сомневаться в себе самой, так как мне казалось, что сердце мое разорвется на части. Я была достаточно зла для того, чтобы думать о том, смогу ли я когда-нибудь заставить вас переживать то, что я чувствовала в эти два дня. О, если бы я только могла вселить в ваше сердце ту тоску, единственную реальную тоску, которую я когда-либо испытывала в жизни! Но все пережитое научило меня одному—что единственный путь, на котором мы можем проявить себя в жизни, ведет через страдание. Я узнала, что я в состоянии перенести, потому что теперь, оглядываясь назад на весь этот ужасный кошмар, я вижу, что читать ваше письмо было для меня делом почти нечеловеческого усилия. Но довольно об этом. Мне думается, что я совершенно излечилась от этой слабости—добиваться вашей любви. Я иду к вам с благодарностью, зная, чего мне недостает и в чем вы нуждаетесь. Все, что моя любовь может сделать для вас, она сделает. Она может обладать известной силой, и я иногда думаю, что эта сила может быть большей, чем вы себе представляете.

XIV.

Мой дорогой Тирсис! Ваши письма всегда заставляют усиленно биться мое сердце, и, когда я читаю их, мои щеки горят. Как жаль, что письма так долго в дороге! Я, наконец, стала обращаться с собой, как с капризным ребенком. Я не буду делать глупостей, и все мои слабости и нелепости должны быть излечены. Мне кажется, что за последние

дни я научилась лучше понимать себя. Я знаю, что я не имею оснований рассчитывать на быстрые победы, что у меня нет никаких прав на счастье, даже на вашу любовь. Я совершенно искренно говорю вам, что, если бы было возможно, я ушла бы в настоящую минуту в какое-нибудь уединенное место, где я могла бы заняться собой. Мне нужно быть одной! Мне нужно остаться лицом к лицу с самой собой и с богом, если это возможно! Я пришла к заключению, что я могу делать то, что я должна делать. Я думаю (хотя и не уверена в этом), что я могла бы отказаться от вас, если бы меня принудили к этому, и пойти своей дорогой одна и пробовать бороться в одиночку. Если у меня нет вас, мне необходимо одиночество.

XV.

Моя дорогая Коридон! Когда я сегодня утром думал о своей работе и о том, как она тяжела и сколько она потребует сил для своего осуществления, мои мысли остановились на вас, и тут я понял, как я люблю думать о вас. Мне казалось, что вы представляете собой часть сырого материала, который мне нужно употребить в дело. Что я овладел вами и намереваюсь сделать из вас то, чем вы должны быть. Тогда в моем сердце вспыхнуло такое пылкое стремление, какого я никогда прежде не испытывал в своей жизни. Вы с криком убежали от меня, но я не пускал вас, крепко держа вас своими руками. Так вот: я не желаю отпускать вас. Я унесу вас с собой и сделаю вас такой, какой хочу. И, собираясь на вас жениться, я даю вам следующее обещание: я не говорю вам, что я люблю вас,—я не люблю вас, но я обещаю вам сделать из вас такую женщину, какую я могу любить. И не смейте никогда требовать от меня какого-либо иного обещания, потому что вы его не получите. Вы должны удовольствоваться этим.

XVI.

Мой Тирсис! Сейчас, когда я принялась за ученье, у меня вдруг болезненно сжалось сердце от какого-то неясного предчувствия. Придя домой, я нахожу ваше письмо, в котором вы говорите, что я ваша. Наконец-то я могу пойти к вам той дорогой, какой хочу идти. О, любовь моя, мне нет дела ни до того, кто вы, ни до того, что вы сделаете со мной, мне достаточно того, что я пойду с вами. Как я смеюсь над собой, говоря это! Вы овладели мной для того, чтобы я поклонилась вашей жизни, а не вам. Я буду работать не ради нашей любви, а ради нашей жизни. Наша любовь будет одним из эпизодов нашей жизни. А все же я могу идти с вами, это все, что я говорю себе.

Я могу идти вместе с вами, не к счастью, а к неизбежности. Вам кажется, что наша любовь находится теперь в стадии воркования. Но, боже мой, я надеюсь, Тирсис, что я не всегда буду взывать к вам через даль угрюмого океана.

XVII.

Любовь моя! Вчера ночью, ложась спать, я стал думать о вас и о тех задачах, которые нам предстоят, и все казалось мне таким неопределенным. Но мне бы хотелось сказать вам одно, Коридон: я подумал о том, как вы были всегда кротки и правдивы, какой чистотой и добротой веяло от вас. И я на самом деле любил вас, очень любил. Я думал: я скажу ей это, и попрошу ее быть всегда такой же благородной и неэгоистичной. Можете ли вы себе ясно представить, что все ваши недостатки—ничто для меня, когда я смотрю на них в свете моего недостижимого идеала? Ведь моя Коридон—вся преданность и любовь, чистота и доброта. Все мое сердце полно этим чувством, и я хотел бы, чтобы вы были здесь и я мог бы сказать вам все это.

XVIII.

Тирсис! Я целый день провела в парке, не съев ни кусочка, потому что мне не хотелось идти домой для того, чтобы поесть, а с собой у меня было только пять центов. Я пробовала проверить себя и попытаться стать благоразумнее. Временами меня охватывает такое страстное желание вас увидеть, что это вызывает у меня стоны изнеможения. Это прямо невыносимо, и я в такие минуты готова умереть. Но я не хочу умирать! За последние дни мое воображение так лихорадочно работает,—я еще не скоро увижу вас, и я не знаю, что со мной будет.

Я никогда не любила вас так безумно, хотя всегда страстно желала вас видеть. Я иногда чувствую себя так, как будто бы мой мозг изменил мне. Я не знаю, что это такое. Когда я думаю о вас, я чувствую, что мне не хватает воздуха. Я чувствую в себе рай и ад почти в одно и то же время. Одно прикосновение вашей руки, один ваш взгляд, я верю, в состоянии будут излечить меня. Я чувствую себя так, как в ненастную бурную ночь: мрачная тьма, изредка освещаемая проблесками молнии,—и в свете этих молний я вижу вас, мой возлюбленный.

XIX.

Тирсис! Я страшно измучена сознанием, что я не могу положить на самое себя. Но как вы удивительно добры и нежны со

мною. Я никогда не буду в состоянии отплатить вам за вашу помощь.

Милосердный боже, какую чашу горечи я испила с тех пор, как последний раз виделась с вами. Дорогой мой, вы, неведомо для вас самих, разорвали на части мое сердце. Но теперь оно излечилось, и я могу предстать перед вами, и все мои страхи покинули меня навсегда.

Я иногда начинаю сомневаться, имеете ли вы на самом деле земную форму. Мне будет так странно увидеть вас, дотронуться до вас. Я иногда с испугом просыпаюсь от одной мысли об этом.

XX.

Моя дорогая Коридон! Мне хочется сказать вам лишь несколько слов. Я потратил две недели на то, чтобы сбросить со своих плеч страшного зверя, который терзал меня. Сегодня уже три недели, как я не написал ни строчки. Задача кажется мне свыше моих сил. О, боже, узнают ли люди когда-нибудь, как я работал над этой книгой.

Но если у вас не встретится какого-либо нового сомнения, или я не увижу необходимости написать письмо, я должен закончить книгу. Я увижусь с вами, когда закончу свою работу, а до тех пор не буду писать вам ни одного письма.

XXI.

Дорогой Тирсис! Я многое дала бы за то, чтобы заставить вас понять, как я боролась и страдала.

Это было больше, чем я могу вынести,—эти страдания ужасны тем, что они незаслуженны. Вы должны это знать. Если это расстраивает вас, то, я прошу, отложите письмо в сторону до более благоприятного времени. Мои огорчения отзываются на мне физически,—я никогда еще не находилась в таком нервном состоянии. Мрачное отчаяние, испытанное мной за это время, заставляло меня корчиться в муках, как будто я была в когтях дьявола. Мне кажется, что я испытывала все мучения Дантова Ада. Я знаю теперь, каково бывает состояние души, находящейся в полном расцвете юношеских надежд и приговоренной к смерти.

Вчера я проснулась в середине ночи, и мне показалось, что около меня сидит страшное чудовище и хочет накинуть на меня черное покрывало и задушить меня. Я вскочила, дрожа. Я постаралась освободиться от такого состояния. Сегодня утром я уже чувствую себя

лучше. Только одному богу известно—но я лучше дала бы себя разорвать на части, чем испытывать это мрачное состояние души, какое я испытываю за все эти годы борьбы и слабости.

XXII.

Дорогой Тирсис! Быть может, если бы я написала вам несколько слов, я была бы в состоянии заниматься. Сегодня вечером я совсем погрузилась в романтическое настроение, и оно было, конечно, связано с вами. Мне хотелось петь, а, когда я пришла с обеда, я одела нарядное платье, как будто собиралась в гости, и у меня был такой сияющий вид. Я мечтала о вас и воображала себе, что вы у моих ног, как настоящий Ромео, а я была вашей Джульеттой. Я воображала... что же делать, я ничего не могла сделать с собой, хотя и знала, что мне нужно заняться чем-нибудь другим. Но, боже мой!—мне так нужно хоть немного радости. Итак, сегодня вечером вы были моим Ромео—вы были молоды, красивы и любили меня. Ну, что ж, у меня все же была своя мечта о счастье и юности прежде, чем начались мои страдания.

Я чувствовала, что недавно мы были близки друг другу. Вы выказывали мне такую сердечную нежность, и я в таком упоении любила вас. Я люблю вашу доброту, ваше сочувствие ко мне: быть может, когда я увижу вас, я скажу вам все.

XXIII.

Дорогой Тирсис! Сегодня утром я во власти настроения борьбы—с кем или с чем,—не знаю. Даже вы не в состоянии были вполне понять меня; и часто я была в ваших глазах чем-то в роде рабы или собаки, и вы сделали много для того, чтобы лишить меня всякого мужества, разбить все мои надежды, тем, что вы называли ознакомлением меня с вашим лучшим „я“. К счастью, я знаю, каково ваше лучшее „я“, оно не хуже вас самих, а, может быть, даже и лучше. И я знаю, что это „я“—то, которое увеличивает мое мужество и усиливает мою любовь. Я имею такое же право на жизнь, как и вы, и право на вашу любовь, которое наиболее всего вдохновляет меня. Я чувствую, что я имею право судить об этом, несмотря на все недостатки моего воспитания и на всю мою неспособность следовать за вами в области интеллектуальной жизни. Недавно я думала о том, что вы способны уверить себя, что являетесь именно тем, чем вы желали бы быть. Если вы будете терзать мое сердце и лишать меня

силы, я удалюсь куда-нибудь в уединение и, проверив себя, вернусь к вам.

Вы называете себя учителем,—но тогда вы должны бы были знать, что хорошо и что дурно. Мне нужны силы, а почему вы думаете, что помогать мне приходится в отчаяние—это очень похвальная вещь,—я не знаю. Я пишу вам обо всем этом потому, что такие мысли пришли мне недавно в голову, а также потому, что я испугалась, как бы вы опять не прибегли к этому методу, считая его хорошим. Я говорю вам, что я скорее останусь дома, чем соглашусь когда-либо подняться до высоких настроений через те страдания, которые вы мне причинили. Вы не должны возражать мне тем, что я сама способна уважать эти возвышенные настроения и преклоняться перед ними. Но мне они только тогда кажутся возвышенными, если служат для меня источником вдохновения и радости.

Разве наша взаимная любовь непременно должна заставить нас безумствовать и уклоняться от принятых нами благородных решений? Я не понимаю, почему эта любовь не может быть одним из средств в достижении и обнаружении нашего высшего „я“? Вы можете не отвечать на это письмо, но, когда вы вернетесь ко мне, то скажите, насколько сказанное мною показалось вам справедливым, а пока я подожду. Я не имею права расстраивать вас в настоящее время.

XXIV.

Тирсис! Проснувшись сегодня утром, я вдруг почувствовала, что не люблю вас! Подобное ощущение приходило ко мне раза два или три, но тогда я его не понимала. Должно быть, оно является потому, что в настоящее время вы не любите меня. Вы пишете свою книгу и уверяете себя в том, что вы не в состоянии любить меня так, как вы должны. Не так ли? Это только догадка с моей стороны; я не знаю наверное, но я не буду удивлена, если это окажется на самом деле. Может быть, вы будете в состоянии объяснить это мне. Я пишу все это без всякого душевного волнения.

Я должна вам сказать, что с вашей стороны было много несправедливого по отношению ко мне. Вы не сделали ровно ничего, чтобы зажечь любовь в моем сердце! До самого последнего времени я не чувствовала никакой любви к вам. А прежде я просто принудила себя думать, что я люблю вас, потому что мне казалось, что от этой любви к вам зависит моя жизнь. Что даже, когда я оглядывалась на прошлое, вы начинали казаться мне непривлекательным.

Великий боже, какие у меня бывают странные настроения! Я рисую себе картину нашей встречи, встречи людей, не одушевленных любовью: вы—решительный, энергичный, равнодушный ко всему на свете, не исключая и меня. Я—разочарованная, но твердая—ни следа слез!

Я нахожусь сейчас в одном из самых мрачных, подавленных настроений. Если вы не вернетесь ко мне—единственный человек, которого я могу любить,—жизнерадостным, сильным, полным любви ко мне,—тогда я буду знать, что мысль о совместной жизни с вами—безумна! Я не верю, чтобы женщина могла расти и развиваться, если в ее жизни нет любви.

XXV.

Дорогая Коридон! Вопреки всяким принятым решениям я снова пишу вам. Я думал о вас. На моем озере катаются сейчас на лодке охотники, и я, окончив письмо, смогу отослать его с ними. У меня есть многое сказать вам, и вы должны над этим подумать.

Это будет одно из моих самых безнадежных писем. Оно придет к вам в понедельник. Я не могу вам сказать, где я буду в это время. Я прилагал все усилия, чтобы закончить свою книгу, и был вне себя от бешенства, убедившись в своем бессилии окончить ее. Мне пришла в голову мысль, что одного усилия воли недостаточно, потому что вся моя жизнь полна лжи и трусости. Я нашел в себе желание увильнуть от этой работы, но невозможно увильнуть от бога, вот в чем дело! Я не могу вернуться домой побежденным, и вот я все еще борюсь, а на земле уже лежит снег, и холод такой, что я, садясь у камина, почти наполовину влезаю в него.

Я думаю о вас, и в те минуты, когда моя душа воспламеняется, я представляю себе, что могу кое-что сделать из вас. Я вижу, как вы беспомощны, но мне кажется, что я могу изменить все ваше существо и сделать из вас то, что я захочу. Потом эта уверенность исчезает, и я начинаю думать о вас такой, какова вы в действительности, и тогда мною овладевает отчаяние. Моя голова сейчас полна планами всякого рода, предо мной открывается бесконечная перспектива будущего, и я просто не могу взять с собой женщину в это путешествие.

Но, когда я говорю так сам с собой, я представляю себе слезы отчаяния на ваших глазах. И тогда я нахожу в себе силы только сказать вам, что я такое из себя представляю. Бог создал меня творцом, а не любовником! Я не могу глубоко чувствовать; меня не трогают людские страдания. Я могу работать, вот и все.

А искусство не считается с отдельными личностями, также не считаюсь с ними и я. Я работаю во имя чего-то, что не является личностью, что требует отрицания личности. А когда я думаю о вас, то мне кажется, что все это не то, что вам нужно, и что я сделаю вас в высшей степени несчастной, женившись на вас. Вы любите любовь. Вам не хочется кинуться в борьбу, каковой должна быть вся моя жизнь. Я это вижу во всех ваших письмах!

Если вы выйдете за меня замуж, вам придется вступить в такую, полную борьбы, жизнь, что это в состоянии убить вас. Вы будете целые дни и ночи терзать свое сердце, утратите все ваши чувства; вы должны будете отказаться от всего и жить в постоянном презрении к себе самой и в непрерывных усилиях быть лучше. Вы должны будете узнать, что я люблю жизнь, но не могу быть верен сердцам людским. Они вызывают во мне только нетерпение и досаду. Вы хотите такой жизни? Если вы можете научиться любить ее такой, какова она будет,—эта неестественная, дикая, нелепая, но царственная жизнь,—это будет очень хорошо. Но если вы придете ко мне с мольбой в глазах, с тайным желанием страсти, и ужаснетесь, когда не получите того, чего желали, тогда—бог да поможет вам! Вот все, что я могу сказать!

Вы еще ребенок, и вам не снилось то, что я подразумеваю под всем этим. Но с каждым днем я все ближе знакомлюсь с той дикой силой, которая сжигает меня и делает таким безумцем. Эта сила может сделать с вами одно из двух—или она сделает из вас существо, подобное мне, или она вынет из вас душу. Я обещаю вам или сделать из вас существо, подобное мне, или убить!.. Я не знаю, как вы взглянете на это, но это единственное, на что я способен. Я могу только излить на вас всю силу своей страстной, неистовой воли, и карать вас ею каждый момент вашей жизни до тех пор, пока вы не научитесь понимать ее и любить, как это делаю я.

Я не могу изменить своему искусству без того, чтобы после не почувствовать сильнее отвращения к самому себе, и вы не сможете выйти за меня замуж, предварительно не поняв этого. Когда я садился писать вам это письмо, я назвал себя сумасшедшим за желание связать свою жизнь с вашей. Но теперь я снова полон интереса к вам. О, разумеется, я вернусь к вам, и вы будете счастливы: я буду вашим „Ромео“!

XXVI.

Мой дорогой Тирсиел! Я буду вашей женой. Эта мысль сложилась во мне в твердое и спокойное убеждение, и во мне нет ни страха,

ни неуверенности, и я не плачу больше. Я, разумеется, страдала, читая ваше письмо, и самообладание на время покинуло меня, но оно не вызвало на мои глаза „слезы отчаяния“. Я не предаюсь отчаянию.—Я буду вашей женой, и я знаю, что ценой величайших усилий я лишу вас возможности стать моим „Ромео“. Мне свойственно подпадать под власть человеческих слабостей, но и вы подвержены им также.

Какое несчастье, что в такое время я лишена возможности видеть вас,—это так жестоко со стороны судьбы! Мне так много нужно сказать вам, и многое будет не в вашу пользу. Настанет время, когда я сумею, наконец, обнаружить ваше высшее „я“, перед которым в настоящее время я не чувствую никакого страха. У меня также есть свое высшее „я“, хотя оно не часто заявляет о себе. Это „я“ может встретиться с вашим без страха! Тяжело сознавать это, но я не умоляю вас больше ни о чем, я просто иду за вами. Но вы явились в моей жизни для того, чтобы показать мне, что я могу пробудиться и что я не предназначена к той жизни, которой живут окружающие меня люди.

„Бы для меня — единственная возможность жить и дышать, вы, безумец!“ — так говорю я сама себе. Я иногда удивляюсь, как вам может прийти в голову мысль бросить меня? Я спрашиваю себя, почему вы ничего не знаете об этом? Почему вы с радостью не протягиваете мне руку навстречу? Как можете вы писать, что в моих письмах вы прочли о моем нежелании вести борьбу за ту жизнь, которой живете вы? Мне недостает слов, чтобы выразить все то, что я чувствую, вот почему, должно быть, вы ничего не знаете обо мне.

Кроме того, когда я писала вам письмо, я была измучена сомнениями и страхом. Ничего подобного нет во мне сейчас. И я не верю, чтобы это было самообольщением с моей стороны, я знаю наверное, что нет. Я буду вашей женой... Как жаль, что я сейчас не имею возможности говорить с вами. Мне непонятно также, почему мысль о том, чтобы покинуть меня, кажется вам невозможной именно теперь? Разве все мои письма говорили вам о моем желании, чтобы вы меня баловали и нежили? Если бы вы были здесь, я, быть может, дала бы исход своему чувству, но не знаю, какую пользу это принесло бы мне. Я не могу ненавидеть вас,—ведь это так естественно—ненавидеть своего собственного мужа. Настанет время—говорила я себе,—когда вы перестанете играть мной и моей душой.

Спросите себя самого,—как вы обращались со мной? Разве я не перенесла некоторой доли страданий? Я была раньше слабой, но

разве у меня нет теперь некоторого мужества? Почему вы так слепы, что позволяете себе говорить со мной, как если бы я была куклой? Я знаю, что вы сильны и смелы и что я могу быть такой же, если пойду с вами. И я иду с вами, потому что иного выбора быть не может,—потому что я люблю вас. Да, дорогой мой, я увидела это ясно, когда читала сегодня ваше письмо. Я знаю, что мы не можем просто сидеть спокойно и любить друг друга.—Вы можете не любить меня вовсе. Я могу просто принадлежать вам. Мы можем просто принадлежать друг другу.

Подобные мысли заставят меня, быть может, пресмыкаться у ваших ног с мольбой на устах. Что остается мне делать, как не умолять вас не терять веру в меня? Конечно, у вас мало причин для этого, хотя в моей жизни были два или три случая, когда я подылась до вас. Теперь я почти счастлива сознанием, что эта бесполезная борьба приходит к концу, а с ней вместе и боязнь того, что вы захотите покинуть меня. Я ненавижу вас за ту слепую, легкомысленную жестокость, с которой вы хотели разбить создание ваших рук. Почему же вы думаете, что бог будет ценить вашу душу, если вы так мало цените мою?

Но, в конце концов, разве это помешает мне обращаться к вам с мольбой? В вас есть одно свойство, которое я уважаю, это—желание быть справедливым. Вы поступите со мной так, как должны поступить, чтобы быть верным себе. Я счастлива, что могу верить в вас. Если вы убеждены, что я испорчу нашу жизнь, то я не пойду за вами. Не знаю почему, но я чувствую, что что-то удержит меня от отчаяния, если мне придется расстаться с вами. Я буду охранять свою душу, потому что в жизни должно быть что-нибудь, хорошее и для меня. Вы подумаете, что последнюю фразу я написала не сознавая хорошенько, что делаю. Но я знаю, что я буду бороться и без вас, я не умру!

Мне бы хотелось одного—чтобы вы постарались увидеться со мной как можно скорей. Лучше утром, и пусть тогда же будет решено окончательно, буду я вашей женой или нет. Что вы намерены делать, Тирсис? Больше я ничего не могу писать.

Я снова разворачиваю письмо. Во имя самого бога, что же вы намерены делать?

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕРТВА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

1.

Это случилось в ранние ноябрьские сумерки. Тирсис, в своей одинокой хижине в лесу, написал последнюю песнь своего менеджера. Он не мог предвидеть, когда придет к нему вдохновение, поэтому и не сделал никаких приготовлений к отъезду. Но, когда последнее слово было выведено на бумаге, он вскочил на ноги и поспешил по засыпанному снегом лесу в ближайшую ферму. Фермер приехал с тележкой, и Тирсис, уложив в чемодан все свои пожитки, поехал на станцию, чтобы с ночным поездом уехать в город.

Он явился туда, как молодой бог, в блеске и сиянии славы. Все создания его мечты, все его демоны и все музы теперь проснулись в нем. Весь день он как бы слышал музыку в своей душе — слышал звуки труб и арфы. Он был похож на человека, который прогуливается среди бурных порывов ветра.

Он выдержал хорошую битву, и вышел победителем. Мир был уже у его ног, и он больше не боялся его. Грохот экипажей был для него музыкой, шум и движение большого города возбуждали его нервы. Ведь это была та самая жизнь, которую он намеревался покорить своей воле.

Таким он пришел и к Коридон, гордым и непобедимым. В его уме уже созрело решение взять ее с собой. Он чувствовал себя теперь хозяином своей жизни, чуждым колебаний и страха. Самая мысль о Коридон пронизывала его какой-то дрожью. Как это хорошо иметь в такую минуту возможность говорить с близким человеком, в чертах которого он увидит отражение своего собственного восторга.

Он отправился в квартиру, где жила Коридон. Вошел в гостиную, не предупредив никого. Она вздрогнула и уставилась на него глазами, как на привидение. Она не проронила ни звука. Но он

видел, как бледность покрыла ее щеки, видел, как она вздрогнула и зашаталась. Она напомнила ему тростник, колеблемый ветром. Он сразу понял всю глубину охватившего ее душевного волнения. И это испугало его, но в то же время как-то странно, по новому взволновало.

Он подошел к ней, взял ее руки в свои и нежно прикоснулся губами к ее щеке. Она продолжала молча смотреть на него.

— Все хорошо, моя дорогая! — прошептал он. — Все хорошо!

Она закрыла глаза, и глубокий вздох вырвался из ее груди.

— Пойдем, дорогая. Пройдемся немного.

Как в забытьи, она одела шляпу и кофточку, и они вышли на улицу. Он взял ее под руку.

Они вошли в парк и сели на скамейку.

— Я кончил свою книгу, — сказал он. — Через два дня она будет переписана. Я предварительно написал письмо к одному издателю, и он ответил мне, что прочтет мою рукопись скоро.

— Все это кажется мне каким-то сном... — прошептала она.

— После этого нам уже не придется ждать долго, — сказал он. — Будущность станет ясна для нас.

— А что вы будете делать пока? — спросила она.

— Мать хочет, чтобы я остался жить с ней. У меня в кармане только десять долларов. Но я получу сколько-нибудь с издателя.

— Вы в этом уверены?

— О, Коридон! — воскликнул он. — Вы и понятия не имеете о том, какая это чудесная вещь, — я говорю о моей книге. Вы будете поражены!

Он вытащил из кармана какие-то бумажки.

— Я перечитывал это место в вагоне сегодня утром, — сказал он. — Слушайте!..

Он стал читать и приятно заволновался, видя, какое впечатление производит на нее чтение.

— О, Тирсис! — воскликнула она с благоговением. — Это чудесно! Чудесно! Как могли вы написать это?

Но, несмотря на восхищение, высказанное ею, Тирсис испытывал легкий укол разочарования и сомнения, притаившихся в глубине его души.

2.

Ему хотелось говорить о своей книге, а Коридон хотела говорить о нем самом. Она так долго ждала его, так много страдала, — и вот он наконец здесь.

— О, Тирсис!—воскликнула она.—Я ничего не могу делать без вас.

— Вам не придется больше этого делать,—сказал он.—Мы не будем больше разлучаться.

— И вы уверены в том, что я нужна вам?

— Я думаю, теперь все пойдет хорошо, раз я с вами,—сказал Тирсис.—Я думаю, нам нечего очень торопиться со свадьбой?..

— О, нет, конечно!—ответила она.—Мы не можем об этом думать, пока вы не получите денег.

— Как бы я хотел обойтись без свадьбы!—воскликнул он.

— Почему?—спросила она.

— Потому что, с какой стати мы будем спрашивать у-кого-то позволения жить общей жизнью? Я много думал об этом, и мне это кажется рабьей привычкой и заставляет меня стыдиться самого себя.

— Вы не признаете брака, дорогой?

— И да и нет! Я признаю, что мужчина, подвергающий женщину возможности иметь ребенка, должен обеспечить ее на некоторое время и содержать ребенка. Это так очевидно, что, я думаю, никто, кроме отъявленного негодяя, не захочет уклониться от этого. Но брак обязывает к чему-то большему, чем одни материальные обязанности. Люди связывают себя обязательством жить вместе, независимо от того, продолжается ли их взаимная любовь, или она уже прекратилась. Они не могут разойтись по собственному побуждению, а только по таким причинам, которые считают уважительными другие люди. Они дают всевозможные обещания, которых не намерены выполнять, проходят через обряды, в которые не верят. Все это кажется мне трусостью...

— Но тогда что же остается делать?—перебила его Коридон.

— Для нас должно быть вполне очевидно, что мы должны делать. Мы ведь не имеем намерения быть мужем и женой. Поэтому мы можем просто уехать и продолжать нашу работу.

— Хорошо! Так заключим же договор друг с другом. Это будет наш свадебный обряд.

— Это мне больше нравится!—отвечал он.

Она помолчала с минуту, потом произнесла со смехом:

— Совершим свою собственную маленькую брачную церемонию.

— Прекрасно!—согласился он.

— Вы готовы на такое решение?

— Вполне.

Она осмотрелась кругом, нет ли кого вблизи. Потом вложила свою руку в его.

— Я была на свадьбе,—сказала она,—и знаю, как это делается. Я делаю тебя, Тирсис, товарищем моей души. Я отдаюсь тебе свободно, во имя любви, и буду с тобой до тех пор, пока тебе будет лучше со мной. Но когда этого не будет, я оставлю тебя: если моя душа слабее твоей, я не имею права быть твоей подругой“.

Она остановилась, а потом спросила:

— Так?

— Да, так!—отвечал он.

— Прекрасно! Теперь повторите это вы.

И она заставила его повторить те же слова.

— Теперь,—воскликнула она со смехом,—мы поженились!

Когда затем Тирсис взглянул на нее, он увидел, что в глазах ее блеснули слезы.

3.

Но общество не хотело успокоиться на этом. Расставшись в этот день, они начертили подробный план работы и решили попеременно посещать друг друга и заниматься совместно музыкой и немецким языком. Но не прошло и недели, как они встретили большое препятствие к этому. В квартире Коридон была только одна комната, удобная для занятий, и это была ее спальня. Однажды вечером, когда Тирсис пришел, она объявила ему, что они не могут заниматься там дальше.

— Почему?—спросил он.

— Видите ли,—объяснила Коридон,—все находят, что для девушки это неприлично.

Она ожидала от него вспышки гнева, но он только криво усмехнулся.

— В людях нет ничего, что помогло бы понять нас,—сказал он.— Вы говорите им о душе, а у них нет души. Вы говорите им о любви, а они подразумевают непристойность.

— У всех, кроме наших родителей!—вставила Коридон.

На что он сердито ответил:

— Они думают то же, что и другие...

Но, повидимому, все что-то такое думали, и это-то обстоятельство и смущало их более всего. Почему каждый человек считал необходимым непременно думать об этом? И почему каждый считал своим правом вмешиваться в их жизнь? У Тирсиса это вызвало восклицание

— Почему, черт возьми, они не могут оставить нас в покое?

— Нам нужно обвенчаться,—сказала она.— Это единственный способ отвязаться от них.

— Пойдем завтра утром, — предложил он. — Мне нужно поставить дужку в скрипке, а это отнимет с час или около этого. Может быть, за это время мы сможем покончить со всем этим.

— Прекрасная мысль, — сказала Коридон. — Сегодня вечером я скажу об этом моим родителям.

4.

И вот, мы видим их на следующее утро выходящими из дверей музыкального магазина, чтобы отправиться затем на поиски кого-нибудь, кто бы опутал их святыми узами брака. Они пошли вдоль одной широкой улицы, на которой стояла масса церквей — но все это были церкви, отличавшиеся богатством убранства.

— Я никогда раньше не думал об этом, — сказал Тирсис. — Но мне хотелось бы знать, существуют ли в городе небогатые церкви?

Они остановились перед темным кирпичным строением, которое имело несколько более скромный вид, чем остальные.

— Это пресвитерианская церковь, — сказала Коридон, прочтя надпись. — Хотелось бы мне знать, как они совершают таинство брака?

— Не знаю, но я уверен, что он захочет большую сумму.

— Но, может быть, там есть викарий, или что-нибудь в этом роде?

— Что вы, — засмеялся Тирсис. — У пресвитерианцев нет викариев.

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать, — продолжала она. — Нечто в роде помощника священника.

— Не знаю. Зайдем и спросим.

С некоторым трепетом они позвонили у двери церковного дома. Открыла дверь горничная в белом чепце и на их вопрос ответила, что пастора нет дома и что никаких викариев или чего-либо подобного не имеется.

Они пошли дальше.

— Как вы думаете, сколько они берут за это? — спросил Тирсис.

— Не знаю, я думаю, вы дадите им столько, сколько можете. Сколько у вас денег?

— У меня есть восемь долларов.

— Вы их взяли с собой?

— Да, все.

В середине квартала они нашли еще церковь.

— Унитарии! — воскликнул он. — О, может быть, это и есть то, что нам нужно.

Они вошли. Их радушно встретил симпатичный священник, которого звали доктор Гамильтон и которому они рассказали о своем

положении. Он предложил им несколько вопросов, на которые они дали удовлетворительные ответы. Да, они оба совершеннолетние, и родители дали свое согласие. Запинаясь, Тирсис объяснил также, что все его имущество исчерпывается восемью долларами.

— Но, как же вы будете жить? — спросил доктор Гамильтон.

У Тирсиса было большое искушение упомянуть о своем великом произведении, но он решил воздержаться от этого.

— Я буду зарабатывать деньги, — сказал он.

— Прекрасно, — ответил тот, — по-моему, препятствий никаких нет. Я обвенчаю вас!

Дьячок был приглашен в качестве свидетеля. Священник, встав перед ними, произнес маленькую проповедь, прочитал молитву, потом соединил их руки и произнес слова клятвы. Оба дрожали немного, но храбро отвечали в соответственных местах „да“, и все было кончено. Они пожали руку священника и обещали как-нибудь зайти послушать его проповедь. С трепетом заплатили ему два доллара, которые он передал дьячку. Затем они вышли, с глубоким вздохом облегчения.

— Это наполовину не так страшно, как я думал, — признавался жених.

5.

Направляясь из церкви в музыкальный магазин за скрипкой, они по пути читали объявления в газете о меблированных комнатах. Они попробовали искать в том фешенебельном квартале, через который проходили сейчас, но увидели, что цены им здесь не по карману. Наконец, им удалось найти в одном домике две крошечных комнатки. Хозяйка была швея и большую часть дня проводила вне дома, так что Коридон могла пользоваться пианино, стоявшим в гостиной. Это привело ее в восхищение. Комнатки были самые маленькие, какие только можно было себе представить, но они чисто содержались, и цена была подходящая — пятьдесят центов в день, что составляло полтора доллара в неделю за комнату Тирсиса и два доллара за комнату Коридон.

С улицы доносился грохот экипажей и крики школьников, но они рассудили, что скоро им удастся привыкнуть к этому. Успокоив хозяйку уверением, что они женаты, и заручившись ее согласием на ведение маленького хозяйства, они сняли комнаты и заплатили за неделю вперед.

— У нас теперь осталось два с половиной доллара на то, чтобы начинать жизнь!—сказал Тирсис, когда они вышли на улицу.—Наше хозяйство будет действительно скромным.

Они дошли до парка, сели там на скамейку и стали обсуждать свое положение.

— Дело далеко не так безнадежно, как кажется,—продолжал он.—На себя я как-нибудь заработаю. Кроме того, у меня ведь есть книга. Но мне тяжело думать о денежной стороне. Это ужасно, что мне приходится продавать плод своего вдохновения.

— А что вам остается делать?

— Я очень много думал над этим,—сказал он.—Эта мысль преследовала меня все время, пока я писал. Вот я наедине со своими образами, работаю дни и ночи, чтобы создать что-то святое и прекрасное, нечто, в чем я отрекаюсь от самого себя. И я должен нести это к торговцам, которые вынесут мое создание на рынок и будут там продавать его, чтобы заработать на этом деньги. Моя книга будет там соперничать с другими книгами, и издатели будут выхвалять ее достоинства, как гаеры на ярмарочных балаганах. Я с трудом переношу самую мысль об этом. Я готов прожить всю свою жизнь на чердаке, чтобы только этого не случилось. Я не хочу, чтобы сокровища моей души продавались на улице.

— Но каким же иным путем люди могли бы ознакомиться с ними?—спросила Коридон.

— Я бы хотел иметь собственное книгоиздательство, которое дало бы мне возможность издавать мои книги на хорошей бумаге и в прочных переплетах, так, чтобы они могли сохраняться долгое время, и чтобы я мог продавать их по той цене, в какую мне обойдется их издание.

— Мы должны это сделать когда-нибудь,—сказала Коридон.

— Мы должны жить как можно скромнее,—поддержал он.—Тогда нам скоро представится возможность это сделать. Может быть, мы будем в состоянии приступить к этому с теми деньгами, которые мы получим за первую книгу. Нам самим для жизни совершенно достаточно тысячи долларов в год.

Коридон согласилась с этим.

— Я уже составил проект такого издательства, — продолжал Тирсис.—Я разработал еще несколько различных планов, над которыми люди будут смеяться, я знаю. Я бы хотел устроить такую читальню, где каждый желающий мог бы безвозмездно прочитывать мои книги. Она должна помещаться в той части города, где живет

беднота. Недурно бы было также организовать подвижную библиотеку, чтобы дать доступ книгам в деревню. Единственная надежда изменить к лучшему условий жизни, это—ознакомить с нашими идеями народ.

Разговаривая таким образом, они дошли до дома, где жила мать Тирсиса. Он вошел, чтобы забрать свои пожитки. Коридон пошла за ним. Как только они вошли, мать Тирсиса встретила его словами:

— Тебя ждет какой-то пакет.

Тирсис вошел в свою комнату. На кровати лежал плоский белый пакет. Он взглянул на него, вздрогнул, потом взял в руки и прочитал надпись на ярлыке.

— Как? Как?—только и мог он выговорить, задыхаясь. Он схватил ножницы, разрезал веревку и вскрыл пакет. Это была его рукопись.

Дрожащими руками он развернул ее. Там было еще письмо. Он жадно ухватился за него. „Мы крайне сожалеем“;—читал он,—„что не можем издать вашу книгу. Благодарим вас за предложение. Остаемся с искренним уважением“. Такой-то. И это было все.

— Они отвергли мою книгу!—задыхаясь, воскликнул Тирсис. И оба стояли и смотрели друг на друга с выражением безграничного ужаса в глазах.

Такого исхода Тирсис не представлял себе в самые безотрадные минуты. Чтобы какой-нибудь человек, находясь в здравом уме, мог отвергнуть его книгу! Чтобы кто-нибудь, прочтя хоть одну главу из нее, мог не увидеть, что она из себя представляет!

— Она была у них только пять дней!—воскликнул он. И в один миг новое объяснение этого факта пришло ему в голову.—Я не верю, чтобы они читали ее!—воскликнул он.—Я думаю, что они и не заглядывали в нее.

Но, прочитанная или нет, а рукопись была возвращена. И некому было жаловаться на решение издателей. Они не давали объяснений, не оправдывались,—они просто отвергли рукопись. Для Тирсиса это было то же, что удар по лицу. Он чувствовал себя как женщина, любовь которой отвергли.

— О, дураки! Жалкие дураки!—воскликала он.

Но все эти рассуждения мало приносили облегчения душе. Положение все же оставалось серьезным. Это издательство было самым обширным и самым богатым во всей стране. И если эти издатели были дураки, то как много было еще дураков среди тех, кто становился между ним и публикой? А если так, то что же он будет делать?

6.

Так набежавшая туча омрачила начало их совместной жизни. В то время, как они были полны восторга, в их души проник этот ужасный призрак, который преследовал их потом в течение многих лет.

Но они крепко стиснули руки, отбросили в сторону мысль об этой первой неудаче и стали собирать свои пожитки, чтобы переселиться на новое жилище. Когда они внесли свои чемоданы в комнаты, там буквально негде было сесть. Только кровати оставались свободными, а все остальное пространство было завалено вещами. И, хотя Коридон оставила дома много лишних вещей, тем не менее они не знали, куда девать то, что она взяла с собою.

Но что же из этого? Зато они были вместе! Какое это было счастье—распаковать наконец свои пожитки и сделать все имущество общим. Это было как бы символом их духовного единения, и от этого самая обыкновенная вещь приобретала в их глазах особое значение. Тирсис задрожал от восторга, когда Коридон внесла целую охапку книг,—ведь все это богатство поступало в его собственность. Сам он не имел книг, за исключением немногих учебников, да нескольких томов стихов, которые он знал наизусть. Другие книги он в течение всей своей жизни брал из библиотеки и часто с удивлением думал о людях, платящих по доллару и по два за книгу, которую они не намеревались прочесть более одного раза.

Из чемодана Коридон появилось на свет множество всяких мелочей, говоривших об интимных сторонах ее жизни: портреты, которые она поставила на свой письменный стол, саше, которые были положены в комод, платья, повешенные ею на стенке за дверь. Его странно волновало сознание того, в каком близком соприкосновении будут они теперь друг к другу.

А потом—сколько удовольствия путешествовать в лавочку и заниматься своим маленьким хозяйством. Фунт масла, немного соли и перца, и пучек сельдерея, десяток яиц, кусочек мяса и мерка картофеля,—вот и провизия на обед. Еще надо зайти в булочную,—купить булок и торт. Они отнесли все это домой, и, пока Коридон чистила сельдерей, Тирсис достал свою жаровню и стал жарить яичницу и говядину. Они сели, и вдыхая приятный аромат жарящегося мяса, уплетали в это время куски булки с маслом: они были так голодны, что не могли дожидаться, когда обед будет готов.

И какое же они устроили пиршество из этого скромного обеда! Правда, покупки поглотили половину всего наличного капитала

Тирсиса. Но разве самая мысль об опасности голодовки не придавала особенную остроту их удовольствию? Что иное могло нарушить это ощущение интимности и уюта в их маленьком убежище, кроме сознания, что там, за стенами их маленькой комнатки—холодный и враждебный им свет?

На следующее утро Тирсис отнес свою рукопись другому издателю, и после этого они оба принялись за работу. Коридон громко смеялась от восхищения, когда они принялись за немецкий язык. Дело подвигалось у них очень быстро. В несколько недель они прочитали „Вертера“, „Вильгельма Мейстера“ и „Сродство душ“, прочли „Ундину“ и „Петра Шлемиля“, поэмы Гейне, романы Ауербаха и Фрейтага, „Оберон“ Виланда...

Занимались они также и музыкой. Коридон умела играть несколько пьесок, как полагается каждой воспитанной американской барышне. Но Тирсис старался убедить ее, что не может быть музыкантом тот, кто не в состоянии читать ноты сразу. Каждый день, когда их хозяйка уходила из дому, они приступали к занятиям музыкой. Тирсис решил, что и здесь надо одержать победу с помощью своеобразного *tour de force*.

К великому удивлению Коридон, через несколько недель она действительно могла читать ноты сразу и уже не отставала в такте от Тирсиса. Так они разучили сонаты Гайдна и Моцарта, даже дерзнули на трио Бетховена, откинув вторую скрипку. И когда в массе звуков они находили что-нибудь такое, что действительно трогало их души,—какое это было наслаждение для них!

7.

По вечерам они читали „Историю английского народа“. И когда им встречался эпизод, подобный истории Жанны д'Арк, девушка слушала с крепко стиснутыми руками, со слезами на глазах, и обаяние мученичества горело ярким огнем в ее душе.

В такие минуты Тирсис начинал понимать всю красоту души Коридон и преклонялся перед ней. Но он не мог вместе с ней постоянно обитать на этих вершинах красоты. Он знал и все нелепости жизни, видел пошлых, некрасивых людей и должен был жить среди них и бороться за жизнь.

Он старался уверить себя, что это обстоятельство является единственным, мешающим их полному благополучию. Но с течением времени он открыл еще нечто, более важное. Ему казалось, что он теперь лишен того, что было главным источником его силы,—он

лишился своего одиночества. Куда теперь девались часы молчаливого вынашивания творческого замысла? Долгие битвы в недрах собственной души?

Разве не очевидно, что простая физическая близость другого лица заставляет обращать внимание на предметы внешнего мира? Тирсис поставил себе за правило никогда не произносить ни одного пустого, праздного слова. Теперь же он видел, как пошлость незаметно прокрадывалась в их жизнь; как их разговор стал переходить на личности и на подтрунивание над ними. Коридон обращал большое внимание на внешность, например, на такие факты, что его брюки изнашивались, что волосы растрепаны и что это замечают другие люди.

Так вот что такое брак! Все это имело особенно важное значение в жизни писателя! Тирсис привык, просыпаясь по утрам, лежать некоторое время в постели, созерцая образы, толпившиеся в его душе. В это время, пока его воображение было свежо, он составлял план работы на весь предстоящий день. Теперь же ему сразу приходилось вскакивать и одеваться, вспугивая создание своей мечты. Он любил также гулять, целыми часами предаваясь размышлениям. Теперь же он никогда не гулял один, а вместе с Коридон, соразмеряя свой шаг с ее медленным шагом. Если так было с проявлениями внешнего мира, то насколько сильнее сказывалось это вмешательство, когда дело шло о святое святых его души.

От всех этих неурядиц они находили успокоение в музыке, которая составляла для них не только реальный жизненный интерес, но была их религией. Если бы они имели возможность совершенствоваться в ней, чтобы жить в музыке. Конечно, на это понадобятся целые годы, но они готовы были работать каждый день, только бы иметь эту возможность. Но, увы!—мир не хотел дать им покоя.

8.

Спустя неделю Тирсис послал письмо другому издателю и получил ответ, что на прочтение рукописи потребуется по меньшей мере две недели. К этому времени он истратил все до последнего пения, и ему пришлось жить на деньги Коридон. Было ясно, что он должен заработать что-нибудь теперь же. Он предоставил Коридон ее занятиям в своей комнате, а сам напрягал свой мозг в мучительных усилиях создать что-нибудь, что могло бы доставить какой-нибудь заработок.

Он попробовал приняться снова за стихи, которые когда-то давали заработок. Но ему пришлось убедиться, что весна его жизни миновала. Жизнь представлялась теперь слишком мрачной, и жизнерадост-

ные, выливавшиеся сами собой, стихи не шли в голову. А те строки, которые он вымучивал из себя усилием воли, звучали фальшиво и безвкусно, и, конечно, такими же они казались и издателям, которые возвращали их обратно.

Тогда он принялся за писание рецензий.

Однажды почтальон принес ему письмо, которое заставило сильно забиться его сердце. Он разорвал конверт и прочитал ответ второго издателя.

„Мы заинтересовались вашей рукописью, но, не находя возможным издать ее, мы хотели бы переговорить с вами“.

— Что это означает?—спросила Коридон, дрожа.

— Бог знает,—ответил он.—Сегодня же утром отправлюсь к ним.

Вернувшись домой, он опустился в кресло и смотрел прямо перед собой, сердито сдвинув брови.

— Не спрашивай меня!—говорил он Коридон.—Не спрашивай!

— Пожалуйста, скажи мне!—воскликнула девушка.—Ты виделся с ними?

— Да,—отвечал Тирсис.—Я видел жирного человека.

— Жирного человека?

— Да, жирного человека. Жирное тело, жирный мозг, жирная душа.

— Что же он предложил?

— Он говорит, что в настоящее время публика любит читать романы из великосветской жизни—истории о людях, которые красивы, богаты и пользуются успехом в жизни. Им нужно, чтобы в романах фигурировали автомобили, театры и проч.

Наступило молчание.

— Что же ты сделал с рукописью?—спросила она пониженным голосом.

— Я отослал ее другому издателю,—ответил он.

— И что же ты теперь будешь делать?

— Я уже виделся с издателем „Treasure Chesta“.

Это был очень популярный журнал. Просматривая один из напечатанных там рассказов, он объявил Коридон, что, будь в его распоряжении стенограф, он мог бы диктовать подобные рассказы по двадцати тысяч слов в день.

— И ты виделся с издателем?

— Да! Это толстый человек, по виду напоминающий борца. Он сказал мне, что если я умею писать, то пусть докажу это. Он платит по пяти центов за пять слов—сто долларов за рассказ. Платит тотчас по получении рукописи. Я попробую!..

— О чем ты будешь писать?—спросила Коридон.

— Я попробую написать фантастический рассказ. Издатель говорит, что читатели его журнала очень любят такие вещи.

9.

Тирсис заперся и принялся за работу. Когда он писал, в его душе пылал гнев, который иногда уступал место ироническому настроению, вызывавшему улыбку на его губах. Двадцать тысяч слов он написал в три дня. Но, чтобы издатель не подумал, что он отнесся небрежно к своей задаче, он выждал десять дней. Через три дня он пришел за ответом.

Издателю понравилось написанное, и он сказал, что если продолжение будет в таком же роде, то он примет рассказ. Тирсис опять принялся за работу и, закончив рукопись, отложил ее в сторону, чтобы опять выждать приличный срок. Тем временем пришло письмо от литератора, стоявшего во главе третьего издательства, которому Тирсис послал свою рукопись,— в письме выражалось сожаление, что поэма не может быть принята.

Но это было такое дружественное письмо, что Тирсис отправился к его автору. Он встретил симпатичного человека, повидимому, обладавшего чуткой душой, по фамилии мистер Ардслей, который побеседовал с ним о жизни.

— У вас изящный талант,—сказал он.—Может быть, даже гений. Ваша книга, без сомнения, искренняя. Мне кажется, вы были влюблены, когда писали ее.

— Был близок к этому,—проговорил Тирсис, слегка покраснев. Он не хотел бы этого показывать.

Тот улыбнулся.

— В ней есть недостатки,—продолжал он.—Но самый важный в том, что она не по плечу нашей публике. Она ничего не поймет в такой любви, которая так интересует вас. Издатель не может позволить себе издавать книги, которые не оправдают затрат. Мое дело состоит в том, чтобы рекомендовать книги для издания нашей фирме. Если я принесу им вашу рукопись и скажу: „Это достойная вещь“, то они спросят меня: „А оправдает ли она издержки производства?“ Мне придется ответить им: „Не думаю“.

Тирсис вышел на улицу. Он ясно видел теперь простую истину,— что издание книг вовсе не было делом искусства, это было коммерческим делом. А он—жалкий безумец—желал стать художником слова.

Он решил выступить с обращением к обществу. Вернувшись домой под утро, он заперся у себя в комнате и написал его. Он назвал его „Коммерция и Искусство“. Он говорил здесь о своей книге, о том, как он написал ее. Он свободно говорил о том, что представляет из себя его книга, и спрашивал, не найдется ли в Соединенных Штатах такой издатель, который издавал бы [книги потому, что в них есть благородные мысли, а не потому, что они хорошо раскупаются. Или, быть может, существует такой критик, любитель книг или филантроп, или вообще какое-либо лицо, которое захотело бы поддержать истинного художника. „Этот художник готов работать дни и ночи,—писал он,—и довольствоваться меньшей суммой денег, чем плата, получаемая поденщиком. Все блага жизни, какие бы ни послала ему судьба, он отдаст за возможность посвятить себя любимому делу“.

Коридон проснулась, и он прочел ей написанное. Она выслушала с удивлением.

— О, Тирсис!—воскликнула она.—Что ты хочешь делать?

— Я хочу напечатать это воззвание,—ответил он,—и разослать его издателям, а также литераторам и редакторам журналов.

— И ты подпишешь под ним свое имя?—воскликнула она.

— Я уже подписал его,—ответил он.

— Когда же ты это сделаешь?

— Как только рукопись будет возвращена следующим издателем.

Он сел завтракать. Потом, не отдыхая, закончил свою ремесленную работу и отнес ее издателю. Спустя несколько дней он явился за ответом, дрожа от нетерпения и беспокойства. Ему удалось продать только одну рецензию, и ему снова пришлось прибегнуть к деньгам Коридон. Люди, которые недружелюбно относились к нему, предсказывали, что он сделает это, и он им ответил тогда, что скорее умрет, чем решится на это.

Домой он вернулся, сияющий от удовольствия.

— Он сказал, что берет рассказ!—возгласил он.—Только нужно изменить конец,—ему нужно что-нибудь более возбуждающее. Я сделаю так, что графиня попадет в горящую башню.

Он написал, что нужно, отнес рукопись обратно, и вернулся домой с сотней долларов, бережно положенных во внутренний карман жилета. Он был похож на человека, вырвавшегося из тюрьмы. Наконец-то перед ним открывался свободный путь! Его воззвание найдет доступ к обществу.

КНИГА ПЯТАЯ

ПРИМАНКА СХВАЧЕНА

1.

Тирсис был почти уверен в том, что и этот издатель вернет рукопись. И он лишь слегка взволновался, получив письмо, в котором издатель, отклоняя предложение об издании его рукописи, сообщил ему, что одно из лиц, читавших рукопись, так заинтересовалось ею, что выразило желание побеседовать с автором. Тирсис ответил согласием. К своему удивлению он узнал, что этим читателем оказался ни кто иной, как профессор Осборн, который еще в университете признал его неспособным к занятиям литературой.

Он явился на дом к профессору, и они долго беседовали. О прежнем они не вспоминали. Очевидно, его бывший учитель понял, что претензии Тирсиса на звание писателя чем-то оправдались, и он мог теперь сам пробивать себе дорогу, не нуждаясь в его наставлениях. И Тирсис был доволен этим молчаливым признанием.

Они говорили о его книге. Профессор вначале старался уверить его, что она не будет покупаться, и стал объяснять почему. На этой почве у них возник жаркий спор.

— Я прожил уже сорок пять лет, — сказал Осборн, — а вы едва ли половину этого. Я думаю, что я читал больше, чем вы, больше учился, больше думал. А вы хотите, чтобы я учился у вас.

— Нет! — воскликнул Тирсис с жаром. — Здесь дело не в науке, не в знании жизни. Дело в интенсивности переживаний, которое не находится в зависимости от опыта. Когда речь идет о вдохновении, тут не может быть речи об учености и старости.

— Это, может быть, верно, — не без колебания согласился его собеседник.

— Например, вы читаете поэмы Китса и Шелли. Когда они их писали, они были так же молоды, как я, и однако вы не отказываетесь

признать их создания достойными внимания. Неужели только потому, что они уже умерли, а их поэмы признаны классическими?

— Так спорили они оба. Тирсис мог заставить профессора признать, что в его произведении есть талант, но он не мог побудить профессора, что-нибудь сделать ради него. Поэт ушел. Теперь он понимал, в чем дело. Профессор Осборн был наставником. Его обязанностью было знать литературу. Если же он отречется от своего взгляда на литературу перед одним из своих учеников, то что же тогда, станется с авторитетом? Он имел перед собой несколько литературных образцов, которые и составляли, по его мнению, литературу, и эти образцы он представлял своей аудитории. Если же кто-нибудь вздумает создавать новые образцы по своему собственному побуждению, то такая анархия воцарилась бы в аудитории! Тирсис, идя домой, сжал кулаки и сказал самому себе: „Попадетс я мне когда-нибудь“.

2.

Тирсису был теперь ясен его путь, и он с твердостью принялся за работу. Воззвание лежало перед ним напечатанное, Коридон написала, адреса и однажды вечером они взяли листки и опустили в почтовый ящик.

— Теперь мы увидим! — воскликнул Тирсис.

Ждать пришлось недолго. Когда на следующий день он пришел к завтраку, Коридон встретила его в сильнейшем возбуждении.

— Ш-ш! — прошептала она. — У нас репортер.

— Репортер? — повторил он.

— Да... женщина.

— Что ей нужно?

— Она хочет поинтервьюировать тебя по поводу твоей книги.

— Откуда она?

— Из „Morning Howl“! Она читала твой циркуляр.

— Но я не посылал его туда.

— Я знаю! Она говорит, ей дал прочесть один знакомый.

Тирсис вошел с чувством ягненка, которого ведут на убой. Ему не приходилось иметь дела с интервьюерами, и он всецело подчинился обаянию любезной и симпатичной дамы. Да, он будет рад побеседовать по поводу своей книги, как и где он написал ее и какие надежды возлагал на свое творение.

— Ваша жена сказала мне, что вы только-что поженились? — сказала дама с пленительной улыбкой и стала расспрашивать его о женьтибе. Они успели уже сделаться добрыми друзьями, и Тирсис рас-

сказал ей много такого, чего не сказал бы никому другому. Она попросила его карточку и карточку Коридон, и была сильно огорчена, когда в последней ей было отказано. Поговорив с час и повторив свою попытку выпросить портрет Коридон, она, наконец, стала прощаться. В сенях она внезапно вспомнила, что забыла перчатки. Она вернулась, взяла их и быстро удалилась. Только час или два спустя после ее ухода Тирсис сделал ужасное открытие, что карточка Коридон, стоявшая на ее письменном столе, внезапно исчезла.

На следующее утро на второй странице „Morning Howl’a“ появились их фотографии и большой, в два столбца, заголовок: „Молодой талант, желающий продать себя“.

Тирсис прочел это заглавие, и лицо его исказилось от ужаса и негодования. Эта женщина сделала его интересным в глазах толпы. О его книге было сказано очень мало, но зато много о тех обстоятельствах, при которых она была написана. Подробно описывалась также наружность их обоих, были упомянуты и глубокие черные глаза Коридон, и высокий лоб Тирсиса, и его чувственные губы. Много места было отведено и описанию их домашнего хозяйства, до жаровни и запаха жареной баранины включительно. Забавно рассказывалось и о том, как они начали свою жизнь с восьмью долларами в кармане.

3.

Коридон плакала от сознания своего унижения и написала сотруднице листка письмо, в котором выражала ей свое презрение. В ответ она получила очень дружеское послание, в котором сотрудница журнала заявляла, что она оказала им самую большую услугу, какую только могла, и что, когда они поближе узнают жизнь и литературный мир, они поймут это.

Это происшествие имело три осязательных результата. Первый—они получили письмо, написанное на раздушенной бумаге, от одной дамы, которая одобряла благородство их идеалов и желала им успеха, но не подписала своего имени. Вторым результатом было посещение поэта—человека лет сорока, оборванного, жалкого, с водянистыми глазами, с жидкими растрепанными усами, в манерах которого выражалась мучительная неуверенность в самом себе. Он стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и объяснил, что он читал воззвание Тирсиса и пришел, потому что он также является непризнанным гением.

Он вошел, уселся на кровать и развернул свои два тома—несколько сот страниц, переписанных на машинке, тщательно перепле-

тенных в полинялый розовый шелк. Тирсис принялся за чтение одного тома. Коридон взялась за другой, а поэт сидел, впившись в них глазами и нервно потирая руки.

Последующий разговор был очень тяжелым для Тирсиса. Он не хотел огорчать несчастного, сказав ему истину о его произведениях, и не знал, как лучше всего отделаться от него. Дело осложнилось еще присутствием Коридон, которая, не зная образцов, которым подражал этот жалкий поэт, находила его стихи недурными. Она дала возможность посетителю излить перед ней свое сердце, пока тот не договорился до истинной цели своего посещения, которую давно подзревал Тирсис. Он объяснил, что он бухгалтер, лишился места и что его жена и трое детей умирают с голода. Поэтому он просит ссудить его деньгами.

Третий результат был самым значительным. Это было письмо от одной издательской фирмы.

„Мы ищем хороших и оригинальных произведений“,—читал он,—„и нас не пугает риск. Мы очень заинтересовались вашей книгой и будем очень рады, если вы дадите нам возможность прочесть ее поскорей“. Тирсис поспешил отнести рукопись.

Меньше чем через неделю пришел ответ, который привел их в состояние безумного восторга. „Я прочитал вашу рукопись“,—писал мистер Тейлор.—„И я без колебаний признаю ее очень талантливой. Это живая, искренняя вещь, написанная с громадным темпераментом, и я имею смелость предсказывать ей исключительный успех. Я надеюсь, что мы издадим ее, и я буду очень рад, если вы придете в скором времени, чтобы переговорить об условиях“.

Тирсис прочел письмо вслух. Он обнял Коридон, и слезы радости текли по его щекам.

Он отправился к издателю, и в течение десяти—пятнадцати минут выслушивал такой горячий панегирик своей книге, что щеки его запылали от восторга. Мечты о свободе, о славе носились перед ним. Затем мистер Тейлор начал излагать свое предложение и, по мере того как выяснялись детали, Тирсис чувствовал, как будто его погружают в волны Полярного океана. Издатель хотел, чтобы он заплатил ему половину стоимости издания книги и, кроме того, гарантировал бы ему сбыт сотни экземпляров по номинальной цене.

— Сколько же мне придется заплатить в случае издания моей книги?—спросил Тирсис.

Мистер Тейлор вычислил и сказал, что ему придется заплатить двести пятьдесят долларов.

— Для вас я могу назначить двести двадцать пять,—сказал он,—исключительно потому, что меня интересует судьба вашей книги.

Но Тирсис только с грустью покачал головой.

— Я с удовольствием бы сделал это,—произнес он,—но у меня просто-напросто нет денег.

Он распрощался с мистером Тейлором, снес рукопись другому издателю и вернулся домой, подавленный и угнетенный.

4.

Но чем больше думал Тирсис, тем сильнее им овладевало желание принять предложение мистера Тейлора. Поэтому он решил написать еще один „ремесленный“ рассказ. Один старый моряк как-то рассказал Тирсису историю о том, как несколько американских мальчишек, учеников колледжа, украли в Китае священного идола. Тирсис увидел в этом хороший сюжет для рассказа, и поделился своими соображениями с издателем „Сокровищницы“, который нашел сюжет занимательным. Тирсис усидчиво поработал недели две и получил еще сотню долларов. Потом он решился на то, чего не делал еще ни разу в жизни,—он пошел просить денег у своих родственников. Он объяснил им, как упорно и много он работал и какой прекрасный случай представляется ему сейчас. Он вернет деньги из первого же гонорара, который получит после издания книги,—а она, конечно, даст ему не меньше сотни долларов, которые он просит у них. Кроме того, у Тирсиса осталось еще некоторая сумма из гонорара, полученного им за первый рассказ.

Но человек предполагает, а бог располагает. В четверг утром он заплатил свои двести двадцать пять долларов, доставшиеся ему с таким трудом, а через неделю, просматривая газету, он прочел известие, вызвавшее у него крик ужаса.

— Коридон!—позвал он жену.—Как фамилия этого адвоката, твоего опекуна?

— Джон Гаммонд,—ответила она.

— Он вчера застрелился в своей конторе!—воскликнул Тирсис и прочел Коридон известие газеты о том, что Гаммонд занимался спекуляциями и, повидимому, много потерял при недавнем падении цен на хлопок.

Джон Гаммонд лишился не только своего состояния, но истратил капитал своих восьми или десяти клиентов. Дом, в котором он жил, и наполнявшее его движимое имущество принадлежали его жене. И вышло так, что Коридон не могла получить ни одного пенни из

своих четырех тысяч долларов. Девушка была страшно подавлена. Она клялась, что уйдет обратно к своим родителям, что пойдет служить в контору. Тирсис только обнимал ее и шептал:

— Ну, ничего, ничего, дорогая! Весной выйдет книга, а пока я буду зарабатывать своими рассказами на нас обоих.

5.

В долгие часы ночи, лежа без сна в своей маленькой комнате, Тирсис думал о своей судьбе с ужасом. Он попался в западню! Он чувствовал, как с каждым днем убывают его силы, как умирают в его душе образы, не успевши родиться. Он сгорал от внутреннего огня: в его душе созревала новая книга, которая будет лучше первой. И он не мог написать ее, не мог даже думать об этом. Вместо того, чтобы вместе с Коридон подыматься на вершины поэзии и музыки, он должен зарабатывать на хлеб своими ремесленными писаниями. Он должен был унижаться перед издателями, вымаливая у них книги для рецензий, изучать всякую ерунду, которая печатается в журналах, выискивая темы для статей,—он, учитель жизни, носитель новой религии, гордый, высоко парящий орел, чьи ноги еще никогда не были опутаны цепями.

Для него стало теперь ясно, что они не могут больше позволить себе жить в двух комнатах. Им придется удовольствоваться одной, той, которая стоит полтора доллара. Когда наступало время ложиться спать, Тирсис уходил на улицу и гулял до тех пор, пока Коридон раздевалась и ложилась в постель. Потом он приходил и устраивал себе постель на полу, подкладывал вниз стеганое одеяло, которое дала им хозяйка, и одевался парой одеял, взятых у родных, а когда было холодно, набрасывал сверху свое пальто и юбки своей жены. Иногда Тирсис спал одетый, чтобы согреться, потому что ему приходилось спать около самого окна. По утрам Коридон поворачивалась лицом к стене, пока Тирсис умывался и одевался. Потом он уходил, чтобы дать ей возможность одеться.

Итак, ему пришлось расстаться с возможностью хотя бы временного уединения. Он всегда должен был работать в присутствии жены, и, хотя она могла сидеть часами, притаившись как мышка, тем не менее он не мог отдаваться работе как прежде.

Утомительная работа по ночам дурно повлияла на здоровье Тирсиса. У него был сильный организм, но за последнее время он начал испытывать сильные головные боли, которые становились иногда невыносимыми. Он думал, что причиной этих болей является газовая

печь, стоявшая в их комнате. Они пробовали не зажигать газ, но тогда они стали зябнуть.

Тирсис стал подозревать, не является ли причиной головных болей пища. Они старались тратить на еду как можно меньше, но не знали, как это сделать. Наконец, Тирсис решился посоветоваться с врачом. Этот визит к доктору навсегда остался в памяти Тирсиса.

6.

Доктор нашел у Тирсиса легкое расстройство желудка, и дал ему бутылку какой-то красной жидкости, способствующей усвоению пищи. Он посоветовал ему также есть медленно и отдыхать после обеда. Тирсис поблагодарил его и собирался уже уйти, но доктор, бывший другом обоих семей, остановил его вопросом:

— Как здоровье Коридон?

— Превосходно,—отвечал Тирсис.

— Что же, скоро ждете детей?—спросил он с улыбкой.

Тирсис вздрогнул.

— Что вы! Нет!—воскликнул он.

— Почему нет?—спросил он.

— Я хочу сказать, что... что мы живем как брат с сестрой,—сказал Тирсис.

— Но... тогда зачем же вы поженились?

— Мы поженились потому, что нам надо учиться...

— Чему?

— Многому; главным образом, музыке.

— И как долго вы думаете продолжать такую жизнь?

— О, еще много лет, до той поры, пока мы не усовершенствуемся и пока не заработаем немного денег.

Доктор откинулся назад и испустил вздох облегчения.

— Теперь мне понятно, почему ваш желудок не в порядке,—сказал он.

— Что вы хотите сказать?—спросил Тирсис.

Но доктор медлил ответом. Он только спросил его:

— Понимаете ли вы, что вы делаете с Коридон?

— Что?

— Вы разбиваете ее жизнь и, прежде всего, разрушаете ее здоровье.

— Но каким же образом, доктор? Она совершенно счастлива. Мы решили так жить по обоюдному согласию.

— Но ведь она любит вас?

— Да, конечно, но не такой любовью...

Доктор улыбнулся.

— Почему вы знаете?—спросил он.

— Потому что... она мне сказала это.

— А если бы это было иначе? Вы думаете, что она сказала бы вам об этом?

— Ну, конечно.

— Мой милый мальчик, она скорее умрет, чем скажет об этом.

Тирсис с изумлением смотрел на него.

— Выслушайте, что я скажу вам относительно женщин,—сказал доктор.—Я был женат тридцать лет—как следует женат! У нас было пять человек детей. И за все эти тридцать лет моя жена ни разу первая не выражала желаний.

Доктор стал развивать перед ним свою философию пола.

— Любовь не занимает большого места в вашей жизни: вы заняты своей книгой, своей литературной карьерой. И вы хотите, чтобы Коридон чувствовала так же, как вы. Вы хотите сделать из нее копию самого себя, но вы просто не в силах этого сделать, мой мальчик,—она женщина! А единственный интерес в жизни женщины, это—любовь! Она для нее—все! Женщина создана для любви. И, лишая ее любви, полной любви, вы разбиваете окончательно ее жизнь. Теперь для нее самая бы пора иметь детей, а вы хотите заставить ее удовлетворяться музыкой и философией.

— Но,—воскликнул Тирсис в испуге,—я знаю наверное, что она не чувствует ничего подобного.

— Возможно,—возразил доктор,—что у нее еще не открылись глаза. От вас зависит заставить ее прозреть. Что же вы за мужчина?

— Но, если у нас будет ребенок, это погубит нас!—воскликнул он в безумном ужасе.—У меня нет ни цента, а моя карьера еще не обеспечена.

— Что ж!—сказал доктор.—Если дело обстоит так плохо, не заводите детей.

— Но... но как же это возможно?

— Разве вы не знаете, как избежать этого?

Тирсис глядел на доктора широко-раскрытыми глазами.

— Нет!—отвечал он.

— Господи!—засмеялся тот.—Да где вы жили все это время?

И доктор принялся объяснять ему, в чем состоит „искусственное обеспложивание брака“. Тирсис с трудом верил своим ушам: он никогда не слышал ни о чем подобном. Но доктор говорил об этом спокойно, как человек, для которого это—дело обычное. Он объяснил

нил ему подробно различные способы, к которым прибегают в таких случаях, и, когда Тирсис встал, прощаясь, доктор фамильярно похлопал его по плечу и со смехом сказал:

— Идите же к своей жене, мой мальчик!..

7.

Этот разговор страшно взволновал Тирсиса. Сначала он пробовал не думать об этом, так как подобные отношения между ним и Коридон он считал чем-то невозможным. Но не думать было нельзя. Доктор очень хитро повел свою линию. Если бы он сказал, что Тирсис своим поведением причиняет вред самому себе, он бы не поверил ему и продолжал жить по-своему, но тот все время имел в виду Коридон, а что он знал о ней? Тяжелее всего было то, что этот разговор заставил Тирсиса думать о Коридон как о женщине, о чем раньше он не смел и мечтать.

Он подумал о Коридон как о своей жене, и эта мысль обожгла его как огнем. Все мужское воспрянуло в нем и громко заявило о своих правах. Он внезапно почувствовал, что любит ее именно так, что он хочет ее. И это было так не только теперь, это было с самого начала. Он был безумцем, когда желал уверить себя в противном.

Когда он пришел домой, Коридон готовила ужин. Он подошел к ней, обнял и поцеловал. — Я люблю тебя, моя дорогая, — шептал он. Она отдалась его объятиям, он поцеловал ее, еще и еще покрывая поцелуями ее губы, щеки, шею. А, так, она любит его, иначе не позволила бы так целовать себя! Но не так-то легко было преодолеть запрет, которому он был верен всю свою жизнь. Внезапный страх овладел им. Что он делает? Нет, она не должна ничего подозревать, по крайней мере до тех пор, пока он не выяснит перед самим собой, что это действительно нужно.

Он отшатнулся от нее, и заметил, что в глазах ее выразилось удивление. Не очень-то часто он баловал ее такими нежностями!

— Я голоден как медведь, — сказал он, чтобы переменить разговор.

Они сели ужинать.

Тирсис в этот вечер должен был много работать. Но, как он ни напрягал свой ум, не мог сосредоточить своих мыслей ни на чем. Он был очень взволнован; сказал Коридон, что ему нужно обдумать новое произведение, и вышел на улицу.

На дворе свирепствовала буря. Порывы холодного, ледяного ветра били его по лицу, сваливали с ног. Он решил бороться с бурей, он прокладывал себе путь среди порывов ветра, сильный и торжествующий. И в душе его поднималась музыка, тоже сильная и торжествующая. Вся его долго сдерживаемая страсть пробивалась наружу, кровь горячими волнами переливалась в жилах. Из какого-то скрытого уголка его души поднималась волна чувства, и поднимала его высоко на своем гребне, а он смеялся и пел во славу проснувшейся страсти. Боже, какой он был ребенок! Он взял ее с собой, он желал подчинить ее своей воле. И он не сделал этого, она все еще не принадлежала ему, и только потому, что он не воспользовался единственным могучим орудием, находящимся в его распоряжении! Но теперь все изменится, он будет принадлежать ей.

8.

Так он проходил несколько часов. Но, когда он пришел домой и, стоя в сенях, отряхивал снег с своей одежды, недавнее возбуждение сменилось реакцией. Неужели он мог так думать о Коридон, о нежной, невинной Коридон? Как он осмелится сказать ей о чем-либо подобном? Как может намекать на это? Она придет в ужас. Нет, нечего и думать об этом! Он поднялся вверх. Коридон уже спала. Он улегся, как всегда, на полу, но сон не приходил. Образ Коридон преследовал его. Он прислушался к ее дыханию. Она была так близко около него, и все-таки не принадлежала ему.

Уже было светло, когда он наконец уснул. Проснулся вялым и утомленным. Напал внезапный прилив злобы на самого себя. Он опять ушел, и бранился и негодовал на себя. Он не должен допустить этого, он должен работать. Он решил стараться не думать на эту тему в течение трех дней. За это время истина выяснится для него. Он хотел решить этот вопрос при помощи разума, а не полагаться на одно слепое желание. Он твердо держался своего решения. Но, когда три дня прошли и он опять принялся размышлять, им опять овладел бурный порыв чувства. Казалось, что чем сильнее он сдерживает этот бурный поток, тем с большей яростью он пробивается наружу. Его воля всегда парализовалась мыслью, что он может причинить вред Коридон. Наконец, он решил поговорить с ней. Он подошел, стал перед ней на колени и обвил рукой ее талию.

— Дорогая моя, — начал он. — Мне нужно о чем-то спросить тебя!

За время их совместной жизни Коридон привыкла читать в душе Тирсиса как в раскрытой книге. Она заметила, что Тирсис все эти

дни расстроен чем-то, но видела также, что для него еще не настала пора делиться с ней своими переживаниями.

— В чем дело?—спросила она.

— Это очень важно...

— Я слушаю, дорогой!

— Ты знаешь, я был у доктора.

— Знаю.

— И он сказал мне... он думает, что мы вредим себе, ведя такую жизнь.

— Какую жизнь, Тирсис?

— Тем, что мы не живем как муж с женой. Он говорит, что ты страдаешь от этого.

— Но, Тирсис!—воскликнула она с изумлением.—Я не страдаю!

— Он говорит, что ты не знаешь этого, Коридон. Но это делает тебя такой нервной и беспокойной.

— Но, дорогой мой! Я вполне счастлива.

— Ты уверена в этом?

— Вполне.

— А... если бы было иначе... ты сказала бы мне?

— Ну, конечно!

— И ты уверена в этом?

Она поколебалась. И когда ответила, голос ее понизился до шепота:

— Я думаю, дорогой.

Наступило молчание.

— Тирсис!—внезапно воскликнула она.—У меня будет ребенок?..

— В этом нет необходимости,—сказал он, и передал свой разговор с доктором.

Для нее это было таким же открытием, как для него, и еще более ошеломляющим.

— Я понимаю,—тихо промолвила она.

— Слушай, Коридон,—прошептал он.—Любишь ли ты меня такой любовью?

— Не знаю,—ответила она.—Я никогда не думала ни о чем подобном.

— Но будешь ли ты в состоянии когда-нибудь так любить меня?

— Как могу я сказать это, Тирсис? Все это так странно для меня. Это... это пугает меня...

Он взглянул на нее. Щеки ее вспыхнули, в глазах появилось выражение испуга. И он смирился.

— Ну, хорошо, дорогая,—сказал он.—Я не хочу огорчать тебя.

Он пробовал вернуться к работе. Но работа не шла на ум. Он мог практиковаться на скрипке и читать по-немецки с Коридон, но когда он пробовал вырабатывать план своей новой книги и направлял свои мысли по одному определенному пути, они неизбежно сворачивали с этого пути и возвращались к ней—к жене. Он стал опять предпринимать еще более длительные прогулки, чтобы усмирить бурю своего желания.

Конечно, от прежней непринужденности в их отношениях не оставалось и следа. Они уже не могли больше целовать друг друга и резвиться как дети. Это были уже взрослые, мужчина и женщина, внезапно сознавшие себя, вызвавшие друг друга на изначальный поединок полов между собой.

9.

Наконец все эти волнения дошли до такого предела, что Тирсис уже не мог переносить их более. Они стали для него мучением, они лишили его сна и покоя. Как-то вечером он долго держал ее в своих объятиях, и это заставило его невыразимо страдать. Он отвернулся и схватился руками за голову.

— Дорогая!—воскликнул он.—Я не могу больше этого выносить!

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что это разрывает мне сердце на части.

Она смотрела на него с испугом.

— Тирсис! воскликнула она.—Ты несчастлив?

Он упал на кровать и закрыл лицо руками.

— Да!—прошептал он.—Я несчастлив!..

Этими словами он сразу уничтожил ее сопротивление. Боязнь причинить ей страдание всегда властвовала над ним, лишая его смелости. Теперь мысль о его страданиях победила ее. Только ей не понадобились целые дни для выяснения этого,—в одно мгновение она подбежала к нему и обвила его шею руками.

— Тирсис,—прошептала она.—Выслушай меня. У меня не было мысли об этом.

— Нет, дорогая, ничего. Я об этом очень жалею... Мне стыдно себя...

— Нет, нет!—горячо воскликнула она.—Не говори этого. Я люблю тебя. Тирсис! Я люблю тебя!..

Он обернулся и посмотрел на нее блуждающим взглядом.

— Я сделаю для тебя все,—продолжала она.—Я буду твоей. Я буду твоей женой.

И все же, когда он обнял ее, она опять отшатнулась.

— Только подожди немного. Дай мне привыкнуть к этому,— прошептала она.— Пусть это явится само собой.

Он застонал и закрыл лицо руками.

— О, боже, я не могу вынести этого!— воскликнул он.

Он бросился отыскивать пальто и шляпу.

— Я выйду на улицу!— сказал он.

— Что ты хочешь сказать?— закричала Коридон.

— Я хочу сказать, что мне нужно уйти отсюда!— отвечал он.

— Тирсис!— дико вскрикнула она. Она подбежала к нему и обвила его руками.— Нет, нет!— кричала она.— Нет!

И она крепко прижалась к нему.

— Тирсис!— шептала она.— Неужели ты не понимаешь? Не будь таким глупым, дорогой.

— Глупым?

— Да, глупым, дорогой мой! Разве ты не видишь? Ведь я еще ребенок. И все это так странно. Это внушает мне страх. Попробуй представить себе, что я должна чувствовать.

— Но что же мне делать?

— Что делать?— Она спрятала лицо на его плече и зарыдала.— Ты мужчина, Тирсис, а я девушка. Делай то, что тебе хочется. Не обращай на меня внимания.

Эти слова поразили Тирсиса как удар грома. Он прижал ее к себе с такой силой, что она вскрикнула от боли. В нем проснулась душа пещерного человека, который на руках уносит свою подругу в какой-нибудь таинственный уголок.

— Погаси огонь!— прошептала она. Он исполнил ее желание. Потом он стал расстегивать ее платье.

Она покорилась сначала, она позволяла ему делать, что он хочет. Но, когда он дотронулся до ее груди, он почувствовал, как она затрепетала.

— Тирсис!— прошептала она.

— Что?

— Подожди, дорогой мой, подожди!..

— Почему подожди?— закричал он.

— Только одну минуту, умоляю тебя, дорогой!..

— Нет! Ни минуты! Нет!

Она прижалась к нему, дрожащая, умоляющая.

— Умоляю тебя, дорогой, умоляю. Мне страшно, Тирсис!..

Но его уже ничто не могло остановить. Она принадлежала ему, он может с ней делать все, что захочет. Он покорит ее своей воле!

Она вырвалась от него, но он настиг и удержал ее. Она начала плакать.

— О, Тирсис, подожди... пощади меня... Я не могу... Нет, Тирсис, Нет!..

Но в ответ он только шептал:

— Тише! Я люблю тебя! Ты моя!

Он знал, что он любил ее, и понимал, что значит эта любовь. До этого времени они были чужие друг другу. Но теперь он проникнет в самую тайну, в ее святое святых. Никогда еще в своей жизни Тирсис не знал женщин. Для него женщина была высшей тайной жизни, существом страшным и священным, о котором было страшно думать, не говоря уже о сближении с ней. Теперь запрет был снят, преграда разрушена. Скрытое становилось ясным, запретное—дозволенным. Вся сила скованного в течение всей жизни желания несла его вперед. Это было больше, чем он мог вынести. Теплота ее груди, запах ее одежд, ощущение всего ее нежного, податливого тела—все это заставляло дрожать каждый его нерв, делало его безумным. Бешеный вихрь желания подхватил его и закружил как осенний лист, подхваченный ветром.

Дрожащими руками он обнажил ее... крепко сжал в своих объятиях... Она не сопротивлялась больше... Только вся дрожала мелкой дрожью и тихо всхлипывала... И он подчинил ее своей воле...

10.

Потом наступила реакция, и это было самым страшным переживанием в его жизни. Тирсис сидел на кровати, глядя перед собой неподвижным взглядом. Он чувствовал себя слабым и утомленным.

— О, боже мой, боже мой!— шептал он, содрогаясь от ужаса.

Что он сделал? Коридон, нежная и чистая Коридон доверилась ему, и как же он поступил с ней? Он мучил ее, он лишил ее девственности! О, как это было отвратительно, как грубо! Он весь как-то опустился и только стонал:—боже мой! Я не вынесу этого. Не вынесу!

И тут случилось что-то странное, чего нельзя было ни предвидеть, ни вообразить. Коридон вскочила, прислушиваясь к его стонам. И вдруг он почувствовал, что ее руки обвились вокруг него.

— Тирсис!— шептала она.— Тирсис!

— О, что же я теперь буду делать?— с рыданием говорил он.

— В чем дело?

— О, это было так ужасно! Так ужасно!

— Тирсис!—быстро, задыхаясь, говорила она.—Не говори этого!
 — Как я мог это сделать? Какое я чудовище.
 — Нет! Нет!—кричала она.—Ты не понимаешь, Тирсис. Я люблю тебя! Разве ты не знаешь, что я люблю тебя?

И она еще крепче обняла его.

— Прости меня!—шептала она.—Умоляю, прости меня, Тирсис!

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Простить тебя?

— Я не имею права вести себя так!—воскликнула она.—Мне было страшно, я не могла управлять собой. Но, Тирсис, я люблю тебя!

И она судорожно прижалась к нему. Она не страдала больше.

— Да, да,—задыхаясь, шептала она.—Я твоя, твоя! Ты можешь делать со мной все, что захочешь, Тирсис, я люблю тебя.

Она покрывала его поцелуями,—целовала его лицо, шею, его тело. Она привлекала его к себе, шепча в экстазе „мой муж“. Он был поражен. Неужели это Коридон, нежная, пугливая Коридон? Нет, ее не было больше. Вместо нее была мятежная, изнывающая от желания женщина. Это была богиня страсти, бесстыдная и страшная в своей разрушительной силе, это была тигрица джунглей, зовущая своего самца во мраке ночи. Волна чувства подхватила и понесла ее, как за минуту перед тем та же волна охватила его. Все ее существо вылилось в одном ликующем возгласе: „Мой! Мой!“

— Ах, Тирсис!—кричала она.—Мой Тирсис! Я принадлежу тебе теперь. Ты теперь не сможешь уже никогда покинуть меня, любовь моя!..

По мере того, как Тирсис прислушивался к ее ликующим возгласам, его страсть умирала. Разум проснулся снова, и холодный страх охватил его душу. Какое значение имело все это?

Спустя долгое время, когда она лежала, полусонная, на его руках, она вдруг почувствовала, как он внезапно вздрогнул.

— Что с тобой?—спросила она.

— Ничего!—отвечал он.—Мне только пришла в голову одна мысль—мысль, которая испугала меня.

— Какая?

— Я подумал, дорогая... Представь себе... а вдруг я сделаюсь ручным?

КНИГА ШЕСТАЯ УЗЫ ЗАТЯГИВАЮТСЯ

1.

Это была крошечная комната в меблированном доме. Они обедали, сидя на кроватях, под ними же прятали грязные блюда после обеда. Грязные ребятишки наполняли своим криком улицу перед домом, а внизу, в пивной, бражничали жалкие нечесанные женщины и оборванные, жадные мужчины. Но в этом невзрачном помещении протекала лучшая пора их жизни,—здесь впервые явился им маленький бог с огненными крылышками, здесь впервые они познали чудесную тайну жизни.

В ореоле их проснувшейся страсти вся жизнь предстала перед ними в новом, преображенном виде. Самые обыденные явления получали особое значение в их глазах. Всякий темный уголок в комнате казался им пребыванием их юного бога, где они могли ощущать его теплое, нежное тело, слышать его серебристый смех и дрожать от сознания его присутствия. Они говорили теперь иным языком, полным огня и красок. Они читали новый смысл в глазах друг друга. Легкое прикосновение руки, мимолетный поцелуй—все было для них новым источником нежности и блаженства.

В любви она была его учителем. Коридон была цельной натурой, ее тело, ум и душа составляли одно гармоничное. Коридон не вполне подходила под тот образец „хорошей“ женщины, о которой говорил доктор.

Она была рождена для того, чтобы быть жрицей любви. Она ждала часа, когда сможет взять его за руку, ввести в храм и научить ритуалу любви. Для нее это было служением, которому она посвящала себя с радостью.—„Я научу тебя, как надо любить!“ воскликнула она. Любовь в ее глазах была полным, совершенным соединением двух существ, полным забвением самого себя, полным отречением от

своей личности. Ей был знаком весь язык влюбленных, песни влюбленных всегда были на ее устах.

Таков был ее дар, дар женщины: драгоценнейший из всех земных сокровищ! Она отдавала его свободно и ничего не требовала взамен, ни о чем не спрашивала. Поняв это, Тирсис преклонился перед ней, и волна нежности поднималась в его сердце. Как беззаветно верила она ему, как безраздельно принадлежала ему! Что мог бы он сделать, чтобы выказать себя достойным этого дара, который осуществил самую пламенную мечту его жизни!

Среди всего этого блаженства, Тирсиса все же осаждали муки сомнения. Будет ли он в состоянии выполнить то, чего так хотело его сердце? Любовь в ее глазах значила так много, но разве может она иметь такое же значение в его жизни?

Он не мог чтить любовь так, как ее чтит Коридон, не мог верить в нее так, как верила она. Ему любовь никогда не казалась естественным явлением, его никогда не покидало чувство стыда и ощущения какой-то нечистоты. Эти настроения стали овладевать им по мере того, как угасал первый пыл страсти. Он вспомнил, как он сам в период своей девственной юности думал о страсти, как о чем-то странном, неприятном, даже уродливом, как о чем-то таком, что напоминает о слишком близком родстве с животными. Но он замечал, что это чувство совершенно отсутствовало у Коридон. Она, напротив, всегда выражала желание продлить мгновения любви: любовь значила в ее жизни так много.

Кодекс страсти был также совершенно неизвестен ему. Что тут было хорошо и что дурно? Когда нужно подчиняться желанию, и когда необходимо его сдерживать? Коридон подобные вопросы никогда не приходили в голову, для нее даже не существовало пресыщения. Она была цельной личностью и руководилась только требованиями природы.

Было и еще одно обстоятельство, усложнявшее их отношения,—необходимость применять средства, которые оградили бы их от последствий любви. Первое время Тирсис старался не думать об этом, и только впоследствии он научился понимать, до какой степени это отталкивало его. Это оскорбляло его представление о целесообразности и экономии сил. Что-то было совершено и в то же время как будто и нет, и он никак не мог отделаться от ощущения бесплодности и неясного сознания вины. Это отнимало от страсти ее значение и оправдание. И, однако, он не мог высказать этих соображений Коридон. В то же время он ясно понимал, что уже не может больше обойтись без нее. Он был привязан теперь к ней и

с каждым часом будут все крепче затягиваться цепи его любви. То что теперь было добровольным, что составляло высшую радость жизни, то впоследствии станет привычкой такой же, как привычка есть и спать,—новой унижительной потребностью тела.

2.

Таковы были проблемы их жизни, и их они сумели бы разрешить со временем. На очередь стали другие вопросы, еще более запутанные, требовавшие немедленного разрешения. Внешний мир давил на них, как бы завидуя их сказочному счастью. Небольшой запас денег, который был у них, уже истощился, и Тирсису пришлось снова заняться ремесленной работой. Он целыми днями работал, сидя у окна, в то время как Коридон читала, лежа в кровати, или гуляла в парке. На нем лежало теперь двойное бремя, потому что ему приходилось зарабатывать на двоих.

Но, несмотря на всю горечь упорной борьбы с нуждой, они с надеждой смотрели вперед. В апреле выйдет книга, и тогда они уедут в деревню, может быть наймут ту самую хижинку, в которой провели последнее лето. Как они мечтали об этой хижинке! Они рисовали ее себе всю покрытую снегом, и скованный льдом ручеек протекающий летом перед самыми окнами. Оба они — и хижина и ручеек — теперь безмятежно дремлют, и в сонных грезах мечтают о весне.

Тирсис тоже мечтал о весне. Слезы навертывались у него на глаза, а в сердце поднималась могучая страсть: новая книга созревала в душе его и овладевала его мыслями, и он с трудом удерживался, чтобы не бросить к чорту все свои ремесленные работы. Наконец настал долгожданный час. Тирсис с радостным возбуждением приступил к чтению корректур своей книги, к выбору бумаги, рисунка для обложки. Только две недели осталось до выхода книги. А вот уже только десять дней. Только неделя. И, наконец, о радостный день,—он получил первый экземпляр.

Теперь надо было печатать объявление о книге, и Тирсис отправился к господину Тейлору поговорить об этом, но мистер Тейлор спокойно возразил Тирсису, что в условии нет ни одного слова о печатании объявлений.

Тирсису ничего не оставалось, как идти домой и постараться утопить свой гнев, занявшись рассылкой предоставленных в его распоряжение ста экземпляров. Он выработал план, который, по его мнению, должен был принести ему избавление, и составил список

людей, имевших какое-нибудь отношение к литературе,—президентов колледжей, профессоров, издателей, беллетристов, поэтов и критиков.

Книги были отправлены на почту, а вместе с ними отправились в путь и все надежды и мечты Тирсиса. Два или три раза в неделю Тирсис навещал своего издателя и справлялся, как идет книга. Мистер Тейлор уклончиво отвечал ему, что книга идет довольно хорошо, но что в текущем сезоне наблюдается затишье, и ему надо подождать.

Наконец, стали появляться рецензии. Бюро вырезок предложило ему свои услуги с уплатой по пяти центов за каждую вырезку. Это было недорого, если принять в расчет, что всех вырезок оказалось не более дюжины. Большинство рецензий было напечатано в незначительных провинциальных газетах. Из столичных газет только три отметили книгу, при чем две дали небольшие, небрежно составленные заметки. Третий же обозреватель написал рецензию в шутовском духе, в „Morning Howl“—он пересказал содержание книги и привел выдержки из нее, стараясь при этом вышутить автора. Это издевательство обожгло Тирсиса как огнем. Он не знал еще, что это был испытанный метод сотрудников газеты, благодаря которому ей удалось составить себе репутацию самой остроумной и популярной газеты во всей стране.

3.

Каждый месяц Коридон проводила три-четыре дня лежа в постели, полубольная. Но в последний месяц этого не случилось. Срок прошел, а Коридон чувствовала себя здоровой, как обыкновенно. Она сказала об этом Тирсису и поделилась с ним своими опасениями: возможно, что она беременна! Эта мысль была слишком ужасна, чтобы останавливаться на ней долго, и они просто отбросили ее. Это было невозможно,—ведь доктор объяснил им, как предупредить зачатие.

Но вот прошел и второй срок. Коридон решила, наконец, обратиться к врачу. Когда она пришла домой, Тирсис угадал правду по выражению ее лица. Он сразу как-то ослабел. Коридон бессильно опустилась на кровать.

— Ну?—спросил он каким-то хриплым голосом.

— Это правда,—ответила она.

— Что же он сказал?

— Он говорит, что я великолепно сложена и что у меня будет прекрасный ребенок.

Тирсис посмотрел на нее, уронил голову на руки и дико расхохотался. Она не могла даже разобрать сначала, смеется ли он или плачет, и ей стало жутко.

— Слушай, Тирсис,—продолжала она. — Есть только один выход. Я должна избавиться от этого.

— Избавиться?—как эхо, повторил он.—Каким образом?

— Не знаю. Но женщины часто это делают.

— Я слышал об этом,—ответил он.—Но разве это не опасно?

— Не знаю. Да мне все равно!..

Наступило молчание.

— Почему ты не узнала об этом у доктора?—спросил он.

— Доктора? Это было бы бесполезно, Тирсис.

— Почему?

— Потому что... он этого не понимает. Он любит детей.

Но Тирсис все же решил, что ему надо самому поговорить доктором. Он должен видаться с ним хотя бы для того, чтобы излить ему свое горе. Ведь, как никак, а доктор был виноват в том, что с ними приключилась такая неприятная история. Но юноша скоро убедился, насколько права была Коридон. Старый язычник пропел настоящий гимн во славу ребят. „Чем больше их будет,—говорил он,—тем больше будет веселья на земле“. Наконец, иметь ребят было прямой обязанностью женщин; да, именно, дети, а не чтение немецкой поэзии и не игра на фортепиано. Все женщины любят некоторый шум вначале, но потом покоряются, убеждаясь в том, что природа знает лучше, чем они. Дети наполняют жизнь женщины, успокаивают ее нервы, заставляют думать о себе и этим спасают женщину от истерии и сентиментальностей.

Под конец беседы доктор внимательно посмотрел на Тирсиса своими острыми, пронизательными глазами и спросил:

— Не думаете ли вы с Коридон об искусственном выкидыше?

— Я... я не знаю...—пробормотал Тирсис.

— У меня получилось такое впечатление после ее посещения,—сказал доктор.—И я скажу вам вот что: если вы это сделаете, вы не простите этого себе до тех пор, пока будете жить. Во-первых, вы можете потерять свою жену. Это очень опасная вещь, и женщина в редких случаях остается после этой операции такой, какой была раньше. Вы можете лишить ее возможности иметь ребенка впоследствии, и этим окончательно разбить ее жизнь. Вы доверите ее какому-нибудь негодяю... Ведь, вы понимаете, конечно, что это преступление?

— Я полагаю,—ответил Тирсис.

— Это не только преступление перед законом, это — преступление перед богом. Это проклятие нашего века!..

Наступило молчание.

— Как же обстоит дело с Коридон? — спросил, наконец, доктор.

— Она так молода, — воскликнул Тирсис.

— Глупости! Ей ведь шестнадцать лет? Не так ли? Лучшего нечего и желать.

— Но она еще так неразвита в умственном отношении!

— Ничто в мире не в состоянии так развить ее, как материнство. И разве вы не видите, что она хочет ребенка?

— Хочет ребенка? — воскликнул Тирсис.

— Ну, конечно! Она смертельно влюблена в вас, мой мальчик! И она хочет ребенка... Почему бы ей не иметь его?..

— Если бы вы только могли понять... — слабо протестовал Тирсис.

— Знаю! — воскликнул доктор. — Это все говорят. Не проходит дня, чтобы в этой комнате какая-либо женщина не говорила мне подобного. И каждый случай не похож на другой. Они говорят мне, как много страдают, в каком скверном состоянии их нервы и как они бедны. Одной мешают иметь ребенка ее обязанности перед обществом, другой — артистическая карьера, третьей — религия, четвертой — занятия филантропией, и т. д. И все они плачут и ломают руки, и рассказывают ужасные истории и предлагают мне назначить сумму, какую я захочу. Я бы не раз мог заработать тысячу долларов в течение десяти минут, если бы не считался со своей совестью. Идите же, юноша, и выкиньте эту мысль из головы.

4.

Тирсис ушел. Только теперь он понял всю серьезность своего положения. Это был заговор природы, заговор всего мира. Это была западня.

Он был игрушкой космических сил, орудием слепой производительной силы природы. Он играл свою роль, повинаясь начертанному заранее плану. Он колебался, спорил, принимал то или другое решение, думая, что от этого что-нибудь зависит. Но, озираясь на прошлое, он видел, что кружился как лист, подхваченный потоком. И этот поток знал свое назначение! Он, Тирсис, строил много планов, имел много намерений. Природа же всегда имела только один план, одно намерение, и имя ему было — ребенок!

Но, несмотря на весь ужас этого открытия, Тирсис не мог воздержаться от улыбки. Художник в нем восхищался техникой поста-

новки. Как все это остроумно было подстроено, как старательно скрыт план, как искусно выбрана приманка.

Тирсис изумлялся расточительности природы, — сколько энергии тратила она на то, чтобы выполнить свое намерение. Она производила миллионы яиц, чтобы получить одну рыбку, и, чтобы произвести одного ребенка, ей нужно было создать столько эмоций. Какие поэмы написала она для них, какие песни составила! Она высыпала им на колени все сокровища своего рога изобилия. Она осыпала путь их цветами, наполнила их уста медом, их уши — звуками дивной музыки. Она ослепила, оглушила их, и, опьяненные, они пошли навстречу своей судьбе. Коридон боялась и уклонялась от Тирсиса и этим заставляла его страдать. А он был гордым и настойчивым, а Коридон, кроткая и нежная, выказывала такое сопротивление. Дело обстояло еще хуже: разве его преимущества, которые он считал самой надежной опорой в борьбе с жизнью, не составляли собой одного из элементов западни? Его культурность, его темперамент артиста, способность создавать образы — что все это было, как не приманка для самки? Разве все это не играло такой же роли, как радужные перья на шее самца голубя, золото и пурпур на крыльях бабочки? Даже его талант, его дивный, несравненный талант был ничем иным, как распушенным хвостом павлина, перед яркостью и блеском которого не может устоять его самка.

И Тирсис засмеялся зло и насмешливо. Он видел теперь себя в новом, отвратительном свете. Он был павлином, распускающим свой хвост, чтобы ему удивлялся мир, молодым самцом, важно расхаживающим перед своей самкой с сознанием собственного достоинства, в то время как где-нибудь в сторонке стоял фермер и лукаво улыбался. Ведь должен же быть где-нибудь фермер, хозяин этого всемирного птичника?

Но вдруг он перестал смеяться: он вспомнил „Жизнь пчел“ Матерлинка, и содрогнулся при воспоминании о судьбе самцов у пчел. Он был простой случайностью в схеме природы, — он должен был обнаружить все свое великолепие, чтобы выполнить назначение данной минуты. Теперь оно выполнено. У него был свой момент экстаза, головокружительного полета ввысь. Теперь он упал с высоты и лежит разбитый, опустошенный как пустая скорлупа.

Впрочем, после некоторого размышления, Тирсис убедился, что его заключения не вполне правильны. В человеческом улье мужчина не только носитель семени, он также и работник, и ему предстояло выполнить еще одну функцию. Все его артистическое безумие, все идеалы, весь энтузиазм — все это сыграло свою роль и должно

поблекнуть. Но перед ним еще лежало будущее — темное, безотрадное будущее, полное непрерывной работы из-за куска хлеба.

Он вспомнил свою брачную ночь. Все, что тогда смущало и пугало его, было теперь вполне ясно. Коридон сначала уклонялась от него, но это еще больше разжигало его. Потом все существо ее как будто внезапно изменилось, — она ухватилась за него и держалась крепко. Вот он исполнил ее желание: дал ей ребенка. Теперь он должен быть около нее, — он должен добывать ей пищу, чтобы она могла дать жизнь этому ребенку. Для этой цели она будет стараться удерживать его около себя всеми средствами, какие только есть в ее распоряжении. Она не будет сознавать этого, конечно. Она будет делать это слепо, инстинктивно, как почти все, что делала до сих пор. И она делала это при помощи тех благородных, прекрасных свойств, которые так пленили его в ней. В том то и состоял адский сарказм судьбы, что сети, опутавшие его, были сплетены из любви и нежности, из экстаза и вдохновения.

Такой мрачный образ приняла жизнь в глазах этого юноши, которому едва минуло двадцать один год. Холодным ножом анализа он разрушил иллюзии — снял мясо с прекрасного лица жизни и обнажил голый оскаленный череп. И он издевался над самим собой, над теми добродетелями, благодаря которым он был побежден и которые — он твердо знал это теперь — были сильнее его воли. Любовь и вера сделали его пленником. Любовь и вера сделают его слабым и погубят его.

5.

В это время Коридон, с своей стороны, старалась уяснить свое положение, подходя к вопросу с совершенно другой точки зрения. Повидимому, на свете были люди, которые относились к этой игре менее серьезно, чем она и Тирсис. Стараясь освободиться, они просто рвали веревки, которыми опутывала их западня; они хотели проскользнуть между перстами судьбы. Коридон вспомнила, как один ученый называл человека „непокорным сыном природы“. Теперь она сделала открытие, что природа имеет также непокорных дочерей.

Своей беременностью, Коридон привлекала к себе внимание знакомых замужних дам, — все дамы, принадлежавшие к среднему классу, употребляли предохранительные средства, чтобы воспрепятствовать зачатию. Но и это не всегда помогало, — мужья часто бывали неосмотрительны. Тут-то и обращались к абортам, о которых доктор выразился, как о проклятии нашего века. Некоторые

прибегали с этой целью к какому-либо из бесчисленных аптекарских снадобий, рекламируемых в газетах. Но все эти средства обыкновенно не приводили ни к чему, только наносили ущерб здоровью. Аборты также далеко не всегда сходили благополучно. Ей рассказали об одной женщине, умершей от кровоизлияния. У другой сестра умерла в страшных мучениях от заражения крови. Были среди ее собеседниц и такие, которые, по примеру доктора, отговаривали от такого шага и называли подобные поступки убийством. Все эти доводы и страхи Коридон сообщила мужу, чтобы вместе обсудить их.

Они провели несколько дней, гуляя в парке, с мучительными сомнениями в душе. В их распоряжении находился только один месяц, в течение которого они должны были решить вопрос — вопрос о жизни и смерти будущего ребенка. Тирсис опять припомнил слова Карлейля: „Выбирай осмотрительно, твой выбор краток и в то же время бесконечен“.

6.

В течение этого месяца должна была решиться и судьба книги. Каждый день, когда Тирсис отправлялся на почту, сердце его усиленно билось в тревоге ожидания. И каждый раз его ждало горькое разочарование.

Спустя шесть месяцев он получил отчет издательства, в котором его извещали, что книга разошлась в количестве семисот экземпляров, и прилагали при этом чек на восемьдесят девять долларов шестнадцать центов. Тирсис приписал такой успех достоинству своего произведения. Чек Тирсис передал своим богатым родственникам в уплату долга, а спустя недели две, продав маленький рассказец, погасил и остальную сумму долга из взятых у них ста долларов. Таким образом выходило, что удовольствие написать свою первую книгу и дать ее для прочтения ста литераторам обошлось ему в сто тридцать пять долларов восемьдесят четыре цента.

Вскоре он получил известия от этих величайших людей своей страны. Удостоили его ответом шестнадцать человек из ста; что же касается остальных восьмидесяти четырех, то он так никогда и не узнал, получили ли они его книгу, а если получили, то прочитали ее или нет.

Один знаменитый профессор написал Тирсису, что он обладает редким талантом и должен пойти далеко. Узнав, что профессор в настоящее время находится в Нью-Йорке, Тирсис попросил у него позволения увидеться с ним.

Профессор остановился в одном из лучших отелей города. Он был женат на богатой и вообще был заметной фигурой в обществе. Тирсис не знал всего этого, и ему было как-то страшно сознавать, что вот этот человек сидит спокойно в шелковом кресле, живет в роскошном дворце, зная, что перед ним сидит молодой талантливый юноша, который гибнет от голода.

— Вы говорите, профессор, что меня ждет успех?— начал он.— Но объясните мне, как добиться этого успеха?

Профессор поправил свое золотое пенсне и внимательно посмотрел на посетителя.

— Вы должны достать какую-нибудь постоянную работу,— сказал он,— которая поддерживала бы ваше существование. Вы не можете рассчитывать на свои литературные занятия, как на средства к существованию.

— Но я не могу заниматься ничем другим. Писательство отнимает у меня всю душу. Когда я делаю какую-нибудь другую работу, я не в состоянии думать о своих произведениях.

— Я боюсь, что в конце концов вам придется пойти на этот компромисс.

— Но я не хочу этого! Не хочу!— дико вскричал Тирсис.— Я скорей умру с голоду!

Профессор промолчал.

— Или я попрошу помочь мне!— добавил Тирсис.

Взгляд профессора слегка омрачился.

— Разумеется,— сказал он,— если вам это не будет стыдно.

— Но почему мне должно быть стыдно? Более крупные люди, чем я, не стыдились просить во имя искусства.

— Да, я знаю! И я, понятно, уважаю ваши чувства. Если в вас горит этот огонь, вы, конечно, сделаете это. Но я боюсь, что вы скоро увидите, как это унижительно.

— Я и не жду, что это будет весело!— ответил Тирсис, и стал прощаться, заметив, что профессор испугался, как бы он не приступил сейчас же к выполнению своей программы действий.

Так вот как обстояло дело. Перед ним был знаменитый критик, автор многих изящных, умных статей по литературе, любимец салонов Бостона, города, называвшего себя американскими Афинами. Он из собственных уст изрек признание таланта Тирсиса. Но в глубине души он презирал этого бледного, угрюмого юношу, угрожавшего ему тем, что он будет просить денег. И юноша вышел из роскошного дворца с горьким чувством отверженного.

7.

После свидания с профессором Тирсис отправился в парк, где он должен был встретить Коридон. Рассказав ей о своем неудачном визите, он принялся опять обсуждать с ней важный для них вопрос. На этот раз нужно было принять какое-либо определенное решение, потому что предпринимать что-нибудь после было уже опасно.

После долгих рассуждений Тирсис понял, что это решение уже давно живет в нем. Коридон была теперь на его руках, и он должен был нести на себе всю ответственность. В долгие часы ночи, когда Коридон спала, он размышлял, всей душой желая узнать, на какой стороне была правда.

С одной стороны, рождение ребенка разрушало все их планы. Но, в то же время, по существу они с Коридон не прочь были иметь ребят. Что, если, отвергнув на этот раз благой дар судьбы, они больше никогда уже не получают его? Как бы ни был неблагоприятен данный момент для рождения ребенка, все же этот момент был теперь уже близок, и дело наполовину было уже сделано. Правда, впереди еще предстояли расходы, связанные с рождением ребенка, хлопоты и муки самого процесса родов,—но, по крайней мере, результатом всех этих мук и беспокойства будет ребенок. В случае же другого решения также неизбежны расходы, хлопоты и страдания,—результатом же всего этого будет—ничто.

За все время истории своей любви Тирсис поражался, какую громадную роль играл случай во всех важных моментах его жизни. Слепой случай привел Коридон в деревню, где он проводил лето. Слепой случай заставил его прочесть ей свою книгу. Так же случаен был его визит к доктору. А таинственное событие ночью, открывшее двери в жизнь новому человеческому существу. И, наконец, последний случай, самый странный из всех, когда на решение серьезнейшего вопроса в их жизни повлияла встреча с нянькой в парке. „Бог, знает, что я хочу поступить так, как требует справедливость,—говорил он сам себе.—Но я сам не знаю, где она“.

Они сели на скамейку. К ним подошла нянька с ребенком и села рядом. Тирсис предался грустным размышлениям, неподвижно глядя перед собою. Вдруг он услышал восклицание Коридон:—Что за прелесть!—Он обернулся. Около няньки стояла коляска, в коляске лежал ребенок. Ребенок смеялся, глядя на Коридон, та улыбалась в ответ ему. Она совакала ему свой палец, а он хватался за него своими пухлыми ручками.—Что за прелесть!—повторила Коридон. Тирсис взглянул на нее.

— Ну, разве это не прелесть?—спросила она.

По правде сказать, Тирсис находил его весьма безобразным. Рыжие волосы, плоский нос,—вообще у этого ребенка был далеко не аристократический вид. Но Тирсис поспешил согласиться: —Да, дорогая,—проговорил он, и продолжал смотреть на них обоих.

— Ты любишь детей, не правда ли, дорогая?—спросил Тирсис.

— Конечно,—ответила она.

Наступило молчание. Тирсис задумался. Он видел и здесь руку великой Матери-Природы. С самого первого дня свадьбы Тирсиса не покидала мысль, что какая-то темная туча нависла над ними, что в их любви заложено зерно трагедии. У него свое великое дело в жизни, в котором не могла принять участие Коридон. Долгий путь служения искусству лежал перед ним; настанет день, когда ему придется взять в руки свой посох и отправиться в этот путь.

Так вот где было решение задачи, ответ на все затруднения. Пусть у Коридон будет ребенок, а он сможет тогда посвятить себя своей работе. Ему пришли на память слова доктора: „Она хочет этого ребенка“.

Когда он пришел домой, у него уже созрело решение. Чего бы это ни стоило, она должна иметь ребенка. Но он не скажет ей, какими мотивами он руководился—пусть это будет тайной между ним и Матерью-Природой. И ему вдруг показалось, что он слышит, как смеется эта Мать-Природа за занавеской, где спит Коридон,—смеется не только над Коридон, но и над ним.

8.

Для них обоих было большим облегчением, когда они пришли, наконец, к определенному решению. Это избавляло их от чувства страха перед неблагоприятным исходом и, кроме того, на шесть месяцев отдаляло решительный момент, а за шесть месяцев мало ли можно будет сделать? Тирсис последнее время очень усидчиво работал над такими произведениями, которые давали ему заработок, и, благодаря этому, ему удалось скопить девяносто долларов, которых им должно было хватить до того времени, когда будет написана его вторая книга. Новый замысел уже созрел в нем. О, это будет удивительная книга, которая оставит первую далеко позади! Любуясь красотой и яркостью живших в его душе образов, он забывал все разочарования, все насмешки судьбы, всю жестокость окружающего мира. Если ему только удастся написать эту книгу, то, без сомнения,

он будет спасен, и люди будут вынуждены признать его. Поэтому он решил не терять более ни минуты, и два дня спустя после того, как им был решен вопрос о будущем ребенке, они уже выходили на платформу вокзала маленького городишка на берегу озера Онтарио.

О, радость чувствовать себя снова в деревне! Аромат свежее-вспаханной земли, свежесть только что распустившейся зелени. Дивная зеленоватая поверхность озера, от которого веяло такой прохладой. Было что-то бодрящее в этом воздухе! Тирсису вспоминались аргонавты и корсары доброго старого времени, и душа его проникалась благородной решимостью. Он вздохнул с чувством глубокого облегчения, представляя себе, как он примется здесь за работу.

За восемь долларов они купили себе палатку и четыре доллара заплатили за шести, на которые ее можно было натянуть. Таким образом, следующие пять месяцев им не придется уже расходоваться на квартиру. Они отправились вдоль берега озера, отыскивая место, где можно бы было раскинуть свой шатер, и, после долгих поисков, остановились на одной местности. Это был скалистый мыс, поблизости которого не было ни одного человеческого жилья. Ближайшая ферма отстояла на целую милю. Владелица этого местечка, богатая дама, жила в Европе, но ее управляющий разрешил им поселиться здесь. Тирсис посмотрел на часы. Внезапно ему пришла в голову дикая мысль:

— Устроимся здесь сегодня же!

— Что ты, ведь уже скоро три часа!—воскликнула Коридон.— Сейчас будет темно.

— Теперь лунные ночи, и мы можем работать всю ночь, если понадобится.

— А вдруг будет дождь?

— Я не вижу никаких признаков. А какой смысл провести эту ночь в городе и тратить деньги?

Итак, решено! Они пошли в лавку и купили все необходимое для хозяйства. С каким радостным и гордым чувством выбирали они всякую утварь для своего несложного хозяйства. Две холщевые койки, пару одеял, жестянка со спиртом, жестяная спиртовка, пара ведер для воды, топор, умывальный таз, складной стул. Они наняли лошадь, на которой и перевезли все это, вместе с палаткой. Проезжая мимо фермы, они запаслись там молоком, яйцами, хлебом и овощами, и попросили одолжить им молоток и пилу. Доехав до того места, где они решили остановиться, Тирсис немедленно принялся за работу и до заката солнца провозился над устройством своего нового

жилья,—сколачивал из привезенных досок пол и обтесывал шесты, на которых будет натянута палатка.

Коридон зажарила грудинку и сварила кашу из маисовой крупы, и они великолепно поужинали. Затем они стали натягивать на шесты палатку. Она придерживала руками шесты, пока он привязывал концы холста веревками. Им советовали выбрать для палатки место в лесу, чтобы не слишком мочило в случае дождя. Но им хотелось иметь постоянно озеро перед глазами, и они выбрали открытое место. Впрочем, там были сосны, к ним Тирсис привязал палатку толстыми веревками, чтобы ветер не мог унести ее. Поздно вечером, при свете месяца, любуясь своей работой, Тирсис объявил, что буря может разорвать на клочки их палатку, но не в состоянии унести ее с места. Они внесли внутрь чемоданы и все предметы своего хозяйства, расставили постели и постлали на них одеяла. Потом зажгли лампочку и осмотрелись.

— О, Тирсис!—воскликнула Коридон.—Разве все это не великолепно?

— Это наше жилище,—сказал он.—Дом, в котором все сделано нами.

— И в котором нет квартирной хозяйки,—добавила она.

— И нет портерной внизу. Ни стука колес, ни криков уличных ребят!

Вместо всех этих прелестей ночь глядела на них тысячью глаз: блестело озеро, озаренное луной, да шумели сосны, покачиваясь вершинами.

— Брр! Холодно!—воскликнула Коридон.

— Некоторое время нам придется спать одетыми,—произнес Тирсис.

Но это замечание вызвало только радостный смех у обоих.

— Нам больше ничего не нужно.

— Нам никогда не будет нужно большего!—провозгласила Коридон.—Будем усердно работать и заработаем столько денег, чтобы остаться здесь, под открытым небом, и не возвращаться назад, в рабство города!

А какое это было удовольствие—погрузиться утром в холодные, как лед, воды озера, побежать потом в лес и, набегавшись, позавтракать на открытом воздухе, под ласковыми лучами солнца. Работы им оставалось еще немного. Тирсису надо было сделать полки и два стола,—один должен стоять внутри палатки, другой—снаружи, и перед этим надо было поставить скамейку. Привезенное имущество нужно было распаковать и разложить в порядке. С хохотом и шут-

ками они разделили свою палатку на воображаемые комнаты—две спальни, библиотека, кухня и чулан. А все пространство за пределами палатки было их гостиной.

Они будут считать это время началом их любви. Наконец-то, они могли любить свободно и быть счастливыми по-своему. Здесь некому было критиковать их поступков, здесь мало кто знал об их существовании. Всё общение их с внешним миром заключалось в том, что они ходили на почту и в лавки за провизией. Скоро они услышали, что прачка, бравшая у них белье для стирки, была шокирована их бедностью, а некоторые из живших по соседству подозревали их в принадлежности к шайке контрабандистов. Раза два их почтили посещением шерифы из отдаленного графства, чтобы сравнить наружность Тирсиса с карточками давно разыскиваемых преступников—убийц и грабителей. Но, хотя Тирсис неоднократно высказывался, что он охотно ограбил бы какой-нибудь банк, чтобы обеспечить себе возможность спокойной работы, тем не менее он еще не сделал этого, так что визиты шерифов было только пикантным событием в их жизни.

Так жили они в близком ежедневном общении с великой Матерью-Природой.

Им пришлось отказаться от своего намерения питаться сливами и брюквой. Доктор предупредил их, что Коридон должна хорошо питаться, что подтвердили и все знакомые женщины. Да и сама Коридон чувствовала, что так должно быть. На нее находили иногда странные вкусовые капризы, и она долго стояла в лавке, не зная, на чем остановиться. Голод у нее был так силен, что иногда она не в состоянии была донести провизию до дома и, сидя где-нибудь у дороги, поглощала содержимое корзины.

Все эти особенности ее положения придавали новый интерес их жизни. Они проходили вместе по трудному пути материнства. Скоро ее положение стало заметно и по внешним признакам. Как все это было чудесно, невероятно! Тирсис становился перед ней на колени, обвивал руками ее талию и, смеясь, говорил: „У нее будет маленький ребенок“. Коридон краснела и протестовала: она не любила, чтобы ей напоминали об этом. „Я сама еще ребенок,—говорила она в таких случаях.—Я ничего не знаю, я не гожусь быть матерью“. Тогда он начинал ее утешать, говоря, что жизнь велика и что сам ребенок научит ее многому.

Они много посвящали времени обсуждению серьезного вопроса—какое имя дать ребенку. В этом, как и во всем остальном, они не были стеснены никакими ограничениями, и скоро им пришлось убе-

даться, что слишком большая свобода может быть довольно тягостной. Они стали отыскивать подходящие имена в литературных произведениях; и Тирсис мог увидеть, что различие их темпераментов сказалось и здесь.

— В конце концов,—говорила Коридон,—для тебя имя есть только имя, не более. Тебе нужно только, чтобы ребенок откликался на него, не правда ли?

— Совершенно верно,—соглашался он.—Если имя не особенно звучно, я изобрету уменьшительное.

Для Коридон же, напротив, имя было чем-то живым. Ребенок, который мог очень нравиться под одним именем, мог быть невыносимым под другим. Она читала „Оссиана“ и была знакома с поэмами неокельтских энтузиастов. После долгого размышления и совещания она, наконец, объявила, что Цедрик и Эйлина были единственными достойными именами, из которых они могли сделать выбор.

9.

Тирсисом овладел прилив какой-то особенной нежности к Коридон. Он любил ласкать ее и вызывать ее ласки. Они давали друг другу всякие причудливые имена, по обыкновению влюбленных всего земного шара. Они видоизменяли свои имена, прибавляли к ним новые приставки и окончания,—и наконец, самый проникательный филолог не мог бы доискаться, от какого корня произошли эти имена. Они сочиняли также новые слова, изобрели свой особый язык, на котором разговаривали в минуты нежности.

Теперь перед ним была новая Коридон—избранная господом для совершения чуда. Это окружало ее каким-то ореолом, и вместе с тем от этого сознания становилось как-то жутко в ее присутствии. Однажды в середине лета, утром, когда она после купанья стояла на скале, греясь под лучами солнца, она вдруг внезапно вздрогнула, неподвижно глядя перед собой.

— Что с тобой?—спросил он.

Она ответила дрожащим шопотом:

— Тирсис! Он шевелится!..

— Шевелится?—повторил Тирсис.

— Я чувствую, как ребенок шевелится!—воскликнула она.

Он подошел и положил руку на ее живот. И так они стояли оба, не двигаясь, стараясь не дышать, и как бы прислушиваясь к каким-то отдавленным звукам.

— Вот! Вот!—воскликнула она.—Ты чувствуешь?

Да, он чувствовал. Переживал ли он когда-нибудь в своей жизни такое странное ощущение? Это был первый знак новой жизни, первое приветствие из тьмы небытия. Это будет новая человеческая душа, существо, подобное им, одаренное разумом и чувством ответственности.

Казалось, что они подошли к самому процессу творчества жизни. И, в то же время, они с изумлением спрашивали себя: неужели они на самом деле присутствовали при этом? Эту новую душу, которая должна появиться на свет,—неужели они на самом деле создали ее? Или она существовала ранее? Тогда откуда она пришла? Если душа на самом деле является чем-то божественным, какой она представляется впоследствии человеку, то разве не было странным, что она являлась таким путем—безмянным, полуживотным, получеловеческим, брыкающимся внутри тела женщины?

Это было Бытие, во всей его неизреченной таинственности, и они жили с ним лицом к лицу, видели его различные проявления. По временам Коридон охватывало жуткое сознание, что она несет на себе бремя, избавиться от которого не в ее власти.

Иногда она сидела целыми часами, неподвижно глядя перед собой, как Жанна д'Арк, прислушиваясь к таинственным голосам. В такие минуты Тирсис проникался благоговением к ней и целовал ее нежно и почтительно.

10.

Тирсис снова принялся за свою книгу. Он работал над ней упорно, бешено. Книга была для него теперь вопросом жизни и смерти,—не только для него и Коридон, но и для ребенка, который должен родиться на свет. Денег хватит еще на полтора — два месяца, а потом опять придется браться за опостылевшее ремесленное писательство. Надо было дорожить каждым часом.

Теперь Тирсис уже не писал о менестрелях и принцессах, не рисовал восхитительных картин любви и радости. Горе жизни стало для него слишком реальной вещью. Шесть месяцев близкого общения с людьми наполнило горечью его душу. Он ковал теперь острое копье, которое мог бы вонзить в самое сердце человеческого безумия и человеческой тупости.

Это была история о мечтателе Гатави, вычитанная им в какой-то индусской легенде. „Тот, кто слышит правду“—таково должно быть заглавие книги. Тирсис выработал для этой поэмы новый стиль. В оригинале это была фантастическая сказка. Тирсис же намеревался

перенести ее в обстановку повседневной жизни, придать ей характер правдоподобия. Он решил написать ее в стиле библейской простоты, чуждой всяких прикрас. На первый взгляд это кажется очень легко, но на самом деле это труднейшая вещь в мире — в роде белых стихов. Можно было провозиться целый день над какой-нибудь одной фразой.

Он хотел показать Гатави с первого момента его жизни. Одиноким ребенок, прозревший тайны жизни, удаляется в одиночество, чтобы познать себя. Он жил на высоте гор, в царстве бурь и гроз. Он воспитывал в себе волю постом и молитвой, и добился того, что в нем умерло все личное, и умственным взором его открылась вечность. Он ушел в лес и жил там среди диких зверей, научился не только ценить их красоту и силу, но и стал понимать их язык; узнал не только предметы их ненависти и страха, но и предметы их любви. Научился видеть жизнь в неодушевленных вещах, увидел души огня, воды и воздуха. Понимал радости и печали цветов и мудрость вековых деревьев. Изучив все это, Гатави вернулся в мир.

И, куда бы ни приходил он, всюду ему открывались сокровенные мысли людей, и, в то же время, благодаря ему эти мысли становились ясными для людей. Его присутствие действовало на людей как вино: их охватывало внезапное желание говорить, правду, ту правду, которую они скрывали даже от себя. После такого невольного припадка откровенности, когда люди начинали трезво оценивать свое поведение, они начинали ненавидеть Гатави и бояться его. Но они не высказывали этого вслух, так как каждый думал, что только он один открыл свою тайну.

По мере того, как увеличивалось могущество Гатави, он стал вызывать людей на откровенность уже не с глазу на глаз, вдвоем, а на общественных собраниях, что разрешилось грандиозным скандалом. Люди шопотом передавали друг другу историю о каком-то важном сановнике, который объявил на одном банкете, в чем состояла его настоящая деятельность. Епископ провозгласил в соборе, что он учит народ догматам своей религии, чтобы держать людей в послушании. Потом всплыл знаменитый эпизод с полисменом, который выпустил на свободу заключенного и вместо него посадил в тюрьму судью. Бесспорно, это было настоящее народное бедствие, потому что всякий сановник во всеуслышание заявлял, что народ не может быть обманут одной какой-нибудь партией.

И вот, Гатави засадили в тюрьму по обвинению в бродяжничестве, каковое обвинение, несомненно, имело основание. Но все тюремщики и заключенные сделали его последователями, и таким

образом тюрьма опустела. Безумие распространилось повсюду, агитаторы сновали среди народа, и общественному спокойствию стала угрожать опасность. Но нашелся один богач, поклявшийся в присутствии Гатави, что Гатави — волк, и этот человек нанял убийцу, который должен был покончить с проповедником правды на улице среди белого дня.

После убийства, чтобы предотвратить смуту, тело убитого Гатави сожгли и пепел развеяли по ветру. Но это имело плохие последствия: зола стала новым рассадником заразы; то там, то тут какие-нибудь люди вдруг начинали говорить правду.

Наконец, слухи о таком странном положении вещей достигли до правителей других народов, которые, усмотрев здесь анархию, решили прекратить ее во что бы то ни стало, так как их собственные подданные грозили возмущением. Нужно было показать этому зазнавшемуся народу, что страна, лишенная правительства, неминуемо будет разграблена и покорена другими народами. И они стали готовиться к походу. На родине Гатави поднялось возмущение. Народ стал искать диктатора и готовился к самозащите. Но последователи Гатави говорили: „Покоримся! Впустим этих людей в наш город и пусть они делают, что хотят, ибо могущество правды сильнее, чем они“. И так решено было сделать.

Когда правители враждебных государств узнали об этом, ими овладел страх. Они вспомнили судьбу знаменитых дипломатов, которых они посылали в проклятую страну Гатави. Да и сами они не осмелились бы подойти близко к статуе Ведающего Правду; таким образом, их воинственные планы кончились ничем, а среди их подданных слышались насмешки на их счет. Как-то утром они увидели, что статуя Гатави поставлена в общественном саду. Искатели истины собрались здесь тысячной толпой, а солдаты, призванные для того, чтобы расстрелять их, сложили свое оружие и присоединились к ним. Так кончилось царство лжи на земле.

11.

Таково было в общих чертах содержание новой поэмы Тирсиса. Она могла быть или великим произведением, или посредственностью, — это зависело от того, насколько ярки будут образы в его душе. Ему нужно углубиться в самого себя, и это будет актом его творчества, его детищем.

Впервые за все время своей женитьбы Тирсис по-настоящему собирался приступить к работе. Все его прежние работы были ско-

рее отголоском того, что было сделано в течение минувшего лета. Теперь же он хотел приступить к новой, самостоятельной работе. Каждый день, начиная писать, он все больше и больше проникался отчаянием: он убеждался, что не может выполнить работы, что он не в силах даже приступить к ней.

Он уходил из дома по утрам, чтобы на свободе обдумать свое новое произведение. Но, едва он настраивал себя на известный лад, как наступало время обеда и в воображении вставал образ ожидающей его Коридон. И он возвращался домой. После обеда отправлялся гулять, но тут вскоре становилось темно, и ему опять приходилось идти домой. На следующий день, отправляясь на прогулку, он уже взял завтрак с собой, чтобы не разбивать настроения, но тут его настигла гроза с ливнем, и ему опять пришлось возвратиться домой. Он пробовал работать в палатке по ночам. Но подымался ветер, который так свирепо завывал и с таким упорством старался затушить лампу, что Тирсис не в состоянии был ни о чем думать. Не помогла и попытка убедить себя, что глупо так зависеть от подобных пустяков. Как ни убеждай себя, а факт был палицо: он зависел во многом от этих мелочей, так что не мог больше отдаваться полету своей фантазии.

И всегда перед его глазами была Коридон, искавшая его общества. Она всегда была убеждена, что они будут работать вместе. Огонь любви так спаял их воедино, что она должна разделять с ним состояние его души и писать часть его книги. Но теперь эту мысль надо оставить. И это было уже ее трагедией.

— Мне остается только одно—думать о своем здоровье!—воскликнула она.

— Не о своем, дорогая,—убеждал он,—а о здоровье своего ребенка.

— Я знаю это! Но неужели же я должна постоянно сидеть спокойно дома, в то время как ты уходишь, чтобы беседовать с ангелами.

— Не всегда, Коридон,—отвечал он.—Это время пройдет...

— Мне остается беседовать с демонами!—воскликнула она.—Неужели это полезно для беременной женщины?

— Дорогая моя!—протестовал он.

Так шел день за днем. Он уходил на прогулку, и каждый раз, когда возвращался домой, она неизменно встречала его вопросом: как подвигается книга? И он также неизменно отвечал ей, что книга не подвигается вовсе. Наконец в отчаянии он решил написать хоть то, что было в его силах, удовлетвориться хотя слабыми намеками

на те образы, которыми была заполнена его душа. Он показал написанное Коридон, и с тайной болью увидел, что она была удовлетворена прочитанным. Но потом он спросил себя: да как же бы она и могла уловить разницу между тем, что было в его душе, и тем, что написано? Ведь, образы существовали только в его душе, и если он не проявит их, то мир никогда не узнает, какими они могли бы быть. О, какое безотрадное будущее ожидало его—зывать к обществу с жалобами на то, что он не в состоянии написать такого произведения, какое мог бы написать,—и при этом заранее знать, что общество будет бесконечно глухо к его жалобам.

12.

Ему казалось, что он постиг всю горечь этой трагедии. Но он еще не испил до дна всю чашу горечи, и ему еще предстояло это. На его глазах разворачивалась другая трагедия, более ужасная, чем та, которая жила в его душе, как и в душе Коридон, и даже в душе народившегося ребенка. Для него, как для художника, хуже всего было то, что его книги, которые должны были дать миру представление о нем и о его идеях,—на самом деле давали лишь представление о той Западне, в которую он попал. Одной из особенностей этой Западни было отсутствие сострадательного сторожа, который бы освободил жертву, размоzzжив ей голову. Жертва была предоставлена самой себе, она могла сколько угодно биться в предсмертных муках, тобы в конце концов умереть от истощения. Это не было убийство—это было распятие!

Он не мог бы сказать, за кого больше болело его сердце—за себя или за Коридон. Вот она перед ним, со своими гнетущими вопросами, со своими нуждами. Ей нужны совет и участие друга, ей нужен муж, а она имела несчастье выйти замуж за художника,—художнику напрасно было бы советовать, чтобы он уговорился и устроился как все остальные люди. Он не был в состоянии этого сделать. Огонь, горевший в его душе, не мог перестать гореть, и у него не было выбора, надо было проявить себя—или же сойти с ума.

Неровный темперамент Тирсиса делал его подчас нервным и раздражительным, он выходил из себя по пустякам, что давало повод к семейным трагедиям. Нужно было, например, натоскать воды для их маленького хозяйства. Что же удивительного, что человек, носивший в своей душе судьбы человечества, исполнял свои скромные обязанности не с такой поспешностью, с какой бы мог это сделать?

Кроме того, воду приходилось черпать из озера, а во время бури было очень нелегким делом зачерпнуть воду таким образом, чтобы она была чистой, а именно этого требовала такая разборчивая и притязательная особа, как Коридон.

— Если бы ты только немного постарался,—говорила она в таких случаях.

— Постарался?—воскличал он.—Ты думаешь, мне доставляет большое удовольствие выслушивать твои жалобы?

— Но, Тирсис, сегодня она грязнее, чем когда-либо.

— Я знаю! Сегодня ветер дует куда сильнее.

— Но если бы ты захватил ведром чуточку подальше...

— Я наклонился так, что едва не упал в воду.

— Но, Тирсис, как же я вымою лицо?

И так далее, в том же духе. Для Тирсиса, которого только что оторвали от размышлений, было настоящим мучением отдавать свое внимание подобным мелочам. Коридон же, повидимому, была в большой зависимости от предметов внешнего мира и часто обращала на них внимание Тирсиса. То сковородка оказывалась недостаточно чистой, то его волосы непричесанными, то брюки разорвались, то пиджак слишком мал для его роста. Неужели вся жизнь исчерпывалась такими пустяками?

Наконец Тирсис, с внезапным порывом гнева, так отталкивал ногой ведро, что оно некоторое время катилось по земле, и возвращался к своей работе. К сожалению, его работа была не из тех, которые можно сделать даже в злобном и раздраженном состоянии. Сердце наполнялось раскаянием и сожалением. Он возвращался и находил Коридон, бившуюся на берегу в жестокой истерике. Это, разумеется, было вредно для беременной женщины, и он принимался утешать ее.

13.

При таких обстоятельствах была написана книга „Тот, кто знает правду“. Он писал ее в течение шести недель. Вещь не удовлетворила автора, и окончание работы не принесло никакой радости Тирсису. Но это обстоятельство—хотя он не признавал этого—было в его пользу: чем менее вещь удовлетворяла его, тем больше было шансов, что общество поймет, о чем тут идет речь.

Он переписал рукопись и послал ее в редакцию одного журнала в Бостоне,—издатель журнал был один из числа тех ста, которым Тирсис послал свою первую рукопись, и который еще тогда обещал

ему немедленно прочитать его новую вещь. А пока Тирсис попросил прислать ему книг для рецензий и принялся за новую работу для издателя „Сокровищницы“. И пора было, потому что их собственная сокровищница совершенно опустела к этому времени, а нельзя же было питаться всю жизнь рыбой и черникой.

День за днем проходил в ожидании. Наконец, в один памятный вечер фермер, принесший им провизию, подал Тирсису письмо. Оно было из Бостона. Тирсис вскрыл его и прочел:

„Я прочитал вашу рукопись „Тот кто знает правду“. Она доставила мне большое удовольствие. Это благородная и изящная вещь, замечательно остроумная. Я могу откровенно сказать, что на ней лежит печать зрелости и сдержанности. Я вполне уверен в том, что мы поместим ее. Но я не могу дать решительного ответа до тех пор, пока ее не прочтет один из моих компаньонов. В то же время, мне бы хотелось лично передать вам, какого высокого мнения я о вашей работе“.

Не говоря ни слова, Тирсис передал письмо Коридон, и, как только фермер повернулся, чтобы пойти в обратный путь, они бросились друг другу в объятия со слезами радости на глазах. Это была несомненная победа. Журнал может заплатить около пятисот долларов, а с такой суммой они могут быть спокойны за будущее. Кроме того, это будет признанием Тирсиса,—общество будет говорить о его произведении.

После такого триумфа он с легким сердцем засел за свою работу литературного поденщика. Они позволили даже себе маленький праздник—купили мороженого, а на другой день взяли лодку и покатались по озеру. Тирсис достал свою скрипку, и стал даже настолько легкомысленным, что позволил себе прицениться к небольшому пианино для Коридон. Он поинтересовался также и стоимостью построек: когда они получают деньги, то непременно построят себе здесь маленькую избушку—такой же величины, как их палатка, но с комнаткой наверху, в которой Тирсис мог бы работать. Тогда они будут чувствовать себя совершенно свободными и независимыми от всего мира, они уже никогда не вернутся в город.

14.

Прошел месяц. Тирсис написал еще раз издателю, но получил ответ, что судьба рукописи еще не решена. Спустя две недели пришло другое письмо:

„С сожалением извещаю вас, что решение редакции было не в пользу вашей рукописи. Мое собственное мнение о ней не изменилось ни на йоту. Но я был не в силах изменить мнение моих товарищей по редакции. Они упорно держались того мнения, что ваше произведение является слишком радикальным для нас. Контингент наших читателей составляют консервативные, требовательные, испорченные люди. Мы связаны вкусами наших читателей. Я более, чем удручен, что обстоятельства обернулись таким образом, но я надеюсь, вы поверите мне, что я с удовольствием прочту какую-нибудь другую вещь, которую вы пришлете нам“.

Так вот как! „Консервативный, требовательный, испорченный контингент читателей“. Тирсис был убежден, что он не забудет этой фразы до самой смерти. Может ли быть что-либо подобное где бы то ни было, кроме Бостона?

Это было горькое и жестокое разочарование и тем более ужасное, что у него пропало даром целых шесть недель драгоценного времени. Ничего не оставалось делать, как послать рукопись в другую редакцию. Когда ему вернули ее оттуда, он послал в третью, в четвертую и т. д., и каждый раз платил по восьми центов за пересылку, а это было тяжело для их скудного бюджета. В конце концов, „Тот, кто знает правду“ был отклонен пятнадцатью редакциями и двадцатью двумя издательскими фирмами. Это хождение по мытарствам тянулось целых восемнадцать месяцев, но к великому изумлению Тирсиса, тридцать восьмая фирма предложила издать его. Итак, книга после продолжительных мытарств, наконец, должна была дойти до публики.

КНИГА СЕДЬМАЯ

В ПЛЕНУ

1.

Они вернулись в город в начале октября. К этому времени у них вышли все деньги, а, живя в глуши, трудно достать работу в редакциях. Нужно было жить в городе, видаться, говорить с издателями, изучать их капризы и быть постоянно у них на виду. Иначе кто-либо другой неминуемо отобьет работу.

Тирсис вернулся в „свет“, и нашел, что этот „свет“ вооружен против него. То противодействие, которое он встречал раньше, было ничтожно в сравнении с тем, что он видел сейчас. Общество, повидимому, соединилось в коллективном усилии заставить его сдаться. Теперь люди хотели от него одного — чтобы он проникся сознанием ответственности и позаботился о благополучии Коридон. Жить в меблированных комнатах или в палатках, как живут цыгане, хорошо, быть может, людям беззаботным, но это вовсе не годилось для женщины, готовящейся стать матерью. Коридон была деликатного воспитания, она привыкла к комфорту, и лишать ее всего этого в ее настоящем положении может только отъявленный негодяй.

В течение всей своей жизни Тирсис слышал от общества одно, обращенное к нему требование: „Работай!“ С точки зрения обыкновенных людей, все его занятия музыкой и литературой были простой забавой. На их языке „работать“ значило „занимать положение“. И теперь день и ночь в его ушах звучали эти слова, и ему казалось, что даже камни на улицах призывают к нему: „Займи положение! Займи положение!“

Он мог занять это положение. Открывалось филиальное отделение одного предприятия, и Тирсису предложили стать во главе его. Ему назначали жалованье в размере трех тысяч долларов в год. Чего же

лучшего мог он желать? Он будет встречаться с людьми, расширит свои знакомства, а для Коридон это будет прямо благодеянием. Он не должен был отказываться от такого случая, хотя бы ради нее.

Тирсис предвидел все, что будут говорить ему, но приготовился к защите. Было совершенно бесполезно уговаривать его: со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками он неизменно отвечал на все доводы своих близких: „Нет! Нет! Нет!“ Он не возьмет этого места, он не возьмет никакого места, ни теперь, ни в будущем. Он не коммерческий человек, он художник и таким останется до конца своей жизни. Мир ничем не может его заставить отступить от принятого решения. Они могут уморить его голодом, могут убить его, могут сделать с ним все, что угодно, но он не сдаться им.

— Но... что же вы намерены делать?

Он отвечал:

— Я буду писать книги.

И все время, пока близкие люди убеждали, бранили его и плакали перед ним, он стоял молча. Они не могли понять его, а он только горько улыбался, видя, как далеки они от понимания самых простых вещей.

2.

И Тирсис пошел своей дорогой, неся на себе всю тяжесть презрения окружающих. Это было самое безотрадное время в его жизни. Он нуждался в самом необходимом. В город он приехал в этот раз еще с меньшим количеством денег, чем в прошлом году. А все источники, откуда он надеялся раздобыть деньги, как-то разом иссякли. В редакциях, повидимому, был большой запас рецензий, или, быть может, они предпочли дать работу другим, чья манера письма больше нравилась их читателям. Хуже же всего было то, что издатель „Сокровищницы“ вернул ему рассказ, который он написал летом. Издатель не сказал ничего определенного, ему просто не понравился рассказ; по его мнению, эта вещь менее жизненна, чем прежние, и слог в ней хуже. Тирсис предложил исправить те места, которые не нравятся издателю, но тот отклонил его предложение: он завален рукописями и не может ему ничего обещать.

Коридон, по совету своих родителей, поселилась на время у них. На себя самого Тирсис тратил теперь меньше пяти долларов в неделю, включая сюда и почтовые расходы; но и этой суммы достать было неоткуда. В отчаянии он стал экономить на еде и дошел до такой крайности, что приглашение на обед у знакомых было для

него событием, которого он ждал с нетерпением. Целыми днями бродил он по улицам, напрягая мозг в измышлении новых планов и новых способов освобождения от тисков нужды.

Когда несколько лет спустя Тирсис оглядывался на этот период своей жизни, он удивлялся, откуда у него являлось тогда мужество перенести все это. Но мысль о покорности не приходила ему в голову: не в его характере было признать себя побежденным. Он должен выполнить свое назначение, ради которого живет на свете, и он сделает это во что бы то ни стало.

Он был одинок, и образы снова стали посещать его. Они вставали перед ним—дивные, лучезарные образы, заполнявшие собой все. Ничего подобного еще не видел мир и не увидит никогда! Если бы он только мог показать эти образы миру, если бы он мог дать хоть слабое представление о них, хотя бы одному человеку на свете. Было прямо невыносимо думать, что никогда не встретится в его жизни такая душа, которая приняла бы в нем участие. Не верить в это—значило предать проклятию весь существующий мир. Он представлял себе, как это случайное лицо читает его первую книгу. Он представлял себе, как издатели читают его книгу „Тот кто знает правду“, и разве не могло случиться, что именно в этот самый час кто-нибудь из читающих находится на пути к тому, чтобы открыть его? Ему оставалось только одно: делать все новые и новые попытки, воплощать свои видения в наибольшем количестве образов и распространять их среди возможно большего круга читателей. Это было равносильно пусканию стрел в воздух. Все равно, он будет это делать до тех пор, пока хоть одна стрела останется в его колчане.

3.

Тирсис обсуждал вопрос наедине с самим собой. Он знал, чего он хочет, и знал также, что его желания разумны и благородны. Он был свободно творящим художником, который должен изучить свое искусство. Оглядываясь на прошлое в истории искусства, Тирсис видел, что в этой области царил возмутительный порядок: он видел гениев, умиравших от голода, но зато люди воздвигали им памятники после смерти. Он видел богатых людей, которые платили целые состояния за рукописи, когда-то отвергнутые целым светом. Видел семь городов, которые оспаривали друг у друга честь считаться родиной Гомера а на улицах этих городов живой Гомер просил милостыню. И Тирсис не мог заставить себя поверить, что такое чудовищное положение вещей будет продолжаться вечно.

Этого не было ни в одной отрасли человеческой деятельности. Когда кто-нибудь желал сделаться священником, он находил духовные учебные заведения, построенные обществом, где он мог подготовиться к своей деятельности. Так же обстоит дело и в тех случаях, если бы он пожелал сделаться инженером, архитектором, историком или биологом. И только один человек был лишен этой заботливости общества—и это был творец-художник, художник, нуждавшийся в этом более всех других: его деятельность была самой ответственной, и требовала более продолжительной и серьезной подготовки.

Тогда ему пришел в голову новый план. Он написал анонимную статью, в которой, ссылаясь на собственный горький опыт, проводил параллель между свободным творчеством ради чистого искусства и подневольной литературной работой ради куска насущного хлеба. Статья вышла интересной, и журнал напечатал ее, заплатив двадцать пять долларов, чем и обеспечил ему еще один месяц существования. Но другого результата статья не имела,—не нашлось ни одного богатого человека, который захотел бы узнать, кто же был этот жестоко страдавший талант.

С отчаяния Тирсис прибег к последнему средству: написал известным филантропам письма и в них рассказал о своем положении, прося временной помощи. Он не знал, что секретари этих людей ежедневно выбрасывают целые корзины таких писем непрочитанными. Впоследствии, ознакомившись ближе с этими филантропами, Тирсис радовался, что его письма оставались непрочитанными.

Потом он стал просить у каждого, с кем ему приходилось встречаться. Было человек шесть, которые давали ему взаймы, и он аккуратно возвращал долг в назначенное время. Ни один из них не подумал, что Тирсис нуждался не в займе, а ему нужны деньги без возврата, во имя того искусства, которому он служил. Никто не был в состоянии подняться до понимания того священного огня, который горел в нем и который лишал его стыдливости в этом отношении и делал для него унижение невозможным.

Люди имели на этот счет определенные воззрения и говорили: мужчина должен сам зарабатывать себе средства к существованию. И это было вполне справедливо по отношению к людям, живущим для самих себя. Но если человек работает не для себя, а ради человечества, и не имеет достаточно времени, чтобы подумать о себе? Разве это позорно? Взять, например, Иисуса Христа. Неужели он должен был заниматься плотничным ремеслом вместо того, чтобы произносить свою нагорную проповедь? И разве его право произносить эту проповедь должно было определяться количеством денег, которые он в состоянии был собрать среди своих слушателей?

Задумываясь над этим вопросом, Тирсис стал наблюдать жизнь тех, кто проповедывал этот принцип. Что делали эти люди для того, чтобы заслужить право на роскошь, которой они пользовались? Целые миллионы в распоряжении человеческой глупости и порока, и ни одного цента для поддержания искусства, которому он служил. Эта мысль не давала ему покоя ни днем ни ночью и наполняла его душу невыразимой горечью и когда узнает о ней мир,—он содрогнется от ужаса.

4.

Тирсис не имел возможности видеть Коридон в доме ее родителей. Обыкновенно она встречала его на улице, и они отправлялись в парк: такая жалкая и унылая чета! Шли они медленно, и Тирсис часто поддерживал ее, потому что ей становилось тяжело ходить. Она переделала все свои платья и носила сверху длинный плащ, но и это не помогало ей скрыть безобразие фигуры. Они садились на скамейку и начинали говорить о последних неудачах Тирсиса, о том, что он намеревался предпринять и на что надеялся. Коридон передавала ему услышанные о нем мнения представителей буржуазного мира, и они оба проклинали этот мир и этих людей.

Настал, наконец день, когда Коридон должна была отправиться в родимый приют. Но издатель все еще не давал решительного ответа, а у Тирсиса было только пятнадцать—двадцать долларов, заработанных стихами и писанием рецензий. В отчаянии Тирсис решил продать свою скрипку. Три года назад он заплатил за нее девяносто долларов, теперь же едва выручил тридцать пять.

И даже тут, у самого источника жизни, Тирсиса не переставал преследовать призрак нужды. Призрак этот проник даже за стены родимого приюта и не оставлял его и там. Это было роскошное учреждение, оборудованное по последнему слову науки. Но оно предназначалось для богатых и счастливых, и Тирсис чувствовал, что ему нечего делать там. Какой контраст в сравнении с жалкой меблированной комнатой, в которой он принужден был жить. Он видел там богатых женщин в нарядных капотах, которым приносили целые корзины дорогих фруктов и букеты дивных цветов. И среди всей этой роскоши вдруг появлялся он, в своем потертom пиджаке, с угрюмым лицом, с голодным желудком и еще более голодным сердцем. Знали ли все эти люди, что его жена была принята сюда на особых условиях—за пониженную плату, да и то в кредит? Знали ли они, что он был неудачником, не имеющим возможности содержать свою семью? Что им

было за дело до того, что им написаны два крупных литературных произведения? Что им за дело, что он является носителем новой религии? Тирсис слишком хорошо знал, какое мнение составилось о нем в свете, и уклонялся от всякого общения со своими знакомыми, — ему чудилось оскорбление в каждом взгляде. Он походил на собаку, которую слишком часто били и которая привыкла поджимать хвост даже раньше, чем ее побьют.

5.

Но все эти мысли он скрывал. Их не должна знать Коридон. Как бы ни презирали его люди, они, по крайней мере, никогда не обвиняли ее, и не следовало делать ее чашу страданий еще более горькой. Коридон была прекрасна! — боже мой, как она была хороша, когда лежала в белоснежной постели, с белоснежными кружевами, обрамлявшими ее шею и руки! Она походила на какую-то богиню материнства, с ореолом мученичества. У нее также должны быть цветы, чтобы говорить ей о надежде и радости. И он принес три жалких стебелька гвоздики. Слезы показались на глазах Коридон, когда она увидела цветы: она знала, что это стоило ему целого блюда за обедом.

Он видел, что в лечебнице она уже успела сделаться общей любимцей. Как все были добры и внимательны к ней и как искусно делали все, что ей было нужно. Его сердце наполнилось благодарностью к судьбе. Он решил на это время не думать больше о своих унижениях, а вместе с ней встретить лицом к лицу новое и важнейшее событие в ее жизни.

— Ты останешься со мной? — спросила она.

И он обещал ей остаться. Ей хотелось постоянно видеть его около себя; ему постлали постель на диване, и он провел здесь всю ночь. На следующий день он сидел около нее и читал ей. Но он замечал, что мысли ее блуждали далеко, и, когда он взглядывал на нее, он замечал выражение ужаса в ее глазах. „О, Тирсис! — шептала она ему, — я еще совсем ребенок. Я не гожусь быть матерью!“

Он начинал утешать ее, хотя и сам томился беспокойством. Но им не оставалось ничего другого, — вооружиться терпением и ждать.

Они были теперь в руках Матери Природы, которая заставила их до конца выполнить свою волю. И теперь она открывала им, во имя чего заставила их это сделать. Они были теперь как два ребенка, которые идут по темной долине, взявшись за руки, и поднимают глаза вверх, в надежде увидеть на вершине горы первые проблески света.

6.

В открытые окна доносился шум города. И казалось таким страшным, что по улицам дребезжат экипажи, мальчишки выкрикивают названия газет, а утомленные люди спешат домой обедать. И это тогда, когда готовится свершиться такое событие. Тирсис вслух высказал эту мысль. Присутствовавший в комнате доктор улыбнулся и заметил:

— Это случается каждую секунду...

Этот доктор должен был принимать и у Коридон. Это был молодой, красивый мужчина, веселый и жизнерадостный. Он делал свое дело с таким видом, который ясно говорил, что все это для него привычная история, и это и успокаивало и смущало в одно и то же время.

Коридон вдруг побледнела и со слабым криком схватила Тирсиса за руку.

— В чем дело? — прошептал тот.

Ее пальцы конвульсивно сжали его руку, и она приподнялась, громко крича.

Доктор стоял у окна, открывая ящик с инструментами. Он даже не обернулся.

— Доктор! — воскликнул с беспокойством Тирсис.

Он оставил ящик и подошел к кровати.

— Я полагаю, все в порядке, — произнес он с легкой улыбкой. — Я сейчас исследую...

Он снова отвернулся, а Тирсис и молодая сиделка держали Коридон за руки и успокаивали ее.

Она откинулась назад и со стоном металась из стороны в сторону. Наконец доктор занялся исследованием.

— Все идет хорошо! — сказал он. — А теперь, мисс Мэри, я ухожу в театр. Я думаю, что мое присутствие не понадобится еще в течение нескольких часов.

Тирсис был поражен.

— Доктор! — воскликнул он.

— В чем дело?

— Может что-нибудь случиться!

— Я буду недалеко, всего через каких-нибудь два-три квартала, — был ответ. — Если будет нужно, за мной пришлют.

— Но эти боли! — воскликнул Тирсис с волнением. — Что ей делать?

Доктор спокойно мыл руки.

— Никто еще не рожал ребенка без боли, — заметил он. — Это еще только ложные схватки, как мы их называем. Настоящие родовые боли появятся не раньше, как через несколько часов, может быть только к утру. — Он взялся за ручку двери. — Не волнуйтесь, — сказал он. — Если что случится, сиделка знает, что надо делать.

„Театр!“ Это казалось так странно. Конечно, смешно было ожидать от доктора, чтобы он принимал близко к сердцу страдания каждого пациента, но хотя бы он не упоминал о театре. Это вызвало такое гнетущее чувство одиночества!

7.

Доктор ушел. Тирсис вернулся к Коридон, которая слабо стонала. Она просила Тирсиса сесть около нее и поддерживать ее в сидячем положении: ей казалось, что так будет легче. И он сидел и держал ее, от неудобного положения в нем напрягались каждый мускул, и минуты казались часами. Но он все же сидел так, пока у него не закружилась голова. Помочь ей, помочь во что бы то ни стало, если он только в силах это сделать.

Но ей нельзя было помочь. Она уходила одиноко в молчаливую область страданий, куда не может проникнуть ни дружба, ни любовь. Его дух взывал к ней, но она не слышала его, — она была одинока. Одиночество человека в пустыне или на океане может ли сравниться с одиночеством страдания?

Схватки стали непрерывными, и, обессиленная, Коридон разразилась громкими рыданиями и криками; Тирсис в страхе побежал за старшей сиделкой, которая только что вышла из комнаты. Она вошла и, глядя на Коридон, только покачала головой:

— Тут ничего не сделаешь, — проговорила она.

— Вы должны послать за доктором! — вскричал он.

— Он только что пришел, — ответила женщина. — Я слышала как хлопнула дверь.

Доктор спокойно вошел в комнату. Он был тщательно выбрит, во фраке, в руках у него были перчатки и цилиндр. Тирсис ненавидел его в эту минуту. Доктор этот был ассистент, а кому же неизвестно, что ассистенты всегда бывают небрежны? Почему не пришла сама знаменитость?

— Как она себя чувствует? — спросил он у сиделки, снял пальто и фрак, свернул перчатки, пока та докладывала о состоянии пациентки. Потом он послушал пульс у Коридон и, вымыв тщательно

руки, еще раз исследовал ее. Тирсис следил за ним с нетерпением. Доктор выпрямился, не говоря ни слова.

— Ну, как? — спросила сиделка.

— Еще не скоро! — сказал он и повернулся, чтобы взглянуть на градусник.

Итак, ничего нельзя было сделать. Тирсис с трудом верил этому.

— Как долго это будет продолжаться, доктор? — вскричал он. — Она так страшно страдает.

— Боюсь, что это продлится до утра, — сказал тот. — Это зависит от степени податливости тканей. Но вам нечего беспокоиться, все идет как следует.

Он сказал несколько слов пациентке и повернулся к двери.

— Я буду спать в соседней комнате, — сказал он сиделке. — Вы можете во всякое время позвать меня.

8.

И они опять остались одни. Часы медленно ползли. Молодая сиделка спала на кровати, пожилая — дремала в кресле. Одна занавеска на окне была поднята, и Тирсис мог видеть крыши домов вдали. Может быть, под одной из этих крыш тоже теплится одинокий огонек, и чья-нибудь душа также отсчитывает минуты своих страданий. Может быть, там смерть, а, может быть, тоже рождение нового человека. Доктор сказал, что это случается каждую секунду.

На небе показалась узкая полоска света, и тени в комнате побледнели. Тирсис вздрогнул: уже утро. А ему казалось, что оно никогда не наступит. Он снова настоял на том, чтобы позвали доктора. Доктор пришел, с трудом сдерживая зевоту, и опять только покачал головой: делать было нечего.

Измученный Тирсис задремал. Он не знал, сколько времени прошло, — может быть час, а может быть и два, — как вдруг он вздрогнул от страшного крика Коридон. Она вся подалась вперед, судорожно хватаясь руками за что попало и испуская страшные крики. Он схватил ее за руку и с ужасом озираясь по сторонам. Они были одни. Он вскочил. Но в ту же минуту сиделка вбежала в комнату. Взглянув на пациентку, лицо у которой стало сразу багровым, она подошла к ней и взяла ее за руку.

— Вы чувствуете боли? — спросила она.

Коридон не могла говорить. Она только кивнула головой. Через минуту она со стоном откинулась назад.

— Более сильные, чем вчера?

Коридон опять кивнула головой.

— Это роды,—сказала сиделка.—Доктор сейчас будет здесь.

Снова приступ страшной боли, и Коридон опять села на кровати, схватив за руку Тирсиса. Снова надулись жилы на ее лбу. Как будто волны океана перекатывались через нее. Потом она со стоном опустилась на подушки. Тирсис был вне себя от страха. Но вошел доктор, спокойный, как всегда.—Появились схватки?—только и спросил он.

Повидимому, его ничто не могло смутить. Он казался существом из другого мира. Сняв куртку и засучив рукава, он надел длинный белый халат, опять тщательно вымыл руки и снова исследовал больную. Тирсис, затаив дыхание, наблюдал за выражением его лица. Но доктор сказал только:—Ага, так.

Коридон дико смотрела на него, как пойманный в западню зверек. Слова звучали так просто, а Тирсис обезумел от ужаса. Боже мой, это было чудовищно, это было выше человеческих сил. От одного вида этих страданий душа его содрогалась, как лист во время бури. Схватки следовали одна за другой, не переставая; они были бесконечны, непрерывны, как волны океана. И эта девушка, этот ребенок, которую он так берег,—она страдала так, как будто дикие лошади рвали ее на части. Лицо ее сделалось багровым, зубы плотно сжались, на лбу выступили капли пота. Она крепко вцепилась в руку Тирсиса, другой рукой ухватилась за руку юной сиделки, которая стояла на коленях у кровати.

Боли становились все сильнее, все продолжительнее. Они сливались в душе Тирсиса в какую-то симфонию ужаса; они лишали его самообладания, делали его безумным. Он так любил ее—она была так прекрасна. И видит ее в этих тисках ужаса!

Он пробовал успокоить себя и думал: может быть, это только его воображение, может быть, ей не так больно. Может быть... Он говорил с нею, он звал ее в те минуты, когда она переставала кричать. Она поворачивала к нему взор, полный невыразимой муки. Но она не в силах была что-нибудь сказать. Страдание переродило ее. Не было человека: было само воплощенное человеческое страдание—фигура эпическая, колоссальная, достойная Микель Анджело! Праматерь, из чрева которой вышли все народы земли!

И вдруг...

— Может быть, ей будет удобнее, если положить еще подушку,—сказал доктор.

Видение исчезло.

Коридон с нетерпением покачала головой. Пусть они оставят ее в покое—казалось, говорил этот жест.

— Сколько времени это будет продолжаться?—спросил Тирсис дрожащим голосом. Доктор жестом велел ему молчать,—очевидно, он не желал, чтобы Коридон услышала ответ.

9.

Так вот она жизнь, и это была сама жизнь—он чувствовал это. Что знал он о ней прежде? Все остальное было лишь обманом, внешностью. Красота, наслаждение, любовь—вот они здесь перед ним, во всей неприкрашенной правде; обнаженные, лишенные своей обманчивой внешности, они имели такой отвратительный вид. Таков был источник жизни. Все существо его восстало в одном титаническом порыве возмущения. Это было чудовищно, невыносимо! Он не хотел такой жизни,—он не имел на нее никакого права. Пусть они прекратится. Разве чья бы то ни было жизнь стоила того, чтобы из-за нее так страдать? Это был обман, это ужас! В этом не было справедливости, не было бога! Он думал о миллионах людей, наполнявших землю, и они все прошли через это. И это случалось каждый час, каждую секунду. Ему казалось, что он видит эту, длящуюся века агонию страданий, эти, общие всей природе муки родов. И он ненавидел их—бешеной, неукротимой ненавистью,—он уничтожил бы их одним мановением руки, если бы это было в его власти.

Но уничтожить их было нельзя. Они неизбежны, они вечны, это вечный обман, вечное безумие! Это была Западня!..

Да, он снова пришел к этому образу. Как ни кричи, а не уйдешь из Западни, она будет держать тебя, как держит сейчас Коридон. Она стонала, задыхалась, металась из стороны в сторону, но Западня не выпускала ее.

10.

Руки у доктора были теперь в крови, как у мясника. Наклонившись, он стоял со сжатыми губами. Время от времени он что-то говорил молодой сиделке, которая была его ученицей, и его слова гнали прочь кошмар Тирсиса.

— Уже показалась головка,—сказал доктор, обращаясь к Тирсису.

— Но как она выйдет оттуда?—дико вскрикнул Тирсис.

— Выйдет,—сказал доктор с улыбкой:—Подождите, увидите.

— Но ребенок тем временем умрет?

— Живехонек! Я ясно слышу биение его сердца.

Все это время Тирсису как-то не верилось в то, что будет ребенок,—мысль о нем казалась ему слишком странной. Он мог думать только о женщине, о ее бесконечных страданиях. Каждая минута казалась вечностью; вот уже кончилось утро, а она все еще не переставала мучиться. У него ныло тело и болела душа. Ему казалось, что она, обыкновенно такая слабая и нежная, выказала сегодня силу, которой хватило бы на целую дюжину мужчин.

Прошел еще час. Комната стала кружиться в глазах у Тирсиса. Коридон все кричала: „Довольно! Довольно! О, боже мой!“

Доктор увещевал ее, тяжело дыша:

— Потерпите немного! Еще немного! Сейчас! Сейчас.

Наконец, последнее нечеловеческое усилие—и все было кончено. Тирсис с трудом понимал, что происходило. Это произошло так быстро, что Тирсис едва успел заметить. Это было что-то чудовищное, сверхъестественное. Наконец-то он явился, а казалось, что этому конца не будет. Тирсис с криком вскочил на ноги. Доктор держал за ногу какое-то новое существо. Великий боже! Это был человек!

Человек! Существо с головой человека, с туловищем, с руками и ногами и с человеческим лицом. Существо страшное, демоническое. Красный, покрытый кровью, он казался Тирсису каким-то кошмарным видением.

Доктор поднял руку и шлепнул человека. Рот у человека раскрылся, оттуда показалась кровавая пена, и вслед затем раздался крик. Этот крик казался Тирсису чем-то сверхъестественным, как бы исходящим из другого мира; казалось, это был ужасающий плач какого-нибудь павшего духа. Тирсису представлялось, что на него обрушилась целая башня, и он как-то ослабел, изнемог и упал на кровать, содрогаясь от рыданий.

11.

Когда он, наконец, успокоился, он увидел, что ребенок был уже на руках у старшей сиделки. Бледная улыбка блуждала на губах Коридон. Доктор монотонным голосом отдавал приказания молодой своей помощнице.

Тирсис взглянул на ребенка. Да, это был действительно человек. Не чудовище, не демон,—это был ребенок. Его мальчик! У ребенка был его, Тирсиса, лоб, его нос. Это была карикатура на него самого, что-то уродливое, дьявольское, и, в то же время, никто не мог бы ошибиться — сходство несомненное, эта карикатура была сделана мастерской рукой.

Осторожно, одним пальцем он прикоснулся к ребенку. Прикосновение к этому тельцу заставило задрожать в Тирсисе каждый нерв. Его ребенок! Его ребенок! Живой! Существо, которое будет жить, которое будет есть и спать, и расти, которое научится издавать звуки и понимать слова. Которое будет думать и желать, которое будет человеком.

— Что он... он вполне здоров?—спросил он у сиделки дрожащим голосом.

— Великолепный мальчишка! — ответила та. Она зажгла спичку и поднесла ее к лицу ребенка. Тот повернул глаза по направлению к свету.

— Он видит!—воскликнула она.

В самом деле, он мог видеть. А Тирсис слышал уже, как он умеет кричать. Чего только он не умел делать—этот удивительный субъект! Это было высшее чудо природы, ответ на все вопросы и разрешение всех таинственных загадок. Это была награда за все жертвы, целительный бальзам на раны. Это было существо, ради которого было все остальное в их жизни; это было завершение, венец их любви; это был победный торжествующий крик самой жизни!

Сиделка поднесла ребенка к Коридон. Она жадно впиалась в него глазами. И на лице ее появилась улыбка—о, эта неизреченная улыбка! В ней была и гордость, и чувство облегчения от страданий, и блаженство полного счастья. Это она создала его, он был ее актом творчества. Она вела битву, и победа была одержана, и вот, перед всеми ее награда, ее победный венец! Тирсис вспомнил слова Иисуса Христа: „Когда женщина рождает, она мучается, потому что пришел ее час. Но когда родит сына, то уже не помнит скорби от радости, что родился человек в мир“. Тирсис опустился на колени у кровати, схватил ее руку в свою и тихо, чуть слышно плакал.

12.

Тирсис, наконец, вышел на улицу. Опять был вечер. Муки рождения человека продолжались двадцать два часа. Юноша ничего не ел со вчерашнего дня, чувствовал себя слабым, и у него кружилась голова.

Но каким странным казался ему теперь мир! Населенный фантастическими существами, которые пришли неизвестно откуда и уйдут неизвестно куда. Существа, внушавшие благоговение и ужас, пришедшие из хаоса и уходящие в небытие. Разбросанные там и тут космическими силами, обреченные трагическим судьбам. И ни один

из них не сознает, каким непрерывным чудом является его собственное существование. Они едят, одеваются, спят, смеются, играют, работают, любят и ненавидят, приобретают и тратят, не думая о том, каким чудом является малейший их вздох, не сознавая ужасов, которые их окружают.

В эту ночь, бродя по улицам, Тирсис дал клятву. Когда-нибудь он воплотит этот образ, явившийся ему сейчас, и поразит им души людей. Он потрясет их сердца чувством ужаса, он заставит их проникнуться сознанием бесконечной драгоценности и святости жизни. Он вонзит в них это сознание, как зубчатую стрелу, так, что они никогда не в состоянии будут забыть этого. Они никогда больше не посмеют издеваться над чьей бы то ни было жизнью, они не смогут успокоиться до тех пор, пока все эти ужасы не исчезнут с лица земли.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ПЛЕННИК СВЯЗАН

I.

Это было самое счастливое время в жизни Тирсиса. Он был свидетелем чуда, и от этого все, что ему приходилось видеть, приобретало какой-то новый, мистический смысл. Даже комната, в которой он жил, утратила в его глазах свой неряшливый вид: ведь и она была делом рук человеческих, а, следовательно, также являлась частью тайны бытия.

Он искал кого-нибудь, кому мог бы излить переполнявшие его чувства, но в своем уединении не мог встретить никого, кроме своей квартирной хозяйки. Даже она представилась ему интересным человеком, так как с большим вниманием прислушивалась к тому, что он сообщал ей о своем семейном событии.

Тирсис каждый день ходил в родильный приют, чтобы иметь возможность наблюдать, как разворачивалось это новое чудо—ребенок, как этот ребенок защищал свое право на самостоятельную жизнь. Когда он спал, Тирсис прислушивался к его слабому, чуть приметному дыханию и вдыхал нежный и теплый запах, который распространяло его тельце; Тирсис смотрел, как он просыпался,—как открывал глазки и ловил ротиком в воздухе грудь. Завернутый в пеленки, он казался Тирсису менее странным, но каждое утро сиделка распеленывала его и купала, и тогда Тирсис имел возможность любоваться короткими скрюченными ножками, тоненькими красными рученками, беспрестанно двигавшимися в воздухе. Иногда Тирсису позволяли брать на руки это мистическое существо, но не иначе, как после многих наставлений, после увещаний как держать левую руку, какое положение придать головке,—и из всего этого Тирсис убедился, какая серьезная вещь жизнь вообще.

Все, что видел Тирсис в этой комнате, он не мог забыть потом в течение всей своей жизни. Ему казалось, что он попал во внутрен-

ние покои самого Храма Жизни, и чувствовал благоговение. Голос скептического разума теперь окончательно замолк в нем, и он с удовольствием наблюдал, что и в Коридон теперь заглох всякий протест: инстинкт материнства овладел ею всецело.

2.

Но даже и в этот торжественный период жизни Тирсис не переставал чувствовать на себе тягостный гнет обстоятельств. Как будто тучи над ним расступились на время, уступив солнечным лучам, а потом снова заволокли все небо. Знаменитый врач, обещавший Тирсису не торопить его с уплатой денег, повидимому, забыл свое обещание, и однажды утром Коридон представили счет, который она не в состоянии была оплатить. С побледневшим лицом и трясущимися губами она сказала об этом Тирсису. Скорбь и чувство унижения снова овладели ими. Даже пища, которую ела Коридон, казалась ей теперь безвкусной: она сознавала, что не имеет на нее права. Наконец, он отвез ее в дом ее родителей, а сам вернулся в свою одинокую комнату и там сидел целыми часами сжав кулаки и стиснув зубы.

Случилось так, что как раз в это время издатель изменил свою точку зрения на его рукопись „Человек, знающий правду“, и Тирсис снова переживал всю горечь разочарования.

Он был лишен возможности навещать Коридон в доме ее родителей, а ее желание видеть мужа теперь было сильнее, чем когда-либо, она встала с постели раньше времени и поднялась по лестнице в его комнату. Как он ни протестовал, она продолжала свои путешествия к нему. Через несколько времени доктора открыли у Коридон женскую болезнь, и она обвиняла во всех своих страданиях именно это несчастное время.

Посещая Тирсиса, она приносила с собой ребенка, и они клали его на кровать, а сами сидели и разговаривали целыми часами о своей жизни. После, когда Коридон немного оправилась, они уходили гулять в парк, чтобы подышать свежим воздухом.

Тирсис чувствовал себя, как дикий зверь в клетке. И, однако, мысль о покорности никогда не приходила им в голову, и самая возможность такого исхода никогда не обсуждалась ими. Упорно они продолжали свои занятия немецким языком. Иногда, если Коридон была очень утомлена, Тирсис принимался сам пеленать ребенка. За это время он успел сделаться семейным человеком и полюбил

мелочидом ашней жизни. Однажды он рассмешил всю редакцию предложением написать рецензию о книге, посвященной уходу за детьми. Но Тирсис понимал, что все эти свивальники и пеленки могут научить многим тайнам жизни.

Жить с каждым днем становилось тяжелее. Тирсис ходил в старом, рваном воротничке, перестал носить манжеты, а свой единственный галстук ему приходилось стирать так часто, что и он истерся до ниток. Питался он только сухарями и черносливом, перестал отапливать свою комнату, и, не смотря на все эти лишения, ему едва удавалось свести концы с концами. Он внимательно прочитывал журналы, стараясь понять, что нужно их издателям. Постоянно торчал в редакциях, так что его присутствием стали тяготиться, и ему пришлось испытать немало унижений. Расставаясь с Коридон, он записался в своей комнате, усаживался в кровать, чтобы согреться, и до полуночи писал рецензии и разные статейки ради куска хлеба. После этого он выходил на улицу, чтобы освежиться, и тогда, несмотря на утомление, образы слетали к нему, наполняя восторгом его душу. Он возвращался и снова принимался писать, на этот раз работая над тем, что он действительно любил.

3.

Так он написал свою новую поэму „Карадрион“. Источником его вдохновения была мысль о Коридон и те слезы, которые они проливали друг над другом. Тирсис любил рыться в старых книгах, где отразилось изумление примитивного человека, душа которого впервые столкнулась с тайнами жизни. Он прочитал там о птице, под названием Карадрион, которая имела способность вылечивать человека от болезней, прикасаясь своим клювом к его рту. На этой канве он построил легенду—о двух детях, выросших вместе „в хижине, окаймленной нежной зеленью“. Он дал им имена, которые больше всех нравились Коридон,—Цедрик и Элин. Они любили друг друга. И вот Цедрику пришла в голову мысль, что настанет время, когда Элин умрет, и он никогда не увидит ее больше. В нетерпении он отправляется к колдунье, чтобы узнать ближайшее будущее Элин. Колдунья помощью заклинаний вызывает видение, и Цедрик видит Элин умирающей в той самой хижине, в которой они выросли. Цедрик в отчаянии. Птицы, сжалившись над его страданиями, дают ему совет—отыскать Карадрион, но они не знают, где живет эта птица. Это известно только древней птице, аисту. Цедрик узнает от него местопребывание Карадрион и отправляется на поиски. На вершине высо-

кой скалы, в глубокой пещере, живет получеловек-полуптица „Карадрион, обреченный страданию“. Он рассказывает ему о своей скорби и просит помощи. Карадрион отвечает, что он может помочь только тому, кто не испугается страданий и у кого хватит сил взглянуть в лицо смерти. Сам Карадрион уже не в силах это сделать,—он умирает, но он может передать свою силу тому, кто будет присутствовать при его смерти и вкусит крови его сердца. К тому перейдет его сила, и тот должен будет разделить и его участь—жить в муках и потом умереть. Цедрик соглашается. Когда умирает Карадрион, Цедрик сам делается таинственным существом—получеловеком-полуптицей, летит к тому месту, где лежит умирающая Элин, и поцелуем исцеляет ее, потом, после долгой борьбы с самим собой, улетает в одинокую пещеру, чтобы окончить свои дни в одиночестве и страданиях. А исцеленная Элин видит: какая-то странная птица исчезает вдаль.

4.

Тирсис написал эту поэму так легко, что по окончании работы ему даже как-то трудно было признать за ней какие-нибудь достоинства. „Так, небольшая вещица“, сказал он Коридон, намереваясь прочесть свое новое произведение, но был поражен тем впечатлением, какое произвело на жену чтение. Слезы показались у нее на глазах, и она с рыданием прижалась к Тирсису. Для Коридона новое его произведение было ближе всех остальных поэм, написанных Тирсисом: эта поэма отражала в себе их взаимную любовь, их горести и печали.

Тирсис отнес поэму к издателю, который, — Тирсис знал это—любил стихи, и опять пришлось выслушать много похвал своему произведению. Но последующие слова издателя вызвали у Тирсиса горькую улыбку: издатель не печатал стихов. Это мог бы понять Тирсис с первых же слов издателя—ведь издатели никогда не бывают щедры в похвалах тем произведениям, которые они намереваются купить.

Прошло уже три месяца с тех пор, как один смелый редактор отважился принять поэму „Человек, знающий правду“. Он написал Тирсису несколько писем, в которых выражал свое восхищение поэмой. В конце концов, он все-таки не решился издать ее и старался успокоить свою совесть тем, что пригласил автора к себе на завтрак. Тирсис явился в роскошное мраморное здание одного из самых фешенебельных клубов столицы, на Пятой Аvenues, предварительно купив себе новый воротничок и хорошенько почистив поношенные сапоги. Тирсису казалось, что редактор затеял этот завтрак,

чтобы наглядно показать ему, как надо жить, и заставить голодного поэта почувствовать всю горечь своего положения. „Посмотри на меня,—казалось, говорил он,—вот как надо делать дела. Когда-то и я был беден и никому неизвестен. Но я обладал талантом и вкусом и, кроме того, был рассудительным человеком. И вот, я уже тридцать лет стою во главе одного из самых влиятельных журналов. Вот богатый издатель: смотри, как он фамильярно хлопает меня по плечу. Вот бывший мер города,—видишь, как дружески подмигивает мне. А вон тот—человек из самой старинной и богатой фамилии в городе, и я знаком даже с ним. Вот это—сила! Ты можешь судить о ней по этой мебели красного дерева, с кожаной обивкой, по подобию страсти лакеев, по тем знакам уважения, которое оказывают мне здесь. Торопись принести дань уважения этой силе и поступай на службу к ней!“

Тирсис затаил в себе все эти чувства и вежливо распростился с редактором. Но, выйдя на улицу, он дал волю своему гневу. Здесь, на Пятой Аvenues, он также видел признаки этой силы и этого могущества. Дворцы из мрамора и гранита, роскошные отели, бесконечная вереница экипажей и автомобилей, в которых сидели, небрежно развалившись, нарядно одетые дамы, и они выходили из автомобилей для того, чтобы зайти в ювелирные магазины, в витринах которых блистали бриллианты и золото.

Это были паразиты и разрушители, обманувшие лучшие надежды человечества! Всё их великолепие, весь блеск были выкованы из слез и страданий миллионов поработанных людей,—их бриллианты были каплями крови из сердца человечества!

5.

По ночам Тирсис предавался этим горьким размышлениям, и гнев и тоска грызли его душу. Но он обращал этот гнев и тоску в капли яда, которым будет наполнено следующее его произведение,—оно будет страшнее всех остальных, и общество никогда не простит ему этого нового выступления.

Случилось одно обстоятельство, еще более обострившее отношения Тирсиса к окружающей среде. В северо-западной окраине жили дальние родственники Тирсиса, люди очень богатые. Одна из дочерей богача выходила замуж, и родители решили воспользоваться необходимостью сделать ей приданое, чтобы посетить метрополию. Они решили возобновить родственные связи и пригласили Тирсиса с женой к себе.

— Я не пойду. — сказала Коридон. — Мне там нечего делать.

Тирсис отправился один в тот самый роскошный отель, где он когда-то был у профессора колледжа. Его встретили отец семейства, высокий, представительный господин, и его жена, дородная и надменная дама. Появление барышень страшно смутило Тирсиса. При взгляде на них ему стало казаться, что всю свою жизнь он прожил в болоте. Это были существа из другого мира, — их стройные фигуры, правильные черты и восхитительный цвет лица — все в них было замечательно изящно. Они носили платья из мягких, нежных тканей и распространяли вокруг себя опьяняющий аромат духов. Их появление взволновало Тирсиса, — ведь он сам по рождению принадлежал к этому миру, и у него могла быть такая же изящная жена.

Но он поспешил отогнать прочь эти мысли, — его выбор был давно уже сделан, и путь, избранный им, не был усыпан розами. Может быть, острота переживаний Тирсиса имела своим источником ту неловкость, которую он чувствовал: он знал, что отсутствие манжет и плохие сапоги делают его странным, нелепым существом в этой обстановке богатства и роскоши. Все время молодые леди только и были заняты разговором о нарядах, которые должны были прибыть в скором времени, о брильянтах и автомобилях и о предстоящем кому-то медовом месяце на Ривьере. Слушая их, Тирсис не мог не испытывать горечи, не мог не возвращаться мыслью к своей одинокой жене, гулявшей в парке с ребенком и думавшей о своих разбитых надеждах.

Вся семья отправилась на утренний спектакль, и его пригласили с собой, так как в карете было свободное место. Тирсис видел, как его родственник, вынудив кредитный билет из туго набитого бумажника, заплатил за ложу в театре на Бродуэй. Перед этим он только что отказался дать Тирсису денег взаймы, но в ответ на его просьбу о деньгах предложил ему работу.

Тирсис охотно ехал в театр. Ему так часто советовали изучать вкусы публики; теперь представился хороший случай. Пьеса называлась „Пражская княжна“. Повидимому, это было как раз то, что нравится публике, так как театр был переполнен. Первый комик, по словам газет, получал тысячу долларов в неделю. При поднятии занавеса этот комик, стоя на середине сцены в костюме моряка-лейтенанта, забавлял публику, строя смешные рожи, и распевал песни весьма откровенного содержания, сопровождая их циничными жестами.

Во всей пьесе не было ни капли настоящего остроумия, ни проблеска живого чувства. Тирсис молча слушал, в то время как зрительный зал вылет от восторга и аплодисментами выражал свое восхищение. Его родственники — не исключая и барышень — хохотали до упаду над такими шутками, которые вызывали у него краску стыда на лице.

После спектакля невеста спросила, как он себя чувствует, взглянула на его бледное лицо, повидимому, догадываясь о чем-то и, после минутного колебания, пригласила Тирсиса на обед. В душе ее происходила борьба: с одной стороны, ей было жалко этого бедного, повидимому, голодного юношу, с другой — ее удерживала мысль, что его костюм не достаточно элегантен для обеда. Тирсис угадал ее душевное состояние, но и в нем также происходила борьба: он не хотел переносить унижения, но голод мучил его. В конце концов более низменный мотив одержал победу, Тирсис подавил в себе гордость и остался обедать. Сама судьба устроила так, что этот обед дал ему материал для его новой книги.

6.

К обеду пришел еще гость — священник фешенебельного прихода, к которому принадлежали его родственники. Это был молодой человек, слышавший искусным проповедником, гладко выбритый, с румяными щеками, с изысканными, вкрадчивыми манерами. Его речь и его мысли, казалось, были так же тщательно отполированы, как и его ногти.

За обедом зашла речь о вегетарианстве. Юный священник оказался противником нового учения. Назначение животных — развивал свою мысль священник — состоит в том, чтобы превращать растительные ткани в более концентрированный и наиболее пригодный состав для питания человека. Ткани мяса животных — говорил он — более всего сходны по своему составу с тканями человеческого тела, а следовательно, это мясо и является самой пригодной пищей для нас.

Тирсис вмешался в разговор.

— Доктор Голланд, — спокойно произнес он, — вам придется довести свое рассуждение до его логического конца.

Священник повернулся в сторону Тирсиса и с изумлением взглянул на него.

— До какого логического конца? — спросил он.

— Я полагаю, что вы должны будете стать каннибалом.

За столом воцарилось молчание.

Но юноша не замечал этого. Новые мысли вихрем кружились в его голове. Здесь, в этой элегантной столовой, творческая мысль овладела его душою. Ведь это как раз то самое слово, которое выразит все, что составляло горечь его отравленной жизни! Да, да, он теперь понял их! Понял их всех, во всем их великолепии и могуществе. Они каннибалы! Каннибалы!

Выйдя из отеля, он не пошел домой, а отправился в парк, где гулял в течение нескольких часов. И в эти часы в нем окончательно созрело его новое произведение—„Высший каннибализм“.

Утром он сказал об этом Коридон.—Но, Тирсис,—воскликнула она в ужасе:—ведь этого никто не напечатает.

— Разумеется, нет,—ответил он.

— Но тогда ради чего же ты будешь писать?

— Я пишу,—сказал он,—хотя бы после этого мне пришлось умереть.

И он опять заперся в своей комнате.

7.

Так свободно, так легко вырисовывалось перед ним содержание его нового произведения.

Знаменитый ученый развивал аргументы доктора Голланда. Трава питается неорганическими веществами и перерабатывает их в органические ткани. Бык питается травой, в свою очередь перерабатывая ее в другие ткани высшего порядка. После быка должна быть еще какая-нибудь высшая ступень. И ученый стал втайне производить опыты, результат которых изложил перед одним ученым обществом. Но эти коллеги были настолько скандализированы его открытием, что решили умолчать о нем.

Но, как бы то ни было, семя все же было брошено. Один молодой ученый подхватил его идею и стал производить исследования над жителями Южного моря, и пришел к заключению, что дикари, занимавшиеся антропофагией, вытеснили другие племена, которым антропофагия была чужда. Молодой ученый издал плоды своих наблюдений отдельной книгой, которая распространилась частным образом. Вскоре автор получил приглашение явиться к одному из самых богатых людей мира, который ворочал всеми финансовыми делами страны. Этот господин был стар, лыс и дряхл. После же совещания с автором книги к нему внезапно вернулись здоровье и

прежняя энергия. Публике объяснили, что это—результат хождения по траве босыми ногами и постоянной игры в гольф. Никто не заметил, что старик тратил все свое состояние на постройку все новых и новых приютов для подкидышей.

Наконец в обществе стали распространяться странные слухи и циркулировать не менее странные подозрения. Наконец, гроза разразилась: некий юноша, не достигший и двадцати лет, издал книгу поэм, в которой страшная тайна возвещалась миру с насмешливым вызовом. Прокурор, любящий гласность, привлек юношу к допросу, и таким образом все всплыло наружу.

Общество узнало наконец, какое широкое распространение получила новая идея. Она сделалась культом правящих классов и тайно исповедуемой государственной религией.

В научном мире эта доктрина заслужила быстрое признание, так как соответствовала учению об эволюции. Великие имена Дарвина и Спенсера призывались для того, чтобы доставить ей торжество. Что же касается до политической экономии, то здесь уже и подавно не могло быть двух мнений относительно новой доктрины. Какое же тогда значение имело бы знаменитое *laissez faire*?

Вскоре общество было встревожено выходом в свет книги профессора одного колледжа, известного социолога, который рассматривал вопрос совершенно серьезно. Он устанавливал, как факт, что масса человечества всегда жила в рабском состоянии. В настоящее время, при демократическом строе, каждый год в промышленности гибнет около четверти миллиона людей, полмиллиона женщин живет проституцией, два миллиона детей зарабатывают себе средства к существованию, и десять миллионов нищенствуют. Насколько же более гуманен, в сравнении с этим, новый культ?

И это в такое время, когда внимание общества было сосредоточено на новой *cause célèbre*! Когда газеты были полны горячими обсуждениями новых инструкций, данных судьям. Если кто-нибудь захочет завещать свое тело какому-либо покупателю—говорил судья—и после этого пойдет и совершит самоубийство, то закон не должен препятствовать ему в этом. При чем суду нет никакого дела до намерений покупателя. Это уже дело вкуса. Нет такого закона, который должен был бы вести личные вкусы каждого.

Полные ужаса и недоумения, люди обратились к церкви. Конечно, христианское учение явится надежным оплотом против этого чудовищного культа. Но в самой церкви наступило смущение, вызванное новыми слухами. И вдруг какой-то епископ внезапно

выступил с протестом против „вовлечения церкви в болото политической борьбы“. Для всякого должно быть ясно, говорил епископ, что христианство есть религия, а не правила диеты. Цель его—спасение человеческих душ, а до их тел ему нет никакого дела. Еще Христос сказал, что мы всегда должны иметь с собой своих, а если так, то очевидно, что все попытки изменить естественный порядок вещей заранее обречены на бесплодие. Известно также, что основатель христианской религии сам употреблял в пищу мясо.

8.

Тирсис потратил на переписку рукописи сумму, на которую мог бы прожить целую неделю. Потом понес рукопись к издателям. Прежде всего он отправился к мистеру Ардслею, который стал его главным советником в делах этого рода.

Между тем зима кончилась, а в жизни Тирсиса не было ни малейшей надежды на какой-либо успех. Для Коридон все эти невзгоды были гораздо тяжелее, чем для ее мужа. Он, по крайней мере, имел возможность изливать свои чувства, она же могла только изнывать и раздражаться, не видя ни малейшего поворота к лучшему. Ее жизнь была бесцветна и однообразна, и каждый новый день этой жизни походил на предыдущий.

Начать с того, что они теперь совершенно не слышали музыки. Она была слишком слаба, чтобы играть на фортепиано, его скрипка была продана. Громадный город был наводнен целым потоком концертов и опер, а они были среди этого потока, как голодные дети, прижавшиеся к окну кондитерской и пожирающие глазами расставленные за стеклами сласти. Тирсис находился в курсе музыкальных и драматических новостей, так как читал в газетах и журналах рецензии о представлениях и концертах. Но это было равносильно тому, как если бы кто-нибудь захотел утолить свою жажду созерцанием миража.

Как-то раз зимой кто-то из знакомых предложил Коридон два билета в оперу. И они пошли в театр в состоянии какого-то блаженного опьянения. Для Тирсиса это было совершенно необычное посещение театра: места у них были в оркестре, тогда как до сих пор Тирсис слушал оперу с последнего ряда галереи пятого яруса, где всегда было жарко и душно.

К сожалению, они не были свободны в выборе оперы: шла „Травиата“, а для их душ, изголодавшихся по музыке, было мало пищи в этой опере, полной искусственности и ложной чувствительности.

Они сидели, закрыв глаза, и старались наслаждаться одной музыкой, сиюминутно забыв о галантных молодых людях и их очаровательных дамах, но и музыка казалась им оскверненной чем-то. Искажение музыки! С этим он до сих пор не мог мириться, потому что музыка для него, это—голос самой души и источник, из которого сама жизнь берет свое начало.

Прогуливаясь вместе с Коридон в фойе роскошного здания, Тирсис задавался вопросом: есть ли где-нибудь на земле такой уголок, где небо и ад так тесно соприкасались бы друг с другом? Место, где сладострастие и тщеславие плоти выражались бы так ярко и где дух получал бы такие возвышенные, чистые наслаждения. Но в этом театре были и люди, которые понимали значение этой музыки,—Тирсис прочел это в их лицах. И он задавался вопросом: неужели никогда не настанет час, когда демоны, вызванные музыкой, призвут этих людей к бунту и возмущению, чтобы еще раз изгнать торгующих из храма?

9.

Рукопись „Того, кто знает правду“ находилась теперь на прочтении еще у одного редактора; в то же время другой издатель медлил окончательным ответом по поводу „Высшего каннибализма“. Тирсис и Коридон снова жили надеждами и мечтами: когда наступит весна, они опять уедут из города и снова раскинут свою палатку на берегу озера. Они проводили долгие вечера, мечтая и рисуя себе картины будущей жизни; представляли себе, как Цедрик—так звали их сына—будет играть в тени развесистого дерева перед входом в палатку.

— Он будет спать в корзине из-под платьев,—объявил Тирсис.

— Какие глупости!—возразила Коридон.—Я уже сколько раз говорила тебе—мы должны купить ему детскую кроватку.

— На какие деньги?—воскликнул он.

Потом они начинали мечтать о том счастливом времени, когда у них будет достаточно денег, чтобы выстроить собственный домик, в котором можно бы было жить и зимой, и летом. Коридон всегда представляла себе этот домик таким, как он изображен у Тирсиса в „Карадрионе“: „маленькая хижина, окруженная нежной зеленью“. Они находили, что это будет очень хорошо для ребенка. Тирсис представлял его себе загорелым, босоногим деревенским мальчишкой, но Коридон не желала видеть своего сына таким.

— Все это очень хорошо! Но я хочу, чтобы у Цедрика были кудри...

— Кудри! — восклицал он. — И костюм из лучшего магазина, пожалуй?

— Нет, разумеется... Во всяком случае, не теперь, когда мы так бедны. Но мне все же хотелось бы, чтоб он выглядел прилично.

Тирсис хотел сохранить в чистоте свою душу. Он не хотел, чтобы роскошь и распущенность обеспеченных классов имели какую-нибудь власть над ним. Он знал, что, рано или поздно, слава придет к нему, а с ней, может быть, и богатство. И тогда он покажет, что есть в городе один неспорченный человек, который живет, как проповедует. Ободренные этой мыслью, они с Коридон снова принимались воспитывать в себе верность спартанским привычкам...

Несмотря на свою бедность, Тирсис находил время помечтать о том, что он осуществит, когда у него будут деньги: издательство, которое будет выпускать книги по своей цене, читальни и передвижные библиотеки. Мечтал он также и о том, чтобы издавать собственный журнал, в котором ему можно было проводить свои идеи. «Мы должны извлечь пользу из наших страданий», — говорил он жене. — Мы должны с помощью их открыть глаза другим людям».

Он убедит какого-нибудь богача основать фонд для пособия начинающим молодым литераторам, и таким образом писатель, имеющий подлинное призвание, не будет подвергать себя опасности умереть с голоду.

10.

Работа над «Биографиями современников» наконец кончилась. После этого несколько недель прошло в поисках заработка. Мистер Ардслей предложил Тирсису читать рукописи, и он с радостью ухватился за это предложение; работа была нетрудная, а за прочтение каждой рукописи он получал пять долларов.

Тирсис принес с собой две рукописи и принялся за чтение. Это было для него новым и любопытным занятием, которое открыло Тирсису совершенно новый мир, о существовании которого он не подозревал. В то время, когда он писал рецензии, он знакомился с книгами, которые увидели свет, теперь же он сделал ошеломляющее открытие — что на одну увидевшую свет книгу приходится сотни, может быть, тысячи таких, которые умерли до своего рождения.

Иногда, при чтении этих рукописей, Тирсисом овладевало содрогание: он ясно видел, каковы были его шансы в жизненной борьбе. Этих людей, борющихся и страстно жаждущих успеха, тысячи и десятки тысяч, и он должен затеряться среди них! Какое безумие — надеяться, что он вскарабкается по их головам, что ему

суждено достигнуть вершины славы! Их письма казались ему сатирой на его собственную смелость — считать себя «гением».

Как заработок, чтение рукописей было очень выгодным делом. Чем хуже была рукопись, тем легче была его задача. Когда же ему попадалось нечто такое, в чем были заметны следы настоящего дарования, то он проклинал свою судьбу, потому что тогда ему приходилось тратить несколько дней на то, чтобы заработать свои пять долларов.

— Мистер Ардслей, — начал он, — я хочу написать роман, который вы могли бы издать. Я верю, что я в состоянии это сделать.

Мистер Ардслей не замедлил поддержать его.

— Я всегда был уверен в вас, — сказал он.

Тирсис рассказал Ардслею в общих чертах содержание задуманного им произведения. Он хочет описать историю борьбы одного молодого писателя, — не такого, как он сам, безумного бунтаря и эгоиста, — а самого обыкновенного, заурядного писателя, которым общество могло бы заинтересоваться. Необходимый для подобной повести «местный колорит» не представлял бы для него затруднений, и он мог бы закончить ее в очень непродолжительном времени. Мистер Ардслей нашел задуманное Тирсисом великолепной идеей.

Затем Тирсис очень осторожно подошел к выяснению материальной стороны, говоря:

— Мне нужно уехать в деревню, чтобы написать эту вещь. А потому я хотел бы спросить вас о тех рукописях, которые вы давали мне для прочтения. Довольны ли вы моей работой?

— Да, разумеется, — ответил тот.

— Как вы думаете, сможете вы посылать мне другие рукописи в течение лета?

— Я полагаю! Но это будет зависеть от того, сколько их пришлют нам.

— Вы... не можете ли вы дать мне их с собой?

— В настоящее время — нет. Вы ведь знаете, что есть постоянные работники по этой части, которых я уже знаю. Я буду посылать вам то, что у меня останется после распределения рукописей между другими сотрудниками.

— Благодарю вас, — сказал Тирсис. — Я буду вам благодарен и за это.

Он распрощался и вышел. В тот же день в маленькой комнатке происходило озабоченное совещание с Коридон. Он будет располагать суммой около двадцати долларов в месяц, а на это невозможно существовать вместе с семьей.

— Наша единственная надежда—это моя новая книга,—говорит Тирсис, и Коридон понимала, что это была правда.

— Каждая лишняя неделя, проведенная здесь, невозвратимая для меня потеря,—добавлял он.—Мне нужно платить за комнату.

— Но ты не будешь в состоянии жить в палатке в апреле месяце?—спросила она.

— Я сделаю это, если только ты согласишься отпустить меня.

Она поняла, что ей предстоит тяжелое исполнение долга. Она должна пересилить себя и сделать то, что должна сделать, хотя бы от этого сердце ее разрывалось на части. Она должна остаться здесь и нянчиться с ребенком в то время, как он удалится в одиночество, чтобы работать.

Он сидел, держал ее руки в своих, и видел, как она кусала губы, делая невероятные усилия, чтобы не заплакать. Их сердца срослись вместе, и разлучить их, значит—сделать им обоим больно: они никогда не представляли себе, чтобы в их жизни случилось что-либо подобное.

— Тирсис,—прошептала она,—ты забудешь меня!

Он еще крепче сжал ее руки.

— Нет, дорогая! Нет!..

— Но ты привыкнешь жить без меня!—воскликнула она.—Сейчас я переживаю такое время, когда ты наиболее нужен мне.

— Я останусь, дорогая, если ты так говоришь...

— Нет! нет!—воскликнула она.—Я должна перенести и это!

При виде ее горя сердце Тирсиса сжалось от жалости, и внезапно какой-то странный порыв овладел им. Схватив ее руки, он стал на колени перед ней и начал молиться. Прошли целые годы с тех пор, как он последний раз думал о молитве, а Коридон во всю свою жизнь никогда не думала о ней, и вот эта молитва вылилась из глубины его души; и было в ней всего лишь несколько слов—простых, детских слов, но прекрасных, как музыка. Он молился о том, чтобы их не покинуло мужество в борьбе, чтобы они навсегда сохранили свою взаимную любовь и чтобы ничто не в силах было изгладить из их памяти образ друг друга. Эта молитва была чужда какой бы то ни было теологии или метафизики,—это была молитва неведомым богам, и она дала исход тому порыву нежности и жалости, который овладел их душами. И, когда он кончил, Коридон рыдала на его плече.

КНИГА ДЕВЯТАЯ ПЛЕННИК НА ПРИВЯЗИ

1.

Тирсис запаковал свои немногочисленные пожитки и с ночным поездом выехал из города. Утром он был уже в знакомом городке, на берегу озера Онтарио. Как и тогда, когда он приезжал сюда с Коридон, ослепительно сверкала на солнце зеленоватая вода озера, а от берегов несло прохладой. В оврагах лежал снег, но, несмотря на это, Тирсис достал свою палатку, которая на зиму оставлена была ими в сарае знакомого фермера, зачинил изъеденные мышами дырки и утвердил ее на прежнем месте.

Соседи предупреждали его, что в этом месяце еще рано жить в палатке, но Тирсис поклялся, что выдержит. И, как бы для того, чтобы наказать Тирсиса за настойчивость, судьба в течение целых четырех недель посылала такие страшные снежные бураны и ливни, каких раньше не бывало в этой местности в апреле. Боже мой, какая это была пытка вставать утром с постели и пытаться разжечь сырые сучья! Тирсис вылил на дрова пол-жестянки керосину и добился наконец того, что печка накалилась. Он повернулся, чтобы согреть спину, и вдруг услышал запах гари. Осмотревшись, он увидел, что его палатка объята пламенем. Схватив ведро с водою, он потушил огонь и, чтобы согреться, принялся бегать. Вернувшись в палатку, он уже не мог в ней согреться, так как снова поднялся ветер и полил такой дождь, что оставаться в лесу было тоже невозможно. Наконец он набрел на полуразрушенный амбар, в углу которого и примостился. Закутавшись в одеяло, он все же продолжал писать, хотя пальцы его оковенели.

Возможно, что все эти злоключения имели большое влияние на то, что голова Тирсиса работала плохо. Вскоре, незаметно для самого себя, Тирсис совершенно отбросил мысль о работе для мистера

Ардслея и устремил свое внимание в другую сторону. Он решил, что до тех пор, пока не заставит общество прислушаться к своим словам, он не может считать свою миссию конченной.

2.

Тирсис забыл и думать о том рассказе, содержание которого он излагал мистеру Ардслею. Что-то выросло в нем, могучее и неодолимое, и одним взмахом сбросило все препятствия с его пути. Он забыл обо всем в мире и погрузился в работу. Никакое другое произведение так не захватывало его: он забывал о еде и о сне. Едва он успевал закончить одну часть, как новые образы являлись перед ним, и, несмотря на крайнюю усталость и изнеможение, он должен был спешить, чтобы уловить и зафиксировать их.

„Гений“—таково было заглавие драмы. Молодой музыкант, Ллойд Гартман, закончив в Вене свое музыкальное образование, возвращается в семью своего отца, торговца колониальными товарами. Он должен дебютировать на концерте и, как ожидают этого все, должен иметь громадный успех. С ним приехал в Нью-Йорк его учитель, профессор Реминистский, и профессор фон-Арн, известный психиатр.

Фон-Арн рылся в библиотеках, ездил по всему миру, посещая кафе и пивные, монастыри и келии отшельников, тюрьмы, госпитали и приюты—чтобы уяснить себе сложное и непонятное явление с именем „гений“.

Ллойд выбрал для концерта произведение одного странного композитора, который мог навести на критиков тоску.

3.

Ллойд привлекает к этой пьесе внимание мисс Елены Арнольд, которая должна будет аккомпанировать ему на концерте. Эта пьеса—произведение человека с душой титана; при жизни он голодал и ютился на чердаке и в конце концов застрелился. Второе действие происходит на другой день после концерта. Оба профессора в отчаянии, бранят Елену Арнольд, которая, по их мнению, уговорила Ллойда играть эту вещь. Они с нетерпением ждут утренних газет, которые принесут им приговор общества, и томятся тяжелыми предчувствиями. Между Еленой и Ллойдом происходит следующий разговор.

— Вы поставили передо мной задачу,—говорил Ллойд:—должен ли человек остаться одиноким, или вести за собою других?

На это она отвечала:

— Я не понимаю, чем может вам помешать моя любовь?

— Если вы любите меня, кто будет любить мое искусство?—спрашивает Ллойд.

В это время приносят газеты, в которых напечатан отчет о концерте. Все в отчаянии, а мать Ллойда накидывается на Елену, обвиняя ее в том, что она завлекает ее сына. Тогда юноша не выдерживает и обрушивается с негодованием на всех присутствующих. Он выражает им свой гнев и презрение за то, что они хватаются грязными руками за его божественный дар—вдохновение—и выносят его на рынок. Он доказывает им, что они собой представляют и что такое то общество, которому они предлагают его музыку, как продажную женщину. Когда в разговор вмешивается профессор фон-Арн, Ллойд разбивает о его голову свою скрипку, за которую заплачено три тысячи долларов.

4.

Третий акт Тирсис писал с большим трудом, чем остальные. Ллойд ушел один из родительского дома. Три года спустя он одиноко умирает на чердаке. Елена отыскивает его, и между ними возобновляется „поединок полов“. Ллойд говорит: „Женщина готова сделать все ради мужчины, но ничто не может ее заставить отречься от него, когда это ему нужно“. Но Елена не в силах понять его стремления к одиночеству. Она нашла его, со слабыми признаками жизни, умирающего, говорящего отрывочными фразами. Но он не хочет, чтобы ее приход внес печаль в последние минуты его жизни. Он проложил себе дорогу через печали и страдания, через ненависть и презрение и теперь готовится почтить с миром на груди природы. Он уже не замыкается в тесном кругу видений своей собственной души: за это время он научился многому у природы—у бесчисленных звезд на небе, у деревьев в лесу. И он говорит ей: то, что люди называют „гением“, непрерывно рождается в самом сердце жизни.

Оба профессора, узнав, что Ллойд умирает, приходят к нему. Но и они не в силах нарушить его спокойствия.

Елена садится за фортепиано и начинает играть сонату Бетховена, в которой автор выразил всю остроту скорби, но которую почему-то называют „Лунной сонатой“. Наступает продолжительное молчание... умирающий беседует со своей музой... Свет заливает комнату, и Ллойд шепчет последние слова: „Встречай свой час, ибо семена твоей славы брошены в души людей“...

5.

Тирсис работал над пьесой по шести часов под ряд, не сходя с места, ел беспорядочно, когда придется, хватая то, что было под рукой. Сон бежал от него, как отвергнутая любовница. Через два месяца, закончив драму, он почувствовал, что такое напряжение не прошло для него даром: в голове точно кто-то беспрерывно стучал молотком, желудок совершенно отказывался переваривать пищу.

Но, как бы то ни было, пьеса была кончена. Он отослал ее в переписку и написал благодарственный гимн Коридон. В его руках снова было оружие, только что выкованное и отточенное, которым он попытается еще раз пробить толстую кожу общества.

Но тут перед ним встал вопрос практического характера: что должен делать автор, написавший пьесу? Какие шаги необходимо предпринять прежде всего? Тирсис думал об этом в течение нескольких дней, пока случайно не прочел в газете следующей заметки: „Этелинда Льюис, известная комическая актриса, будет в этом сезоне выступать в серьезной драме, в антрепризе Робертсона Джонса. Мисс Льюис еще не выбрала для себя подходящей пьесы“. Тирсис послал рукопись этой будущей звезде и через неделю получил письмо, написанное на раздушенной бумаге с вензелем; письмом извещали Тирсиса, что пьеса его получена и будет в скором времени прочтена.

В ожидании Тирсис принялся за чтение рукописей, которых накопилось достаточное количество, пока он сидел за работой. Они стали поступать теперь довольно часто: очевидно, мистер Ардслей был доволен его работой. Коридон, которая жила в деревне вместе с родителями, он написал, что в скором времени получит деньги и они снова поселятся вместе.

После этого на него хлынул целый поток писем, который опять заставил его окунуться в реальный мир. „Я ничего не говорила тебе о своих страданиях, — писала Коридон. — Десятки раз я начинала писать тебе длинные письма и потом рвала их, говоря себе, что нельзя мешать тебе работать. Но, Тирсис, я не думаю, что в состоянии буду долго выносить это. Когда я начинаю думать о зиме и представляю, что мы все еще будем в разлуке, мне начинает казаться, что я не вынесу этого. Я как будто сижу в тюрьме. Я думаю о тебе, но не могу тебя видеть“.

На все эти излияния Тирсис мог отвечать только неопределенными обещаниями, а потом уходил в лес и призывал к себе муже-

ство. У него было достаточно своих собственных огорчений. От неправильного питания здоровье его совершенно расстроилось, и он не мог ничего есть, кроме молока и куска хлеба в день. Пришлось обратиться к доктору, который нашел у него диспепсию и дал ему бутылку красной жидкости, которую он должен был пить после еды. После этого он почувствовал себя лучше и с удвоенной энергией принялся за свою литературную поденщину, написав Коридон, чтобы она не грустила, так как рассвет близок.

6.

В это время Коридон получила копию его пьесы; и вскоре Тирсис был изумлен тем впечатлением, какое произвела пьеса на Коридон. „Это чудесно! — писала она. — Это ослепительно, как молния! Но, при всем восхищении, я не могла подавить в себе горького чувства, вызванного чтением твоей пьесы. Мне кажется, что все, что ты говоришь там, исходит из сокровенной глубины твоей души. Неужели ты в самом деле так восстановлен против нашей любви? Неужели ты чувствуешь, что я держусь за тебя, и стараешься удалиться от меня? О Тирсис, что мне делать?“

„Перешагни через мой труп, чтобы иметь возможность беспрестанно наслаждаться своими мечтами, и бог да благословит тебя! Я написала эти слова несколько часов тому назад и теперь силюсь понять их смысл. Я стараюсь уверить себя, что мне надо взять ребенка и уйти от тебя, разбив все мои надежды, и посвятить ему всю свою жизнь. Но нет, — я не в силах сделать это!“

„Я чувствую себя сейчас очень утомленной. Может быть, я усну, но прежде я хочу сказать тебе одну вещь, Тирсис, — только боюсь, не покажется ли это тебе слишком глупым? Я хочу сказать, что я не только никогда не состарюсь, но и не в состоянии буду отказаться от твоей любви“.

7.

Каждый раз, когда Тирсис получал письмо от Коридон, им овладевало мирное и даже веселое настроение. Когда, через несколько лет, он перечитывал эти письма, какие странные воспоминания вызывали они в нем!

„Мой Тирсис, — писала она, — в книге Зангвилля „Фантазеры Гетто“ я прочитала о Гейне. Я ничего не знала о нем раньше. Он любил девушку из народа — маленькую Матильду — и женился на ней. Она не умела ценить его произведения. А я — я не только люблю

тебя, я ценю твои произведения. Когда-нибудь я буду достаточно образованной женщиной, а разве это не будет хорошо, что я буду образована?"

И еще письмо:

"Мой любимый! Я опять сижу со свечкой. Слишком жарко сидеть с лампой. Я читала сегодня „Потерянный Рай“ и поражаюсь красотой этой вещи. Прочитала я также книгу об унитаризме, и мне захотелось прочесть Библию. Для меня безразлично, поверю ли я в то, что вычитает там, или нет.

"Сегодня ночью я долго не могла уложить своего мальчика, он лежал у меня на коленях, брыкался и улыбался так плутовски, как будто говорил: „Дай мне поиграть перед сном“. Наконец я сказала ему: „Ну, теперь ты поиграл достаточно, будь же умницей и ложись спать“. Он засмеялся, я положила его на бочок, и он сейчас же уснул. Ну, разве же это не умно со стороны ребенка, которому только что минуло семь месяцев? Мне кажется, что я пишу тебе более интересные письма, чем ты мне. Ведь я не пишу книги, в которой могла бы излить свои чувства“...

8.

Эти письма приходили к Тирсису в такое время, когда он чувствовал себя совершенно обессиленным от напряженного труда, и чувство одиночества овладевало им с особенной силой. О боже, как жестока была к нему судьба! Работать так, как он работал, и не иметь около себя близкого человека, чья рука могла бы разгладить морщины на его лбу, чей голос прошептал бы ему слова утешения! Кто может понять эту трагедию его жизни?

Вскоре произошел случай, который усилил это ощущение одиночества и заброшенности. Он увидел быстро скользившую по озеру красивую яхту, ярко блестящую на солнце своей белой окраской и бронзовыми украшениями. Она бросила якорь недалеко от того места, где сидел Тирсис. С яхты спустили лодку, из которой вышли на берег три красивые девушки, здоровые, жизнерадостные, одетые во все белое. Они бросили мимолетный взгляд на его палатку и просили Тирсиса указать дорогу на ближайшую ферму. Он проводил их глазами, пока они удалялись в глубь леса, а когда они возвращались обратно, в руках их были корзины с фруктами.

Солнце только что закатилось, молодой месяц выплыл на небо, и в озере замигали бесчисленные отражения звезд. Недвижно стояла яхта. Вдруг звуки гитары нарушили таинственное молчание ночи, и

звонко запели юные голоса. К своему удивлению, Тирсис услышал, что это был хор из „Дочерей Рейна“ и „Auf dem Wasser zu singen“ Шуберта. Он сидел со стиснутыми руками, каждый нерв в нем содрогался, горячие слезы текли по щекам. Это было что-то, чуждое земле, это была мечта!

Музыка замерла... вот она послышалась снова... И до самой гибели всколыхнулась душа, и восторг, и грусть переполнили его. На яхте стали поднимать якорь, и им овладело желание вскочить и крикнуть им, чтобы они остались... Но сейчас же умерло это желание. Что они знали о нем? Какое им было дело до него?.. И он поплелся вдоль берега, стараясь не пропустить ни одной ноты, пока было возможно что-нибудь слышать. И когда яхта, с ее сверкающими огнями, потонула в сумраке, душа поэта устремилась за нею в безумном порыве. Еще некоторое время доносились слабые, постепенно замиравшие звуки, пока наконец не замерли вдали.

Он сидел, закрыв лицо руками... Вот он сидит в этой яме и борется с болезнью и отчаянием, а там, над ним, на вершинах жизни, все сокровища искусства! [Если бы он только мог слышать всегда такую музыку, каких чудес он не натворил бы! А для тех, кто обладал возможностью ее слышать, разве она значила то же, что для него? Они, владевшие всем, что только может дать жизнь—музыкой, искусствами, свободой, красотой, здоровьем,—думали ли они когда-нибудь о тех, кто лишен всего этого и кто исполняет рабские работы на их увеселительном корабле?

Однажды, просматривая газеты, Тирсис наткнулся на объявление одного господина, ищущего гувернантку к своим трем детям. Уход за ними лежал на прислуге, об их умственном развитии заботился учитель, и, в дополнение ко всему, отец искал такого человека, который бы был для них другом, воспитал бы из них членов общества. Какой это был контраст с тем уходом, которым пользовался Цедрик!

Как хорошо представлял себе Тирсис этого отца семейства! Ловкий, настойчивый делец, одетый по последней моде и отшлифованный культурой, но под этой культурной внешностью скрывались когти хищника и душа ястреба. Он был, что называется, „практический“ человек. Он хозяйничал на всех поприщах человеческой деятельности, но для каждого было ясно, что если его хозяйничанье продлится, то это будет полное разрушение всей цивилизации. Когда Тирсис встречал подобных людей, он крепко сжимал кулаки, и каждый нерв в нем содрогался страстным желанием борьбы.

9.

Тирсис переживал очень тяжелое положение. Красная жидкость, данная доктором, очень мало помогла ему. Рукописи перестали поступать вовсе, и когда недели через две Тирсис запросил мистера Ардслея, тот ответил, что давал ему работу в надежде получить обещанный рассказ, теперь же он узнал, что поэт провел все время в писании какой-то невозможной пьесы. Это было в середине лета. Тирсис раздумывал, что ему предпринять: вернуться ли в душный город и там поступить на службу в какую-нибудь контору, или наняться работником на ферму? Он отбросил оба проекта, но внезапно ему пришла в голову дикая мысль. В течение нескольких лет он мечтал о том, как было бы хорошо уйти от цивилизованной жизни. Почему бы не привести в исполнение этот план теперь? У него есть топор, винтовка и удочка. Несколько дней тому назад он слышал от одного человека об озере в Адирондаке, где в течение года перебивало около двенадцати человек.

Эта мысль пришла ему в голову рано утром. Через какой-нибудь час он снял свою палатку и уложил чемодан. Оставив палатку у знакомого фермера, он взял билет до той станции, за которой начиналась уже пустынная местность. Остановившись в деревенской гостинице, он на следующий день отправился в путь. Проехав пятнадцать миль в дилижансе, потом пять миль в телеге, он заночевал в какой-то лавчонке. На следующий день, взяв с собою столько багажа, сколько было возможно нести, он прошел еще три мили и наконец добрался до озера, которое и было целью его путешествия.

Это было озеро около полумили в длину. Девственный лес окаймлял его зеленой завесой, а голубые тени гор казались нарисованными на его поверхности. Тирсис с восхищением смотрел на открывшийся вид. Он разделся и погрузился в кристально-чистые воды озера, и прикосновение холодной воды оживило его; усталости и уныния как не бывало! В середине озера возвышалась невысокая скала. Тирсис доплыл до нее и, стоя на камне, любовался очаровательной красотой местности, громко кричал и смеялся от восхищения, и эхо в горах отвечало ему.

Он нашел заброшенный сарайчик и решил поселиться в нем. Нарезал свежих веток и сделал себе из них постель, сходил в лавку, где ночевал накануне, и купил ящик слив и мешок рису. На склонах гор росли в изобилии брусника и черника, в озере было много рыбы, в лесу водились белки, кролики, куропатки и олени.

Итак, с одним долларом и двадцатью тремя центами в кармане Тирсис начал новую, счастливую жизнь. Он наблюдал, как восходит солнце, как оно закатывается за горы; иногда он всходил на вершину горы, чтобы не терять его из виду. Любил плыть по озеру во время бури, когда дождь хлестал его по лицу, а молнии расщепляли сосны в лесу.

Никакой пищи у него не было, за исключением той, какую он мог добыть себе сам. И он часами бродил по лесу, пока ему не удавалось убить какую-нибудь дичь. Придя домой, он должен был ощипать и выпотрошить дичь и изжарить ее. Во время этой длинной процедуры он успевал настолько проголодаться, что всякая пища казалась ему вкусной. Это и было как раз то, чего он искал. Он расстался на время со своими музами и вылил в озеро последние остатки лекарства, прописанного ему доктором. Мускулы его окрепли, на щеках показался румянец, и всякую работу он исполнял с песнями и смехом. Коридон он написал о своем новом плане—заработать немного денег в течение зимы, приехать сюда ранней весной и построить тут хижину для нее и ребенка.

10.

Как-то раз за ночь выпал снег. Утром это был ослепительно-белый ковер, сверкавший всеми переливами разноцветных огней под лучами утреннего солнца. Он походил на громадный лист бумаги, на котором было написано обо всем, что происходило ночью. Трудно было представить, чтобы в этой местности было такое количество всевозможных животных,—следы виднелись всюду, куда только падал взгляд. Вот здесь пробежала белка, а вон следы куропатки, дикобраза с его маленькими, будто детскими ножками, лисицы, а вот тут прошел сам медведь с двумя детенышами. Вон в той ложбине, видно, ночевал олень. Вот здесь—место драки двух оленей, а тут один из них был испуган приближающимся охотником и сделал невероятных размеров прыжок.

Тирсис едва не поплатился жизнью, увлекшись этими наблюдениями. Снежная буря поднялась снова и замела его следы, а когда он хотел найти дорогу домой при помощи компаса, то оказалось, что он забыл, какой конец стрелки показывает на север. Он плутал по лесу в течение нескольких часов, пока наконец не выбрался на дорогу. Тирсис переночевал на ферме, а утром вернулся в лавочку. Там уже лежало письмо от Этелинды Льюис. Тирсис разорвал конверт, прочитал письмо и отказался поверить собственным глазам.

„Ваша пьеса основательно обсуждалась нами, и я решаюсь воспользоваться ею. У нее очень интересное, не совсем обычное, содержание, и я надеюсь, что она будет иметь успех. Но все-таки в ней придется сделать кое-какие изменения. Не можете ли вы приехать в город, чтобы мы с вами могли обсудить это? Невозможно вести такие серьезные переговоры по почте. А времени терять нельзя, потому что мне хотелось бы сразу приступить к ее постановке. Таково же и желание моего антрепренера“.

11.

Еще никогда в жизни почта не приносила Тирсису такого радостного известия. Он был вне себя от восхищения. Да, ради этого он вернется в город. Но тут он вздохнул, вспомнив, в каком положении его ресурсы: как он доберется до города, когда у него всего только три доллара в кармане?

Был только один выход: дичь в этой местности продавалась по одиннадцати центов за фунт, и самый маленький, убитый им, олень даст ему возможность уехать в город.

Тирсис написал мисс Этелинде, что он приедет в город. В ту же ночь он, зарядив ружье дробью, отправился на охоту и проходил по лесу до самого рассвета, но безо всякого успеха.

На следующую ночь он решил применить другой способ. Прикрепив себе на голову фонарь с рефлектором, он, с ружьем в руках, отправился в лес, крадучись, как вор. Время от времени то один, то другой олень с любопытством останавливался перед ним, и глаза их горели, как уголья. Тирсис выстрелил, но в тот же момент фонарь свалился с его головы и погас. Когда потом Тирсис поднял его, засветил, прикрепив на голове, и стал осматриваться, он увидел капли крови на траве, но оленя не было.

Целых две ночи бродил Тирсис по лесу, но безо всякого результата. На следующее утро, выйдя с ведром в руках из своего сарая, он вдруг увидел оленя, стоявшего у опушки леса. Тирсис остановился, как вкопанный, и олень и человек рассматривали друг друга.

Пока он раздумывал, как достать ружье из сарая и не спугнуть животное, олень быстро повернулся и стрелой пустился прочь от сара. Тирсис поспешно вбежал в сарай, схватил ружье и бросился в погоню за зверем, как вдруг с правой стороны увидел другого оленя. Это был громадный самец, с большими ветвистыми рогами. Увидя Тирсиса, олень бросился бежать, но Тирсис вдогонку

выстрелил. Он увидел, как олень спотыкнулся, и, выпустив второй заряд, бросился догонять его. Олень, несмотря на рану, все еще делал чудовищные прыжки, так что Тирсис не мог поспеть за ним. Начинаящий охотник поражался выносливости животного и его гигантским прыжкам. Наконец олень упал. Тирсис смотрел на его агонию, стоя вдаль, на безопасном расстоянии. Поэты всех стран сказали бы, что Тирсис должен был чувствовать себя пристыженным, может быть, даже тронутым до слез, укоризненным взглядом громадных глаз умирающего животного. Но эти поэты, наверное, не были поставлены в такую зависимость от железнодорожного билета, как он.

Только в эту ночь он понял, как велика была его нищета. Он сидел в теплом вагоне поезда, мчавшего его в город, а там, позади, в покинутом им сарайчике, свирепствовал ветер, и термометр показывал сорок градусов ниже нуля. Тирсису было тепло, удобно, и он чувствовал в себе новый прилив сил и энергии. Всю ночь он прислушивался к стуку колес быстро мчавшегося поезда, и в их ритмическом стуке ему чудились слова: „Этелинда Льюис! Этелинда Льюис! Этелинда Льюис!“

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ПРЕДЕЛ РАБСТВА

1.

Все лето Коридон жила надеждой, что муж наконец выпишет ее к себе. Но теперь для нее стало ясно, что они будут жить врозь еще часть зимы. Она писала ему сначала длинные письма, полные надежд, сомнений и негодования, но наконец решила примириться с неизбежностью. От нее потребовалась еще большая жертва: ей было совершенно запрещено видеться с Тирсисом. Если муж не может содержать свою жену, говорил свет, то, очевидно, он не должен жить с ней. Это лучший способ заставить такого мужа одуматься. Тирсис и Коридон решили, что они будут жить в одном и том же городе, обмениваясь письмами.

Какое странное чувство испытывал Тирсис, зная, что Коридон так близко от него и не имея возможности ее увидеть! Теперь ему тяжело было поселиться в той части города, где они жили раньше вместе, и он снял себе комнату где-то на окраине города. Вычистив сапоги и купив новый воротничок, он написал мисс Этелинде Льюис, прося назначить день свидания. Пока он ждал ответа, с ним приключилась довольно странная история.

Вот уже шесть месяцев, как Тирсис не видел своего ребенка, а в письмах Коридон сообщала о нем такие удивительные вещи! Сколько надежд, сколько мечтаний было связано с ним, сколько молитв вознесено за него! Тирсис двадцать два часа сидел у постели, ожидая его появления на свет. Порой им овладевало такое страстное желание увидеть его, дотронуться до него, до своего ребенка. Он написал наконец Коридон, что для него это невыносимо, что он хочет увидеть своего ребенка. Коридон поняла мужа, и они условились, что Тирсис будет в условленном месте парка, и нянька привезет туда Цедрика.

В назначенный час он пошел в парк и сел на скамейку в условленном месте. Прошел час. Наконец на дорожке показалась девушка, которая везла перед собой детскую колясочку. Он взглянул на нее. Да, она была, повидимому, ирландка, как и говорила Коридон, и вообще соответствовала описанию. Он взглянул на ребенка—и сердце его упало. Так вот каков его ребенок! С рыжими волосами, с приплюснутым носом и вообще с внешностью. Тирсис опять взглянул на няньку, и та улыбнулась. Когда она прошла мимо, он опустился на скамью. Великий боже, неужели это возможно, что этот урод—его ребенок? Ужас охватил Тирсиса. Это было похоже на кошмар.

Ни одного ребенка больше не видно было вблизи. Он прождал еще с час, но никого не дождался. Наконец он почувствовал, что эта неуверенность для него невыносима. Он поспешил на ближайший телеграф и дал телеграмму: „У ребенка рыжие волосы? Был он в парке?“ Придя домой, он стал ждать. Скоро пришел ответ: „У ребенка золотистые волосы. Нянька больна. Не могла прийти“.

Тирсис прочел телеграмму, запер дверь за посыльным и разразился диким хохотом. Он стоял посреди комнаты, простирая руки вперед, как бы призывая потомство в свидетели вопросом: „Какого вы мнения относительно этого?“ Целый час он сидел на кровати, опершись руками в подбородок, и снова спрашивал потомство: „Узнаете ли вы когда-нибудь, что мне пришлось пережить? Поймете ли когда-нибудь, чего мне стоят мои книги?“ Он угрюмо усмехнулся, вспомнив слова Вольтера: „Письма, адресованные потомству, редко достигают своего назначения“.

2.

Тирсис получил ответ на письмо, посланное Этелинде Льюис, и направился к ней. Этелинда Льюис жила в роскошной квартире на Риверсайд Драйв.

Это была маленькая, изящная женщина, с ямочками на щеках. Повидимому, она только что вышла из благовонной ванны. Тирсис сел на кончик стула и в смущении смотрел на нее.

— Я страшно заинтересовалась вашей пьесой,—начала она, усевшись на софе.—Это в высшей степени оригинальная вещь. А вы, оказывается, еще очень молоды, совсем мальчик! Я лично думаю, что у вас большой талант.

Тирсис в смущении пробормотал что-то.

— Дело только в том,—продолжала она,—что многое в пьесе придется порассмотреть прежде, чем пустить ее на сцену.

— В каком отношении?—спросил он.

— Видите ли,—продолжала мисс Льюис,—я буду играть Елену, и мне хотелось бы выдвинуться. Поэтому мне необходимо иметь здесь любовную сцену.

— Но,—протестовал поэт,—то, что вы хотите заставить меня изменить, и составляет главное содержание моей пьесы.

— Что вы хотите сказать?

— Это новый род любви,—запинаясь, говорил он,—непохожий на обыкновенную любовь.

— Но публика не в состоянии понять такую любовь.

— Но, мисс Льюис, потому-то я и написал эту пьесу. Я хочу заставить ее понять.

— Но это невозможно сделать на подмостках театра,—продолжала мисс Льюис.—Публика не станет ходить на вашу пьесу.—И она стала объяснять ему, какие качества пьесы могут дать успех автору.

Тирсис слушал, и ему казалось, что сердце его стынет, как будто ему в грудь положили кусок льда.

— Но если я сделаю то, чего вы от меня хотите, то это будет уже не моя пьеса, а пьеса какого-то другого автора.

Он чувствовал себя совершенно больным от разочарования, но так далеко идти на компромисс он был не в силах и не мог сделать из своего „Гения“ романической истории.

Наконец воцарилось молчание; мисс Льюис больше нечего было сказать.

— Я полагаю, вы теперь не захотите взять мою пьесу?—спросил Тирсис слабым голосом.

— Я не знаю,—ответила она с некоторым колебанием.—Я подумаю еще об этом и поговорю с моим антрепренером. Я не рассчитывала, что дело примет такой оборот.

Они расстались. На следующее утро он получил письмо от Робертсона Джонса, в котором тот просил его зайти немедленно к нему.

3.

Робертсон Джонс был крупный человек, с цветущей наружностью и уверенными манерами, типичный образец делового человека, привыкшего вертеть людьми. Было очевидно, что он и Тирсиса пригласил для того, чтобы повернуть его так, как ему было нужно.

— Мисс Льюис говорила мне, что вы не соглашаетесь сделать изменения в пьесе,—начал он.

— Нет,—слабым голосом ответил Тирсис.

Мистер Джонс принялся убеждать Тирсиса. Он говорил ему о том, что он намерен сделать с его пьесой. Мисс Льюис была восходящей звездой сцены, и он хочет удержать ее во что бы то ни стало. Он разрешил ей выбрать самой роль. Знаменитые драматурги добились чести написать для нее пьесу, но она остановила свой выбор на его „Гение“.

— Лично я не верю в успех пьесы!—говорил мистер Джонс.—Мне никогда бы не пришла мысль поставить ее на сцене,—она не из тех вещей, которые способны заинтересовать публику. Но мисс Льюис она понравилась. Она читала Ибсена, и ей хочется играть „идейную драму“ и прочее в этом же духе, понимаете? Все это прекрасно! Она из тех артисток, которые способны создать успех всему, за что они ни возьмутся. Но вы, с своей стороны, тоже должны что-нибудь сделать для нее—дать ей возможность выказать свое обаяние. Иначе, разумеется, поставить вашу пьесу—прямо невозможно.

Мистер Джонс замолчал.

— Мне очень жаль,—начал слабо Тирсис.

— В чем причина вашего отказа?—прервал его тот.

Тирсис пробовал дать объяснение: он написал пьесу, чтобы развить известную идею, а его просят сделать такие изменения, после которых от его идеи ничего не останется.

М-р Джонс продолжал говорить о том, что им будет сделано с пьесой. Ее сейчас же начнут репетировать, и первого февраля она пойдет в театре на Бродуэй. Они будут ему выплачивать четыре, шесть и восемь процентов, и он будет получать не менее трехсот долларов в неделю. С Этелиндой Льюис в главной роли пьеса может идти до самого июня.

Голова у Тирсиса кружилась, пока он выслушивал все эти заманчивые обещания. Это походило на другое знаменитое искушение: „Дьявол увел его на высокую гору и оттуда показал ему все царства земные“.

— А там есть еще Англия,—продолжал антрепренер.

— Нет, нет!—дико вскричал Тирсис.—Нет!

— Я совершенно не представляю себе, как бы я мог это сделать.

— Ну, это очень легко устроить. Предоставьте мне, я найду человека, который вам в этом поможет. Есть такой Ричард Габертон. Вы знаете, кто это?

— Нет,—негромко ответил Тирсис.

— Это автор „Брильянта раджи“. Его пьеса идет уже третий сезон. Мы уже выплатили ему около шестидесяти тысяч долларов. Он возьмет вашу пьесу и сделает с ней, что надо, и вам не придется ни пальцем пошевелить.

Тирсис в волнении вскочил на ноги.

— Пожалуйста, не просите меня, м-р Джонс!—воскликнул он.— Я просто не в состоянии этого сделать.

Впоследствии, вспоминая этот разговор, Тирсис удивлялся, что „великий“ Робертсон Джонс так долго утруждал себя разговором с неизвестным никому автором пьесы, в которую он, по личному признанию, не верил. Может быть, только упорное сопротивление Тирсиса побуждало его так упорствовать? Или, быть может, он сказал Этелинде Льюис, что добьется того, чего она хочет? Как бы то ни было, но он упорно хотел повлиять на Тирсиса и вскрыть самую его душу. Наконец он начал раздражаться и чувствовал себя прямо оскорбленным поведением этого юноши. И Тирсис, подавленный своим горем, униженно оправдывался в своем упорстве: он проводил известную идею в своей пьесе и не мог отказаться от нее.

— Но,—продолжал настаивать антрепренер,—пишите другие пьесы и проводите в них свои идеи. Если вы только будете иметь успех на Бордуэй, вы можете писать все, что вам угодно, и диктовать свои условия при постановке пьесы.

Эта мысль уже приходила в голову Тирсису и едва не сломила его сопротивление. Может быть, он в конце концов и поддался бы, если бы самая пьеса не была еще так свежа в его памяти, если бы она не была так дорога ему, если бы у него было время разочароваться в ней, как это было с его первой вещью, или если бы он потерял всякую надежду пристроить ее, как это было с его другими рукописями. Но это детище его фантазии было еще слишком дорого ему, и оторвать его от груди, чтобы предать в руки мясника, было выше его сил!

4.

Он расстался с м-ром Джонсом и отправился домой, чтобы пережить два самых несчастных дня своей жизни. Он произнес свое „отыди сатана“ и повернулся спиной к „царству мира сего“, и добродетель была единственной его наградой за то, что он преодолел искушение. Тирсис должен был чувствовать глубокое удовлетворение от этого сознания, он хотел глубже проникнуть в положение вещей и задавал себе мятельный вопрос—почему сатана всегда соблазнял „царством мира сего“? Тирсис не желал никакого царства,—он хотел только,

чтобы ему дали возможность жить в деревне вместе со своей женой и ребенком. Почему же для того, чтобы добиться этого, поэт должен был поклониться сатане?

На третье утро после памятного разговора Тирсис получил второе письмо от Робертсона Джонса. Это было короткое деловое письмо, поразившее Тирсиса, как громовым ударом.

„Мисс Этелинда Льюис решила взять вашу пьесу в том виде, как она написана. Посылаю вам в двух экземплярах образец контракта, и если вы найдете условия приемлемыми для себя, то будьте любезны подписать один экземпляр и прислать его мне, а другой оставить у себя“.

Вскоре после этого Тирсис прочел об одном юном драматурге, умершем от разрыва сердца, и он не удивился этой смерти: если всем драматургам приходится переживать такие же моменты, какие переживал он, то такой конец являлся вполне естественным. Он едва верил своим глазам и перечитал письмо два или три раза. Прочитал контракт, на котором была подпись м-ра Джонса. Он ничего не смыслил в театральных делах, но этот контракт показался ему заманчивым. Он устанавливал известный процент с валового сбора, который Тирсис должен был получать после того, как покроются затраты на постановку. Тирсис надеялся, что ему дадут хоть какой-нибудь аванс, но об этом в контракте не упоминалось. В первом порыве восторга он решил не предъявлять больше никаких требований и, чтобы не рисковать участью пьесы, подписал контракт и отослал его, а Коридон послал телеграмму, спеша сообщить ей счастливое известие.

5.

Одним из последствий этой победы была покупка Тирсисом нового галстука и дюжины воротничков. Вторым последствием было то, что недовольное Тирсисом общество наконец смягчилось по отношению к нему и разрешило увидеться с женой и ребенком.

Встреча произошла в парке. Как странно для него было видеть Коридон после полугодовой разлуки! Она была хороша, как всегда, только чуточку бледнее обыкновенного, но ореол материнства попрежнему сиял над ее головой. Он едва осмеливался верить, что она принадлежала ему. Она казалась ему видением, чудесным и волнующим, но призрачным, бесплотным существом. Она взяла его под руку и прильнула к нему, вся трепеща от восторга и спеша излить перед ним свою тоску и свое томление в разлуке с ним. Они переживали одно из тех счастливых мгновений, когда души

их сливались вместе в одном могучем порыве любви и веры в будущее.

Еще более странное чувство переживал Тирсис при взгляде на ребенка. Так необычайно было для него иметь возможность смотреть на него, сколько хочешь, разговаривать с ним, держать его на руках. Это был прелестный ребенок, и Тирсису не приходилось приносить себя, чтобы выказать к нему интерес. Тирсис покатила его коляску в парк, и там, сидя на скамейке, они любовались им. Он уже умел издавать звуки, и в его лексиконе было новое слово „пусси“, которым он обозначал все движущиеся предметы, а во рту уже было целых четыре зуба.

Как сильно ни любил Тирсис своего ребенка, но художник в нем протестовал против этих уз привязанности. Куда девался теперь этот беззаботный взгляд, эта беспечность, способность наслаждаться жизнью, как интересным зрелищем, столь необходимая для художника? Человек, имеющий жену и ребенка, не любит больше трагедиями,—он переживает их. Он становится робким, осторожным и рассудительным,—а эти качества не свойственны художнику. Он начинает понимать, что жизнь есть нечто реальное, серьезное и что не могила—цель ее.

6.

Тирсис переживал теперь дни, полные надежд, но в то же время ему приходилось много и упорно работать. Пьеса должна была пойти только в январе, а до тех пор надо же было чем-нибудь жить. Необходимо было также отложить кое-какую сумму, так как после репетиции пьесы пойдет сначала в провинции и Тирсису придется ездить следом за труппой; хотелось ему также взять с собой и Коридон.

Репетиция ввела Тирсиса в новый и интересный для него мир. Сам Тирсис был очень застенчив и любил таить в себе свои чувства. Теперь же он встретился с актерами, людьми, профессия которых заставляла их жить на людях. Эти люди были, как большие дети, суетные, чувствительные, и к их настроениям нельзя было относиться серьезно.

Мистер Робертсон Джонс наметил актера на роль Ллойда, но мисс Льюис с негодованием отказалась иметь его своим партнером, найдя, что он недостаточно красив. „Уж если,—объявила она,—мне придется быть отвергнутой человеком, которого я люблю, так пусть, по крайней мере, это не будет урод“. Наконец исполнитель роли был найден, и Тирсис, поговорив с ним, решил, что мисс Льюис, озабо-

ченная наружностью своего партнера, не придавала никакого значения его умственным способностям. Впрочем, для Тирсиса это тоже не имело большого значения, так как ему вообще была невыносима мысль, что какой бы то ни было актер будет играть эту роль,—образ Ллойда был слишком дорог ему и близок его душе.

Но, как только начались репетиции, Тирсис забыл об этом чувстве. Он представлял себя в положении изобретателя, который создал в воображении своем огромную машину, а видит только части этой машины.

Репетиции происходили в маленьком зале на Ист-Сайд. Обстановки там не было, актеры были в обычных костюмах и читали свои роли по тетрадке. Но с каждой новой репетицией исполнители вкладывали все больше экспрессии в слова, которые они произносили, и перед глазами Тирсиса они стали мало-по-малу вырисовываться, как воплощение созданных им образов. Эти образы были созданиями его фантазии, он сжился с ними—и видеть их теперь, и слышать, как какие-то реальные существа! Это было одно из самых странных ощущений, какие он когда-либо испытывал.

По мере того, как актеры начинали все более и более входить в свои роли, возбуждение Тирсиса росло. Машина была пущена в ход, и он мог составить себе ясное представление о степени ее силы. Постепенно к участию в пьесе привлекались все новые и новые люди. Явился композитор, который должен был написать вводные музыкальные нумера, за ним капельмейстер, затем оркестр, который должен был их выполнять, наконец костюмер и декоратор и даже представитель прессы, пожелавший узнать от Тирсиса кое-какие любопытные подробности из жизни автора. Коридон и Тирсиса пригласили выбирать парики, посмотреть на работу плотников. Выходя на улицу после репетиций, они оба с трудом удерживались, чтобы не броситься друг другу в объятия тут же на улице.

Тирсис переживал теперь самый значительный период своей жизни. Первый раз он нашел поддержку со стороны общества, первый раз общество не встречало его бранью и насмешками. Наконец-то его признали, а это был уже успех! Предметы материального мира подчинились образам его фантазии и пришли к нему на помощь, чтобы вместе с ним участвовать в создании красоты. Эти настроения породили новые планы. Даже в самый разгар репетиций он мечтал о том, как напишет другие вещи. Незадолго перед тем, как „Гений“ стал достоянием публики, он уже закончил „Людей будущего“—лучшую вещь, когда-либо написанную им, и наиболее характерную для него.

7.

Как часто бывает, поводом к созданию нового произведения послужило самое обыкновенное событие, виновницей которого была мисс Льюис. Она заинтересовалась Тирсисом, который представлял для нее новый, еще неизвестный тип, и ей захотелось разгадать его. „Каким образом вам удалось женить его на себе? — спрашивала она Коридон. — Я бы с таким же успехом могла добиваться любви мраморной статуи“. — Она рассказывала всем о странном поэте, который, несмотря на то, что едва не умирал с голоду, все же отказывался отдать свою пьесу для переделки Ричарду Габертону и не соглашался ни на какие уступки перед м-ром Джонсом. Как-то она сказала Тирсису, что один из ее друзей желает с ним познакомиться и приглашает его на ужин.

Тирсис был в замешательстве.

— На ужин? — воскликнул он. — Нет, не могу.

— Почему не можете?

— У меня нет подходящего костюма.

— Всякий знает, что у поэтов гардероб не богат, — смеясь проговорила мисс Льюис. — К тому же, Барри настоящая богема.

Барри Крестон, инициатор этого ужина, был одним из сыновей Крестона, владельца рудников и „железнодорожного короля“, который недавно был, при довольно скандальных обстоятельствах, избран сенатором от западных штатов.

Это предложение очень стесняло Тирсиса. Барри и ему подобные не представляли для него интереса, но, с другой стороны, он не желал огорчать мисс Льюис, которая во что бы то ни стало хотела показать своего „льва“. И он согласился.

Ужин был назначен в „Café de Bohème“, который представлял собою дворец Аладино, перенесенный в подземелье. В мраморных бассейнах били фонтаны; птицы пели на ветках цветущих тропических растений, а на маленькой сцене человек в костюме и гриме парижского „апаша“ распевал невероятно циничную песенку. После него появился японский фокусник, затем толстая немка в костюме крестьянки, распевавшая народные песенки. Потом компания стала подтягивать хор „funiculi, funiculi“ и „Gaudeamus igitur“, так как все посетители, „Café de Bohème“ были космополитами.

Космополитичной была и компания, сидевшая за столом Барри Крестона. По одну сторону Тирсиса сидела мисс Льюис, а по другую — мадемуазель Арман, танцовщица, вызывавшая фурор в Нью-Йорке! Напротив него сидел Скарпи, знаменитый баритон. Там был

и Массе, скульптор из Парижа, и мисс Рита Сетон, из „Красного Гусара“, и мисс Раймонд, ослепительная женщина с пером красного фламинго на шляпе, служившая моделью скульптору Массе для его сенсационной „Авроры“.

Наконец, здесь был сам Барри Крестон — тип нового человека, сбивший с толку Тирсиса. Это вовсе не представитель „золотой молодежи“, каким представлял его себе Тирсис. Он был человек лет тридцати, всесторонне образованный, учтивый, с изящными манерами, и в то же время он производил впечатление человека сильного. Он был совершенно свободен от скверной привычки беспрестанно говорить о себе, что, как заметил Тирсис, было характерной особенностью американских богачей. Он говорил по-французски с мадемуазель Арман, по-италиански со Скарпи и по-немецки с мэтр-д'отелем, относившимся к нему с особенным почтением. И, однако, ни у кого не являлось такого чувства, что все это делалось из тщеславия. И хотя он распространял вокруг себя атмосферу неисчерпаемого богатства, но и это он умел делать так, что никому не было обидно: он умел дать понять, что считает своих компаньонов обладателями такого же неисчерпаемого богатства, что, в его глазах, весь мир находится в столь же счастливом положении, как и он сам.

Тирсис присматривался к расточительности и суетности посетителей отеля, — все они так слепо швыряли своими деньгами, смеялись, болтали и подтягивали хором распевавшим на подмостках.

Барри был одним из принцев нового строя и, повидимому, не думал ни о чем другом, как только о том, чтобы выказать себя гостеприимным хозяином перед блестящими представителями артистического мира и дамами полусвета.

Но внезапно разговор принял неожиданный оборот, который вызвал юного принца еще и с другой стороны. В копиях на Западе были недовольства среди рабочих, и, когда кто-то из присутствующих упомянул об этом, Тирсис увидел, как сжались кулаки у этого изящного сына Крестона и каким холодным стальным блеском сверкнули его глаза. Барри, повидимому, заведывал копиями уже в течение трех лет. Он со спокойной улыбкой рассказал о том, как он уничтожил стачки. Но теперь „агитаторы“ проникли в копи снова, так что в некоторых местах пришлось прогнать весь прежний состав рабочих, заменив их иностранцами. Для проведения этой меры потребовалась помощь милиции, но все-таки это было сделано, и волнения прекратились.

Ужин закончился в два часа ночи. Тирсис, к своему великому удивлению, убедился, что Барри почему-то заинтересовался им, и попросил мисс Льюис привести его к нему завтракать, в загородный дворец Крестонов. Это событие и натолкнуло Тирсиса на его новое произведение — „Утописты“.

8.

В субботу утром они отправились, на автомобиле мисс Льюис, вверх по течению Гудсона. Это было новое, необычайное ощущение для Тирсиса, — он никогда еще не ездил в этом волшебном экипаже.

Наконец они подкатили к громадному каменному дворцу Крестонов, стоявшему на самой вершине горы, откуда была видна вся долина Гудсона, этого, по выражению американцев, „американского Рейна“. Тирсис не мог скрыть своего восхищения. Впрочем, ему пришлось восторгаться еще много раз в то время, как Барри водил его по своему замку. Архитекторы и чертежники, обойщики и плотники, живописцы и скульпторы всех веков и народов соединились в одном общем усилии, чтобы создать это чудо искусства. Даже хозяйственные постройки — хлева, конюшни, собачьи конуры — представляли собой нечто удивительное, достойное изучения. В громадных залах были собраны редкостные картины, перед которыми Тирсис был в состоянии простаивать часами. Но лучше всего была громадная веранда, с каменными колоннами, откуда открывался чудный вид на реку и на покрытые снегом вершины гор, ослепительно сверкавшие под лучами солнца.

Сели завтракать. После завтрака Барри стал играть на органе, а мисс Льюис села около него, предоставив Тирсиса самому себе, и он имел возможность отдаться чувству восхищения. Он вышел на веранду и несколько раз прошелся взад и вперед. Звуки органа доносились сюда... И внезапно в одном неудержимом, могучем порыве воспрянула душа его, — он думал о той жалкой конуре, в которую загнала его судьба, думал о своем полуголодном существовании, полном непрерывной борьбы... И вся злоба загубленного таланта поднялась в нем. Во имя этого таланта он бросил свой вызов, именем его он овладел этим замком и всем, что в нем находится. Да, — потому что он один был настоящим господином и хозяином всего этого, — он был принц, лишенный наследства. Только этот краткий миг его торжества придавал смысл всему этому великолепию, только он один служил ему единственным оправданием. Ради этого мгновения соединились архитекторы, живописцы и скульпторы всех веков и

народов, ради этого был построен этот громадный орган, ради этого великий композитор сочинил эту музыку — все ради того, чтобы Тирсис, в миг просветления, мог представить себе, какой будет жизнь человека в ту счастливую пору, когда все искусства будут служить только для того, чтобы воспитывать душу, когда такие люди, как он, носящие в глубинах своего духа семена новой жизни, будут возбуждать любовь вместо ненависти, будут пользоваться уважением вместо презрения, когда дворцы будут строить для них, когда красота и радость будут их уделом и путь их будет свободен от препятствий. С чувством бесконечной любви он расскажет об этом времени людям, он принесет им свои неоцененные дары, сокровища своего вдохновения.

Образы людей будущего рисовались в воображении Тирсиса. Это — люди будущего, религией которых будет радость. Они являлись ему, живые, облеченные в плоть и кровь, прекрасные, благородные, великодушные. И настанет день, когда они действительно придут, если не прекратится жизнь самой земли. И они будут стоять на этой веранде, и слушать эту музыку, и любоваться долиной американского Рейна. Вспомнят ли они тогда давно умершего мечтателя? Вспомнят ли, как они ходили в этом замке и разговаривали с ним, как обвивали его руками, как дарили его любовью и сочувствием? Вспомнят ли они, какую дрожь восторга вызывало в нем одно предчувствие их появления? Какие слезы текли по его лицу, как он был готов обречь свою душу еще на несколько годов страданий, чтобы только осуществилось их величие на земле? Прочтут ли они пламенные слова, которыми он изобразит их? Услышат ли трубный звук, которым он будет пытаться пробудить мертвые души своих современников?

Тирсис знал, что это был значительный час в его жизни, и он делал безумные усилия, чтобы удержать эти видения. Но музыка замолкла, и он услышал голоса хозяина замка и мисс Льюис. Они стояли в дверях... И мысли Тирсиса снова спустились на землю. Он увидел, что рука Барри Крестона лежит на талии женщины, а она склонилась к его плечу. Увидя его, они не изменили положения, и улыбка играла на их лицах, так что Тирсис сразу догадался о характере их отношений. Глядя на них, он подумал: „Люди будущего должны любить иначе“. Он задавался вопросом — был ли молодой Крестон таким же деспотом с женщинами, каким он оказался по отношению к рабочим на рудниках Запада?

К крыльцу подкатил автомобиль. Тирсис и мисс Льюис расстались с хозяином замка и укатили обратно в город. „Какого вы

мения о нем?" — спросила мисс Льюис. И она откровенно рассказала Тирсису, что счастливым случаем в своей жизни он обязан этому принцу нового строя: Барри Крестон дал возможность „выходной“ актрисе на Бродуэй сделать популярной артисткой. Барри Крестон пробудил в ней интерес к Ибсену и „идейной драме“ и вызвал в ней новый род честолюбия; и, наконец, Барри Крестон в счастливую минуту дал денег, которые заставили и антрепренера, и актеров, и музыкантов, и декораторов, и плотников работать над воплощением его „Гения“.

9.

Это могло быть простым совпадением. Как бы то ни было, но с этого момента началось отравление Тирсиса, и он стал иными глазами смотреть на все, что касалось его пьесы. Он задавался вопросом: неужели что то богатство, каким обладал Барри Крестон, может купить истинное искусство? Неужели силы, вызванные этим богатством, могут на самом деле воплотить его образы? „Гений в сетях капитала“ — такова была идея его пьесы. Разве не выражала она не только положение его героя, но и его собственное положение?

По мере того, как разучивание пьесы подвигалось вперед, недовольство Тирсиса все росло. Он уже имел теперь возможность судить об игре актеров, и они стали казаться ему посредственностями, впадающими в шарж и способными сделать из пьесы подобие фарса. Но когда он решился указать на это мистеру Таппингу — главному режиссеру, — тот счел себя обиженным. Когда он сказал об этом мистеру Джонсу, тот сослался на мисс Льюис. Но все, чего он мог добиться от мисс Льюис, это — убедить ее отказаться от требования прибавить хоть сколько-нибудь „обаяния“ к ее роли. Бедная Этелинда также чувствовала себя очень несчастной: она начала сомневаться, действительно ли „идейная драма“ была ее призванием. Она имела обыкновение советоваться со своими друзьями и всегда придерживалась мнения своего последнего собеседника.

Приближалось время первого представления, которое должно было иметь место в одном из мануфактурных городов Новой Англии. Нервы всех участников натянулись до крайней степени. Генеральная репетиция началась в воскресенье, в шесть часов вечера. С самого начала все шло не так, как следует. Но Тирсис еще не знал, по неопытности, что на всякой генеральной репетиции все идет не так, как следует. И он переживал невыносимые мучения, видя ошибки артистов. Мистер Таппинг сердился, волновался и прыгал по

сцене и заставлял актеров по несколько раз повторять одну и ту же сцену, так что только к двенадцати часам ночи они кончили первый акт, в шесть часов утра разделились со вторым, и только в двенадцать часов дня в понедельник измученные актеры и актрисы отправились спать.

Тирсис ушел раньше отчасти потому, что ему тяжело было видеть всю эту сумятицу, отчасти потому, что ему предстояло говорить речь на первом представлении. Пришлось истратить два доллара на то, чтобы взять на прокат фрак.

Наконец настал час спектакля. Сидя в ложе, Тирсис смотрел на сцену и на зрительный зал с чувством игрока, поставившего на карту все свое состояние. Театр был полон. Автор с чувством облегчения убедился, что все страдания предыдущего вечера были совершенно напрасны, — спектакль шел гладко от начала до конца. И, к величайшему удовольствию, он увидел, что пьеса как будто нравится публике. Он смотрел на почтенных граждан этого благоденствующего мануфактурного города и задавался вопросом: что могут они понимать в этой трагедии гения? Но они, казалось, понимали кое что, по крайней мере, они смеялись и аплодировали. Когда же в конце второго акта, Ллойд разбил свою скрипку о голову профессора Арна, по зале пробежал ропот удовольствия.

Тирсис вышел на сцену и робко произнес краткую речь, которая также была встречена аплодисментами. Наконец настал последний акт. Женщины повынимали свои платки, а м-р Розенберг, стоя позади Тирсиса, радостно потирал руки. Тирсис послал жене телеграмму, в которой извещал ее, что пьеса имела значительный успех. Когда он лег спать, он был, без сомнения, счастливее всех людей, когда-либо ночевавших в этом дешевом отеле.

Но на следующее утро вышли местные газеты, и все они, в один голос, разнесли его пьесу, почти в тех же выражениях, в каких оба профессора критиковали концерт Ллойда. Тирсису пришло в голову: не обижены ли критики его насмешкой над ними?

Когда он пришел в театр, первым лицом, попавшимся ему на встречу, был м-р Розенберг, нанесший еще один удар его авторскому самолюбию. „Первое представление всегда сходит хорошо, — сказал он. — Это все газеты, вы понимаете! А вот сегодня вечером будет настоящее испытание“.

Наступил день второго представления. В театре было всего около двухсот человек, и настроение зрительного зала ничего хорошего несчастному пионеру „идейной драмы“ не предвещало. Следующее представление пьесы состоялось уже в другом городе. В театре

также было человек двести-триста, и настроение зрителей было равнодушно холодное.

10.

В двенадцать часов ночи в одной из комнат отеля происходило совещание, состоявшее из Тирсиса, мисс Льюис, м-ра Таппинга и м-ра Джонса.

— Вы видите,—сказал последний,—что пьеса провалилась.

— Абсолютно!—произнес м-р Таппинг.

— Я знала, что так будет!—воскликнула мисс Льюис.

— Что вы скажете?—спросил мистер Джонс у Тирсиса.

— Она не имела успеха в этих городах, — сказал Тирсис.—Да и мудрено ждать успеха здесь, в этом городе, где совершенно нет интеллигентной публики. Вы обещали поставить ее в Нью-Йорке.

— Это бесполезно! — объявил Джонс. — Нью-Йорк высмеет ее в первый же вечер.

— Это так и будет!—произнес м-р Таппинг решительным тоном.

— Я все это предвидела!—воскликнула мисс Льюис.

Они поговорили еще минут десять. Наконец Тирсис с ужасом в глазах спросил их:

— Что же вы намерены делать?

— Пьесу нужно изменить,—сказал мистер Джонс.

— Как изменить?

— Изменить в том смысле, как вас просила мисс Льюис с самого начала.

Тирсис вскочил.

— Что?—воскликнул он.

— Это необходимо сделать!—сказал м-р Джонс.

— Необходимо!—подтвердил м-р Таппинг.

— Я предвидела это,—повторила мисс Льюис.

— Но я не согласен на это!—диким голосом закричал Тирсис.

— Это нужно сделать!—повторил м-р Джонс решительным тоном.

— Но я не хочу этого!

— Что же вы сделаете?

— Я обращусь к защите закона.

— А разве в контракте есть такой пункт, который препятствовал бы нам изменить пьесу?—невозмутимо спросил м-р Джонс.

— Что?—задышавшись, воскликнул Тирсис. — Вы ведь знаете, каков был наш договор?

— Вы можете это доказать?

— Вы хотите сказать, что вы отступитесь от своих слов?

— А вы думаете, я буду смотреть, как уплывают мои деньги?

Тирсис в отчаянии обратился к мисс Льюис:

— Вы разрешите ему нарушить наш договор?—воскликнул он.

— Но что же остается делать?—спросила она.—Разве вы не видите, что пьеса провалилась? И разве вы не понимаете, в какое положение поставили меня?

Тирсис в отчаянии не мог ничего сказать. Он с ужасом смотрел то на одного, то на другого из присутствовавших, и настроение его падало. Он видел, что его дело безнадежно. У него не было никого, кто бы мог помочь ему, дать добрый совет, а в кармане у него оставалось всего одиннадцать долларов.

— Что же вы намереваетесь делать? — спросил он слабым голосом.

— Я уже телеграфировал Ричарду Габэртону,—сказал Джонс.— Он приедет и посмотрит следующие два спектакля. А потом мы снимем пьесу с репертуара до тех пор, пока нам не удастся сделать из нее нечто такое, что будет удовлетворять вкусам публики.

На том дело и кончилось. Тирсис попрощался со всеми и, совершенно разбитый, уехал с первым поездом обратно в Нью-Йорк.

Он ни разу потом не встретился ни с кем из этой компании и никогда не увидел, что сделал из его „Гения“ Ричард Габэртон. Но из газетных вырезок он узнал, что знаменитый автор „Брильянта Раджи“ заставил Елену пасть в объятия Ллойда в конце второго акта, а в начале третьего поженил их если не совсем удачно, то во всяком случае беспрепятственно. Он написал также несколько любовных сцен для Этелинды Льюис, и две недели спустя пьеса шла в первый раз в одном из мануфактурных центров Новой Англии, и критики, видя на афишах фамилию популярного драматурга, приветствовали ее сдержанными похвалами. Как бы то ни было, публика все же посещала эти представления, правда, не в большем количестве, чем раньше, но все же незаконнорожденное детище это выдержало еще шесть представлений, после чего почил мирной смертью у самого входа в столицу.

Вот чем кончилась карьера Тирсиса, как драматурга. В награду за свой труд, за все свои страдания он через несколько недель получил письмо от Робертсона Джонса, что постановка „Гения“ дала чистого убытка шесть тысяч семьсот сорок два доллара семнадцать центов и что, следовательно, согласно контракту, автору ничего больше не причитается.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ДОМ ПЫТОК

1.

Тирсис вернулся домой разбитый, уничтоженный, с сердцем, полным горечи, отчаяния и злобы. В парке он встретился с Коридон. Она выслушала его, побледневшая, испуганная. Она так терпеливо выносила свое одиночество, сидела безотлучно дома с ребенком, пока он возился с пьесой,—и вот результат всего этого.

— Что же ты теперь будешь делать?—шопотом спросила она.

— Не знаю! Не знаю!—только и мог ответить он.

Она видела, в каком ужасном состоянии он находился, и ни словом не заикнулась о своем собственном настроении. Она только кусала губы и старалась удержать слезы. „Такова моя жизнь,—пронеслось в ее голове:—я должна терпеть, терпеть—и больше ничего“.

Он не мог долго оставаться и беседовать с ней: они не могли позволить себе такой роскоши—не могли долго предаваться отчаянию. Деньги у него все вышли, да, кроме того, было еще много долгов. С тех пор, как неправильное питание стало отзывать на его здоровья, он начал столоваться у одной своей знакомой, которая держала пансион. В надежде на его будущий заработок, она верила ему в долг, но теперь, когда пьеса провалилась, все его надежды рушились. Он пошел объясняться с ней, и ему пришлось опять выслушать ее упреки за то, что он отказывался „занять положение“. В конце концов она попросила его приходить обедать попрежнему, и, таким образом, Тирсис был вынужден колебаться между чувством стыда и необходимостью что-нибудь есть ежедневно. Время шло, а просвета не было видно. В эти недели ему пришлось пережить много тяжелых минут, полных стыда и унижения.

Это был типичный дешевый пансион, где собирались представители всех тех профессий, которые так ненавидел Тирсис-

Но он был одинок, и ему нужен был хоть какой-нибудь отдых. С течением времени он познакомился с некоторыми из молодых людей. Одним из развлечений в их жалком, ограниченном существовании была некрупная игра в „бенни-анте“ или в „двадцать одно“. Как-то раз, когда им не хватало партнера, они предложили Тирсису присоединиться к ним.

И тут впервые в жизни Тирсис познал, что значит вручить свою душу в руки богини случая. С восьми часов вечера до двух ночи он просидел в душной комнате, отравленной дымом сигар, тщетно стараясь вернуть проигранные им в самом начале два доллара; раскрасневшийся, дрожащий от волнения, он презирал себя жгучим презрением. И тут он открыл в себе порок: он узнал, что в нем живет душа игрока. Весь остаток зимы прошел у него в борьбе с этой позорной слабостью. Он отправлялся обедать, измученный, с тоской в душе, а они снова начинали упрашивать его присоединиться к играющим. И он—человек, имеющий пред собой великую миссию—поддавался их увещаниям. В течение зимы его трижды затягивало омут. В день рождения Вашингтона он начал играть с утра и прекратил игру лишь далеко за полночь; он отрывался на минуту только для того, чтобы перекусить чего-нибудь. Этот опыт, вынесенный им из жизни, сделал его кротче и снисходительнее к людским слабостям, чем он был до сих пор. Он понял, как грязь засасывает человека и как быстро и незаметно опутывает душу дурная страсть.

2.

Он ничего не говорил Коридон об этой позорной слабости и избегал даже встреч с ней: так глубоко и безысходно было его отчаяние. Наконец от Коридон пришло письмо—очень длинное и необычного содержания. Повидимому, у Коридон было свое горе.

„Я пишу второпях“,—писала она,—„хочу отправить письмо, пока решимость не покинула меня. Я, по крайней мере, раз двенадцать решалась сказать тебе или написать обо всем, но каждый раз меняла решение. Но в настоящее время я дошла до такого состояния, когда мне необходима твоя помощь. Ты найдешь тут длинное письмо, которое я писала тебе несколько лет тому назад, перед нашей свадьбой. Просматривая на днях старые бумаги, я наткнулась на него. Обыкновенно я рву те письма, которых я не послала тебе. Но что-то заставило меня сохранить в целости это письмо, у меня было предчувствие, что оно когда-нибудь сможет представить интерес для тебя“.

Тирсис стал читать это письмо, полное тоски и ужаса.

„Я умоляю вас быть со мной терпеливым на этот раз. Я хочу собраться с силами, чтобы сообщить вам нечто, столь неземное, глупое и ребяческое, что порою мой ужас перед этим неопишуем.

„Это случилось лет восемь тому назад, когда я лежала больная в постели. В бреду мне приходила в голову мысль, что под моей кроватью стоит гроб. Эта мысль овладела мной всецело. Я никогда не могла близко подойти к постели без того, чтобы мысль об этом не наполняла меня ужасом. Я была бессильна бороться с этим страхом. Не могу передать вам, как я страдала, в какую мрачную бездну отчаяния и безнадежности повергало меня это состояние. Я не в силах понять, как человек может создать себе такие мучения. Но это еще не все.

„В тот год, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я была очень огорчена, что не могла поступить в колледж, и в течение всей зимы я находилась под впечатлением этого.

„Однажды—это было прошлой зимой—я увидела написанное на заборе непристойное слово. Меня пронзила дрожь; я знала, это слово будет преследовать меня и заставит меня думать о подобных же вещах. Если мысли имеют такую власть надо мной, думала я, каким образом я избавлюсь от них? Меня страшила больше всего мысль о том, что вы сами так красивы духовно, и что вы подумаете обо мне, если узнаете, что меня осаждают подобные мысли. В состоянии ли вы понять, что мысль о каком-нибудь слове может привести меня в содрогание, мысль о том, что я в состоянии думать о чем-нибудь некрасивом? В то время, как я так страстно желаю быть воплощением самой красоты, я действительно бываю красива. Я смотрю в зеркало и там стараюсь найти в своих чертах что-нибудь такое, что укрепило бы во мне эту веру в себя.

„Последние два-три дня я опять разуверилась в себе и спрашивала самое себя: неужели для меня нет никакой надежды на земле? Я пробовала высмеять свои страхи и, чтобы успокоиться, начала играть на фортепиано. Но, окончив игру, я почувствовала такой внезапный прилив уныния, точно я сидела на цепи в тюрьме. Я вскочила и сказала себе, что не в состоянии этого больше вынести. Я скажу обо всем Тирсису, решила я. Но потом подумала: нет, скорей я умру, чем сделаю это“.

3.

Таково было содержание прежнего письма. „Теперь же“,—писала Коридон,—„я не хочу оставлять тебя в заблуждении: я не послала

этого письма не потому, что не верила в твою любовь. Я просто решила, что я должна сама справиться с этим, что с моей стороны будет слабостью, если я поступлю иначе. И теперь я пишу тебе не потому, что я все еще нахожусь во власти этих идей. Я взрослая женщина, и меня не пугают слова. Но у меня остается еще страх, что я могу опять быть напугана чем-нибудь. Во мне жива боязнь страха.

„Если бы я была в настоящее время с тобой и чувствовала себя счастливой, эти мысли не имели бы власти надо мной. Но подумай, что происходит со мной из-за моего одиночества и угнетенного состояния духа! Я не хочу делать твое положение еще более тяжелым, Тирсис, но — боже мой! — как это ужасно: всю жизнь только ждать, ждать и ждать! Ребенок будит меня по ночам, и я целыми часами лежу без сна; вот в это то время меня и преследуют эти призраки“.

Прочтя это письмо, Тирсис был менее поражен, чем того ожидала Коридон, так как она и раньше намекала на что-то подобное. Но он не думал, что подобные настроения имеют такую власть над ней.

Он пошел в парк, чтобы встретить ее там, и нашел Коридон в состоянии сильной скорби. Она уже жалела о том, что отправила письмо, и мучилась мыслью, что он почувствует теперь к ней отвращение. Но, убедившись, что она ошиблась, что он попрежнему любит ее и верит ей,—она испытала прилив благодарности.

Тирсис вынудил у нее обещание, что она будет говорить ему обо всех своих страхах и недоумениях в этой области, отбросив ложный стыд. С этих пор ему приходилось периодически выслушивать ее исповедь и помогать ей в изгнании „домового“ из недр ее души. Но едва он успевал разогнать один ее страх, как уже появлялось что-нибудь новое, столь же мучительное. И Тирсис увидел себя вынужденным дополнить свои знания изучением психопатологии. Он воспользовался своим знанием французского языка и стал читать научные трактаты о наблюдениях, сделанных в „Сальпетриер“.

4.

Прошел еще месяц, а просвета не было. Коридон снова запретили видеться с мужем, и ее тоска все росла, росла. Наконец пришло еще письмо от нее, полное самого невыразимого отчаяния. Она говорила, что необходимо предпринять что-нибудь, потому что она чувствует, что медленно сходит с ума.

„Я повторяю тебе: ты должен взять меня отсюда! Мы должны бежать из этого дьявольского города. Уйдем куда-нибудь в уеди-

нение, как ты мечтал когда-то, и будем жить, как можем; я готова скорей умереть с голоду, чем переносить то, что мне приходится переносить сейчас. Поедем в деревню, Тирсис. Ты можешь работать на ферме и зарабатывать несколько долларов в неделю,—все это будет легче, чем наше настоящее положение“.

Прочтя письмо, Тирсис долго ломал голову, придумывая выход. Наконец он решился и написал письмо Барри Крэстону. Он объяснил ему, как упорно он работал над пьесой, которая теперь окончательно погибла. Рассказал о своем настоящем положении. Ему известно, писал он, что м-р Крэстон интересовался его пьесой и что он принадлежит к числу тех людей, которые понимают жизнь художников. Не одолжит ли он ему двести долларов, которых ему хватит до тех пор, пока он не закончит другую работу?

С неделю он прождал ответа. И, когда пришло письмо, он вскрыл его дрожащими пальцами. Он наполовину был уверен в том, что из письма выпадет на пол чек. Но—увы!—оттуда ничего не выпало. „Я прочел ваше письмо“,—писал этот современный „принц“,—и всесторонне обсудил его. Я бы исполнил вашу просьбу, если бы не мое глубокое убеждение, что это может принести вам только вред. Опыт всех веков свидетельствует нам, что все художники создавали свои величайшие произведения под давлением нужды. Я не верю, чтобы истинное искусство нуждалось в денежной помощи. Ведь вы пишете для людей. И вы сами должны отыскивать средства, чтобы заставить их слушать вас. Я уверен, что если не теперь, то когда-нибудь вы мне скажете за это спасибо“.

Оставалось еще одно лицо, к которому Тирсис мог обратиться. Он сел и написал м-ру Робертсону Джонсу. Он объяснил ему, в каком ужасном положении находится из-за того, что несколько месяцев посвятил своему „Гению“. Ведь даже актеры, участвовавшие в пьесе, получили что-нибудь за свои труды. И только он, автор, не получил ничего. Он просил у м-ра Джонса одолжить небольшую сумму лично ему, обещая вернуть долг при первой возможности. М-р Джонс прислал такой ответ: „Так как пьеса провалилась исключительно благодаря вашему упрямству, то мне кажется, что этот опыт будет для вас наукой, в которой вы так нуждаетесь“.

5.

Жизнь свободного художника богата самыми неожиданными переходами. На другой день после получения этого сурового письма два солнечных луча прорезали мрак туч, сгустившихся на горизонте.

Первым таким лучом было письмо, написанное красивым почерком,—автор сообщал Тирсису, что он имеет отношение к „Свободному Народному Театру“, находящемуся в одном из городов Германии. „Примите от меня самые искренние выражения восхищения“,—писал он.—„Никогда еще в Америке не было написано пьесы, подобной вашей. Мне бы очень хотелось перевести ее, чтобы познакомить с ней Германию. Мы не можем дать большого вознаграждения, но я уверен, что ваша пьеса будет оценена по достоинству“.

Тирсис ответил очень любезным письмом, в котором давал свое согласие, говоря, что он будет рад всякому вознаграждению, и послал один экземпляр своего „Гения“. Спустя два дня случилось еще одно событие, еще более замечательное: пришло письмо от издателя, который был тридцать седьмым по счету. Этот издатель ознакомился с рукописью „Того, кто знает правду“. В последнее время Тирсис так мало возлагал надежд на это произведение, что посылал его от одного издателя к другому совершенно механически, как бы для успокоения совести, и не рассчитывая на успех. Тем более велико было его удивление, когда, вскрыв письмо, он прочел о согласии издателя напечатать эту рукопись и о желании его познакомиться с Тирсисом, чтобы переговорить об условиях.

Тирсис пошел по указанному адресу, размышляя о том—что за странный человек этот издатель. Разгадка заключалась в том, что издатель был еще неопытен и редактором выбрал молодого человека, еще не утратившего энтузиазма. Этот молодой человек удержался на своем месте какой-нибудь месяц или два, но Тирсису посчастливилось застать как раз время его владычества.

Издатель намеревался выпустить книгу весной. Он предложил Тирсису десять процентов, и Тирсис, собрав все свое мужество, решился попросить сто долларов аванса. Когда согласие было получено, чувство радости сменилось в нем чувством скрытого сожаления: почему он не решился спросить полтора раза.

На следующий день был подписан контракт, и Тирсис получил на руки деньги. Он удивлялся, что на свете существуют люди, подписывающие чеки на сто долларов, не придавая этому никакого значения. При помощи этих денег он расплатился со всеми долгами и оплатил счет пользовавшегося Коридон специалиста гинеколога. И так всегда, при всякой новой получке Тирсиса, долги поглощали большую ее часть.

Но теперь они опять жили надеждами. Им предстояло в будущем—чтение корректур, а потом, впоследствии, и чтение рецензий,

но доходы с книги им придется получить еще не скоро, а тем временем предстояло прожить еще целое лето. И Тирсис опять ломал себе голову над новыми проектами и планами, в то время как глубоко где-то, на дне его души, зрело новое произведение, которое должно было опять завладеть им всецело и смести все остальные заботы.

6.

В это время Тирсису пришел в голову еще один новый план. Может быть, ему удастся найти издателя, который бы согласился выпустить его пьесу отдельной книгой. Это доставило бы ему небольшой заработок и, возможно, заинтересовало бы еще кого-нибудь антрепренера или актера. Он понес рукопись своему другу, м-ру Ардслею, который предсказал ему, что пьесу не раскупят, и опять прочитал ему нотацию, браня за то, что он все не может взяться за ум и писать „ходовые“ рассказы. Тирсис понес пьесу к издателю, у которого читал рукописи профессор Осборн. Таким образом, ему снова пришлось иметь разговор с этим авторитетом.

Профессор сказал ему, что его пьеса не будет раскупаться публикой, а потому ее нечего и рекомендовать издательству. Но что это действительно замечательное произведение,—пожалуй, можно сказать, великое произведение литературы.

7.

Тирсис все еще продолжал писать письма к известным филантропам и объяснять им свое положение. Посылал им свои книги и рукописи и просил помочь деньгами. Однажды случилось неожиданное событие: один из этих филантропов ответил на письмо, просил Тирсиса заехать к нему в Бостон побеседовать и прислал сумму, необходимую для покупки билета. Таким образом Тирсис ознакомился с совершенно новым миром, о котором до сих пор не имел ни малейшего представления.

Бостон был „американскими Афинами“ — городом, где боготворили культуру, где жили только интересами искусства и литературы. Самые богатые и знатные дома гостеприимно открывали свои двери перед бедным неизвестным поэтом.

Тирсис испытывал странное чувство, находясь среди этих людей, которые, казалось, всю жизнь стояли на коленях перед алтарем служения литературе. Здесь все было полно воспоминаниями, и самая земля казалась священной. В этих самых домах жили бессмертные

писатели, их земные оболочки покоились в этих креслах, их дух, казалось, витал над этими гостиницами.

Тирсис находил, что все эти впечатления стоят тех издержек, на которые он был вынужден: цены комнаты, стола и чистых воротничков. Такими соображениями Тирсис утешал себя после того, как он, по прошествии недели, выслушал от известного филантропа целую лекцию о том, как милость вредно влияет на человека, развивая в нем слабость характера, лишая его чувства независимости и веры в себя, которые составляют самые драгоценные свойства человека.

8.

Очень любопытным совпадением,—иной сказал бы пожалуй, символическим,—было то, что Тирсис от жрецов Бостона попал к социалистам Ист-Сайда.

В одном издательстве, куда зашел Тирсис, какой-то молодой человек дал ему для прочтения социалистический журнал. Так как редакция журнала помещалась по соседству, то Тирсис отправился туда, чтобы повидать редактора. Как раз в это время в Англии происходила коронация нового короля, и Тирсис написал по этому случаю саркастическую поэму, которую редактор социалистического журнала напечатал у себя бесплатно. Таким образом, юноша нашел способ, каким он мог изливать свои чувства.

— Я вижу, чего вы хотите,—говорил он в разговоре с редактором.—Того же самого хочу и я. Каждый здравомыслящий человек должен предвидеть, что, в конце-концов, капитал должен принадлежать обществу, а не частным лицам. Промышленный процесс—нечто неизбежное, необходимое, он учит и дисциплинирует рабочих. Но они еще не созрели для того, чтобы нести ответственность за управление государством.

— А в чем же,—спросил редактор,—будет признак того, что они созрели?

— Когда они воспитаются для этого,—ответил Тирсис.

— Вам нужно послушать Дарреля,—сказал под конец редактор.

Через несколько дней Тирсис получил от редактора социалистического журнала письмо, в котором тот просил его прийти в этот вечер по приложенному адресу на Ист-Сайд.

Тирсис отправился. Он увидел зал для рабочих собраний, слабо освещенный, плохо вентилируемый, в котором было около двухсот человек. Председатель представил собранию очередного оратора, и, таким образом, Тирсис впервые увидел Генри Дарреля.

Это был человек лет сорока, слабого сложения, с бледным, как у призрака, лицом. При взгляде на него прежде всего являлась мысль, что он много страдал в своей жизни. Он не был хорошим оратором: подыскивал слова, повторялся, и все же, несмотря на все это, с самой первой фразы Тирсис слушал его, как очарованный. Его голос проникал в душу, как удар колокола. Никогда в жизни ему не приходилось слышать оратора, в речах которого звучала бы такая мука. Это был пророк, носивший в груди своей будущность нации, вызывавший из глубин сознания те силы, на которые каждый взирал с ужасом, ибо они несли с собой мученичества, агонию и отчаяние.

Никогда в жизни Тирсису не удавалось слышать ничего похожего на эту речь. В тот же вечер он послал Даррелю письмо, в котором рекомендовался молодым писателем, желающим ближе ознакомиться с его идеями. Даррель ответил Тирсису письмом с приглашением прийти к нему отобедать, и Тирсис с радостью принял приглашение.

Случайно он проговорился об этом матери.

— Даррель!—воскликнула она.—Ты говоришь о Генри Дарреле?

— Да!—ответил Тирсис.—А что?

— И ты пойдешь к этому человеку?

— Почему же нет?—спросил он с недоумением.

— Разве ты ничего не читал о нем в газетах? Об этом чудовище?..

— Что ты хочешь сказать?

— Человек, который бросил жену и детей, оставив их помирать с голоду, и сбежал с какой-то богатой женщиной?

Тирсис смутно помнил, что он что-то читал о каком-то священнике, преподавателе колледжа, совершившем такой поступок. Он вспомнил также, что на митинг с Даррелем пришла какая-то красивая, богато одетая дама.

Это не смущало юношу: вот уже несколько лет, как он составил себе твердое убеждение, что каждый должен по-своему устраивать свою половую жизнь. Первым его чувством было даже восхищение перед человеком, который имел смелость после такого поступка смотреть в лицо обществу.

9.

Тирсис отправился в отель, где остановился Даррель. Ему представили красивую даму, как миссис Даррель, потом все трое спустились в столовую. У Дарреля был приятный голос, кроткая улыбка, и вся внешность возбуждала доверие. „Настанет день,—

говорил Даррель,—когда Америка должна будет признать великое движение современной мысли и признать собственную отсталость. Америка считает себя „страной свободы“ и потому не желает ни у кого учиться. Но ведь очевидно для всякого, что в Америке никогда не было настоящей свободы,—там было только господство имущих классов. Революция была лишь восстанием помещиков и купцов, и созданная ими „конституция“ явилась величайшей из когда-либо существовавших преград для человеческого прогресса“.—То же самое и с гражданской войной, которая для Дарреля была одним из подвигов поднявшегося чудовища-капитализма.

Они перешли опять наверх, и там, в гостиной, Тирсис увидел еще несколько человек гостей.

В этот вечер Тирсис ушел домой, воодушевленный новыми идеями, над которыми стоило подумать. Он взял у Дарреля некоторые из его памфлетов и речей. Вернувшись домой, он засел за чтение одного из этих памфлетов, который был обвинительным актом против капитализма, и, прежде чем лечь спать, написал Даррелю письмо, где рассказал ему о всех эпизодах своей борьбы и понесенных им поражениях. „Я не прошу вас помочь мне“,—писал он.—„Я прошу Вас прочесть мои произведения и решить, стоят ли они того, чтобы сохранить их. Как ни стыдно мне признаваться, но я в настоящее время нахожусь в самом крайнем положении и, если не явится какая-нибудь помощь, я не знаю, что со мной будет“.

„Дорогой брат“,—писал в ответ Тирсису Даррель.—„Я понял все, что вы мне рассказали, и я оцениваю ваше положение. Присылайте мне поскорей ваши рукописи. Завтра я уезжаю в провинцию читать лекции и дорогой прочту все, а по возвращении вы услышите от меня ответ. Должен добавить, что в настоящее время я помогаю двум социалистическим изданиям, а также оказываю материальную помощь некоторым лицам, и что слухи о моих средствах очень преувеличены. Говорю все это для того, чтобы вы не переоценивали возможность той помощи, которую я, быть может, и в состоянии оказать вам“.

10.

Тирсис послал Даррелю рукопись своей пьесы, экземпляр своего первого романа и два корректурных оттиска „Того, кто знает правду“. В течение двух недель он в страхе и нетерпении ждал ответа. Наконец пришло письмо, полное самой дружеской, теплой симпатии, в котором Даррель, указав ему на незрелость его произведений, в то же время признавал их подлинные достоинства. Заканчивалось письмо

такой значительной фразой: „Я сделаю для вас все, что в силах. Приходите, и мы потолкуем об этом“.

Тирсис отправился. Когда они уселись в кабинете хозяина, Даррель дружески обнял его и стал рассказывать ему историю своей собственной жизни.

Выслушав Дарреля, Тирсис, со своей неизменной добросовестностью, заметил:

— Я совершенно незнаком с социализмом и хочу заняться изучением его. Но возможно, что я не сделаюсь его последователем. Я не хотел бы, чтобы ваша помощь была основана на недоразумении.

Его собеседник кротко улыбнулся.

— Я работаю ради истины,—сказал он.

Они стали говорить о денежных делах Тирсиса. Ему совершенно достаточно тридцати долларов в месяц,—следовательно, дело идет о двухстах пятидесяти долларах. Даррель сказал, что такую сумму он может одолжить ему. Тирсис не знал, как выразить ему свою благодарность.

Тирсис вернулся к Коридон с таким чувством, как будто он нес узнику в тюрьму отмену смертного приговора. Но, увы!—все произошло не так, как ожидала Коридон. Тирсис понял теперь, что под-разумевала его жена, когда писала ему, что страдания и унижения сломили ее. Ей было тяжело встречаться с интеллигентными людьми, она не могла разделять их интересов. Большею частью, это были люди яркой индивидуальности, погруженные в свои идеи, настроенные критически и не склонные к снисходительности и слабости. И Коридон болезненно ощущала недостаток своего образования и мучилась мыслями о том, что другие могут подумать о ней. Странное впечатление должна была она производить в гостиных, в своем стареньком платьице, с кружевным воротничком, специально взятым у кого-то для этого случая, и со своим печальным лицом, освещенным парой больших черных глаз.

Прошло еще несколько дней. Однажды, в воскресенье утром, к Тирсису пришла его мать, вся в слезах. В руках она держала экземпляр еженедельного „приложения“.

— Посмотри-ка!—воскликнула она.

Тирсис стал рассматривать приложение. Вся страница была занята статьей, со множеством иллюстраций, заглавие которой было: „Генри Даррель основывает Колонию Свободной Любви“.

Тирсис был как в полусне.

— Я этому не верю!—воскликнул он. Его мать всплеснула руками.

— Не верить этому! Когда газета указывает даже сумму, которую он заплатил за купленное место.

Тирсис отправился к Даррелю, захватив с собой экземпляр газеты. Там его ждало одно из самых тяжелых испытаний его жизни. Он нашел своего друга как будто оглушенным ударом молнии. Даррель изменился даже по внешности: голос его дрожал, глаза дико блуждали, пока он в страшном возбуждении ходил по комнате.

Он указал Тирсису на целую кучу вырезок, лежавшую на столе. В одной газете этому событию была посвящена передовая статья, в которой возвещалось, что „мораль профессора Дарреля есть мораль высших обезьян“.

— Подумайте только!—воскликнул Даррель.—И это пойдет из одного конца страны в другой!

— Но,—проговорил Тирсис, сбитый с толку,—значит все это неправда?

— Неправда?—воскликнул Даррель. — Как вы можете мне задавать такой вопрос?

— Но... колония. Что это такое?

— Да вовсе никакой колонии и не будет. Я никогда не мечтал ни о чем подобном.

— И вы не покупали никакой фермы?

— Моя жена купила ферму, около года тому назад... Мы хотели поселиться за городом.

— Но тогда,—задышавшись, проговорил Тирсис,—как же смеют они?

— В отношении меня они смеют все!—воскликнул Даррель.—В се!

— И вы не можете требовать удовлетворения?

— Удовлетворения? Какого удовлетворения?

И он стал объяснять Тирсису все случившееся.

— Я думал, что они уже покончили с этим. Я думал, что все уже прошло,—прошептал Даррель с содроганием.

Он сидел в кресле, закрыв лицо руками. Тирсис положил руку ему на плечо. Он схватил ее.

— Слушайте!—воскликнул Даррель.—Вы можете взглянуть на все это со стороны,—вы знаете литературный мир! Думаете ли вы, что я буду в состоянии когда-либо подняться над этим? Стоит ли пробовать?

— Что вы хотите этим сказать?—спросил Тирсис в смущении.

— Я хочу сказать—стоит ли мне продолжать писать? Могу ли я иметь какое-либо влияние?

Тирсис был потрясен этим вопросом. Он знал, что его друг имеет достаточно денег, чтобы жить с комфортом, а следовательно, какое

дело до всех этих нападок человеку, который чувствует себя независимым в экономическом отношении?

— Брат,—произнес он.—Вы забыли Данте!..

— Что вы хотите сказать?

— „Segui il tuo corso e lascia dir le genti!“—процитировал Тирсис.—Вы должны, наконец, помнить, что о вас кричат только газеты, которым не поверит ни один серьезный человек.

— Ах, нет, поверят!—воскликнул Даррель.—Вы не знаете, что мне пришлось пережить. Мои старые друзья отреклись от меня.

— Но, дорогой мой,—говорил Тирсис,—вы ведь проповедуете новую доктрину, которая ненавистна большинству людей. Как же вы удивляетесь тому, что на вас нападают?

— Но неужели потому только, что человек стал социалистом, его можно преследовать подобными пасквилями?

— Я не хочу этого сказать. Но ведь это гонение вызвано не только вашей принадлежностью к социализму, а также вашим отрицанием брака.

— Но я вовсе не отрицал брака!—воскликнул Даррель.

— Что вы хотите сказать?—спросил Тирсис в смущении.

— Я не отрицал никаких законов, никаких договоров.

Тирсис смотрел на него с изумлением.

— Как... ведь вы... и мистрис Даррель... вы ведь не венчаны?

— Венчаны!—воскликнул тот.—Мы обвенчаны здесь, в Нью-Йорке, самым настоящим священником.

Тирсис не находил слов, чтобы выразить свое возмущение.

— Я... я не имел ни малейшего представления об этом. Я думал...

— Вы слышали ложь. Даже вы поверили ей!—воскликнул с горечью Даррель.

11.

Понемногу Тирсис узнал от Дарреля подробности его семейной жизни. Когда он был еще бедным студентом, он столовался у одной женщины, бывшей на много лет старше его, которая употребляла все усилия, чтобы женить его на себе.—„Я не думаю, чтобы она хоть сколько-нибудь любила меня,—сказал он.—Она просто решила, что я представляю блестящую партию и что в свете меня ждет карьера. Для меня все это было каким-то тяжелым сном. Она была старше меня и крупнее—вообще она больше походила на мужчину, чем я. И она держала меня около себя двадцать лет“.

Голос Дарреля понизился до шопота, на глазах показались слезы. Он схватил руку Тирсиса и конвульсивно сжал ее.

— Я не могу рассказать об этом никому,—сказал он.—При одном воспоминании я готов плакать, как ребенок. Эта женщина не интересовалась нисколько моей духовной и интеллектуальной жизнью.

Даррель остановился, чтобы овладеть собой, и продолжал:

— Среди моих прихожан была мать моей второй жены. Она была раньше аболиционисткой, владела большим состоянием. Теперь, на старости лет, свет новой истины озарил ее, и она стала социалисткой. Это, конечно, возбудило против нее всех ее родственников. Потом явилась ее дочь — молоденькая барышня, ученица колледжа. Я часто бывал в их доме, и мы стали друзьями. Она видела, как я несчастлив, и хотела открыть глаза моей жене, но, конечно, ей не удалось этого сделать. Наконец мы увидели, что любим друг друга. Мы знали, что любим друг друга, и знали в то же время, что для нас нет никакой надежды. Так продолжалось целых восемь лет, в течение которых я боролся, стараясь всеми силами души сделать нашу связь исключительно духовной. Настало время, когда я, наконец, понял, что наше самоотречение является преступлением против духа. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да,—сказал Тирсис.—Я понимаю.

— Здоровье мое окончательно пошатнулось от чрезмерной работы. Мать ее уезжала за границу и приглашала меня поехать вместе с ней и ее дочерью. Это, конечно, еще ухудшило положение. Наконец, старушка как-то пришла ко мне. „Вы любите мою дочь,—сказала она,—свет бросил ее в ваши объятия. Вы должны добиться развода и жениться на моей дочери“.

— И вы добились развода?—спросил Тирсис.

— Нет,—ответил Даррель,— хотя причин было достаточно... Но тогда мне пришлось бы подвергнуть мою жену нападкам печати, а я не хотел этого... Я предоставил ей возможность обвинить меня в том, что я бросил ее, и не опровергал этого.

— И они, разумеется, исказили это событие?—спросил Тирсис.

— Они искажают все!—воскликнул тот.—Моя вторая жена отдала моей бывшей жене свое родовое имя, и мне этот поступок казался проявлением великодушия, доказательством ее любви ко мне. А газеты истолковали это так, что она купила меня.

— И они превратно истолковали ваш второй брак?

— Они обдуманно окружили его целой цепью лжи. Некоторые из наших друзей принесли нам поздравление. А газеты назвали это новым родом бракосочетания—„социалистической свадьбой“. А теперь, когда мы покупаем ферму, чтобы иметь возможность жить в деревне, они обращают все это „в колонию свободной любви“!

12.

После этого разговора Тирсис вернулся домой с новыми мыслями.

Неужели эти люди считали брак поистине божеским установлением, которое не может быть нарушено волей человека? Неужели они действительно верили, что человек, однажды заключивший брак, должен быть верен ему всю жизнь, как бы ни был он несчастен в этом браке? Или, если они признавали развод, то для чего же этот шум вокруг имени Дарреля, который нес свое наказание в течение двадцати лет и который восемь лет ждал, чтобы насладиться всей глубиной своей новой любви?

Ответ напрашивался сам собой, и этот ответ воспламенял негодованием душу Тирсиса. Все это лживое красноречие по поводу покинутой жены, проливающей слезы среди своих детей,—все это было расчитанным эффектом для черни.

Тирсис воображал людей, которые писали по поводу всей этой истории Дарреля. Он встречался с ними в газетном мире, и это были слуги гигантской машины—гласности. Живя и работая в этой удушливой атмосфере, где утонченнейшие свойства души грубеют и притупляются, почти все они без исключения поддерживали свою жизнь при помощи алкоголя, табака, кофе и других возбуждающих средств; все были циниками, лишенными каких бы то ни было иллюзий. Единственным их божеством на земле и в водах под землею была „строчка“. Для таких людей, разумеется, интерес к женщине заключался в одном из двух: сладострастии или деньгах. В случае с Даррелем они видели оба эти мотива, и потому для них тут все казалось ясным.

Тирсис думал также о людях, которые давали средства на издание газет и которые направляли их деятельность, о тех, кто организовал эту травлю. Это все были богачи, создавшие весь этот механизм гласности ради своих собственных целей. Чем же были эти господа в своей частной жизни? Некоторые из них были откровенными развратниками, другие скрывали свой разврат под маской лицемерия—так же, как в своих передовых статьях они скрывали свои классовые интересы под защитой каких-нибудь принципов. Тирсис знал одного господина, редактора всеми уважаемого солидного органа, который, пригласив в дом своей жены одну молодую девушку, пытался совратить ее. Он знал издателя другой газеты, который, навещая своих знакомых новобрачных дам, старался убедить их, что они должны допустить его стать отцом их ребенка, так как он

является высшим существом в сравнении с их слабосильными мужьями. Он любил доказывать, что все великие люди были, обыкновенно, незаконнорожденными.

Тем временем Тирсис прочел книги и памфлеты Дарреля и пришел к заключению, что в этом человеке погиб сильный мыслитель. Ему казалось, что Даррель был лучшим мастером прозы в Америке с тех пор, как умер Эмерсон. Он захотел еще раз послушать его речь и пошел опять в плохо освещенный зал, где собралось менее ста человек слушателей. Это зрелище доставило такое страдание Тирсису, что он едва был в силах его вынести. Он возвращался домой вместе со своим новым другом и всю дорогу прилагал всяческие усилия, чтобы убедить его в необходимости отъезда. „Вы сидите здесь,—говорил он,—и отдаетесь на милость ваших врагов. Вы губите свои силы в борьбе с ними; одного этого—знать, что они существуют, достаточно, чтобы расстроить человека совершенно. А между тем вы можете избавиться от них, можете делать свое дело о котором свет ничего не знает. Никто не может помешать вам. А когда вы напишете свою книгу, в которой изольете свою душу, ваши мучители будут делать с вами то же, что они делали с Данте. Уезжайте! Уезжайте в Европу, где вы можете быть свободны!“

Вскоре после этого разговора Тирсис, стоя на пристани, посылал прощальный привет Даррелю и его жене. Несколько раз он получал от него письма, в которых говорилось о долгих, мучительных страданиях, ибо Даррелю приходилось отвоевывать у судьбы те немногие часы, в которые слабое здоровье позволяло ему работать. Так в течение целого ряда лет он работал над одним произведением, которому, по мнению Тирсиса, суждено было стать первой американской поэмой, если автору вообще удастся закончить его. В то же время государственные люди и моралисты, напуганные успехами „социалистической агитации“, продолжали запугивать общество кошмарным призраком бывшего священника, бросившего свою жену и плачущих детей и сбежавшего с богатой женщиной, чтобы основать „колонию свободной любви“.

13.

Два дня спустя после отплытия Дарреля в Европу Тирсис занялся подысканием жилища для себя и своей семьи. Для новой книги, которую он собирался писать, ему необходимо было иметь под рукой библиотеку, поэтому он остановил свой выбор на одном уни-

верситетском городе недалеко от Нью-Йорка и провел там неделю в студенческом общежитии, пока отыскивал себе квартиру.

Странное чувство испытывал Тирсис, попав, после нескольких лет знакомства с настоящей жизнью, в эту академическую атмосферу. Как странно было встречать людей, занимающихся отысканием „женских рифм“ в стихах Шекспира, считающих Артура Кло „опасным“ поэтом, а Грина—мировым философом. И так было поставлено образование в одном из самых аристократических университетов Америки, на который тратилось несколько миллионов долларов и для которого было выстроено столько великолепных зданий!

Объяснение этому Тирсис видел отчасти в том, что с университетом была связана громадная богословская семинария. Некоторые из будущих священников приходили в студенческое общежитие, и Тирсис прислушивался к их разговорам, предметом которых было различие между „трансубстанциацией“ и „консубстанциацией“, и прениям по поводу евангелия от Иоанна. Тирсису, когда он слушал все эти разговоры, казалось, что какая-то черная тень обволакивает его душу. Он удивлялся той ненависти, которую он чувствовал к этим людям, и пробовал убеждать себя, что все эти юноши могли быть преисполнены самых лучших намерений и вполне искренними в своих исканиях. Но суть была в том, что все они представлялись ему похожими на юристов, людей, руководящихся в своей деятельности низкими и нечистоплотными мотивами. Разница между ними была только в том, что ум богословов был менее изощрен, чем у юристов. Тирсис мало-по-малу начинал понимать зависимость явлений от экономических причин, и теперь он ясно видел, что этот богословский мир представлял собой как бы стоячее болото в стремительном потоке национальной культуры. Так как это был мир субсидируемый и его существование поддерживалось благотворительностью, то не удивительно, что люди живые отворачивались от него, и он привлекал только людей с посредственными умственными способностями или таких, которые жаждали легкой жизни и не особенно интересовались тем, в чем истина и в чем—ложь.

14.

В нескольких милях от города Тирсис нашел ферму с громадным девственным лесом, где фермер и разрешил ему поставить палатку. Он привез сюда палатку и свои пожитки и написал Коридон, что встретит ее на следующее утро. С помощью сына

фермера он в течение дня сколачивал платформу для пола, раскинул палатку и привел в порядок привезенные вещи. На следующий день он поднялся с рассветом и принялся за изготовление столов и полок. Потом нанял у фермера тележку и отправился встречать Коридон с Цедриком.

Был дивный весенний день. Солнце ослепительно сверкало, небо было такого чистого бирюзового цвета. К вечеру, когда солнце опустилось ниже, лес как будто залило потоком яркого пурпура. И этот свет придавал какое-то торжественное величие всей картине. Наконец-то они были совершенно свободны и могли снова вдвоем совершать свой жизненный путь!

И с пением и смехом они приступили к работе. Ребенок ползал на полу и беспрестанно попадался им под ноги. Скоро Коридон накормила его и уложила в кроватку. Наконец они сели ужинать. Хлеб с маслом, молоко, яйца и несколько фруктов составляли весь их ужин, но им он показался роскошным пиром, потому что это был первый ужин после нескольких месяцев.

Они очень утомились и были невероятно голодны. Но блаженство, которое испытывали их сердца, было сильнее их физического состояния, и они долго сидели друг против друга, подперев голову руками, и каждый читал изумление в глазах другого.

— Прошел уже год с тех пор, как мы расстались, — прошептала Коридон.

— Только год!—сказал он.—А казалось, что целых десять лет.

— А помнишь, Тирсис, как мы молились? Как мы молились о том, чтобы настал этот час?

Он взял ее руку в свою. Еще раз они дали друг другу клятву верности. Еще раз призрак их надежд промелькнул перед ними.

— С этой минуты,—прошептал он,—наша жизнь принадлежит нам. Мы можем сделать ее такой, какой захотим. Сделаем же ее красивой.

Они условились, что не будут больше ничего говорить об этом прошедшем годе. Это был тяжелый сон, который прошел безвозвратно. Пусть же память о нем навсегда изгладится из их мыслей, и они вместе будут работать над созданием лучшего будущего, которое рисуется им теперь.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

1.

Их жилищем была палатка в восемнадцать футов длины и двенадцать ширины. Но так как крыша палатки была покатая, то у стен потолок спускался очень низко, и они могли ходить только по середине, а вещи расставили около стен. Слева при входе стоял ящик со спиртовкой на нем, над ящиком была полка, на которой они держали посуду и провизию. Дальше стоял чемодан, а в углу помещалась кроватка ребенка, которую Тирсис купил за доллар у фермера. У задней стены палатки стоял складной стол, а над ним была прикреплена доска с гвоздями, где Коридон вешала свои платья. У другой стены стояли полотняная койка, полка с книгами и второй чемодан.

Немного подальше, в лесу, стояла вторая палатка, значительно меньше, — там стояли кровать Тирсиса и полотняный стул, на который он садился, когда его посещали музы. Воду для питья они брали из родника, протекавшего поблизости.

Палатка была не новая уже тогда, когда ее покупал Тирсис. Теперь же, после того как ею пользовались в течение двух сезонов, она совсем потемнела и имела мрачный и грязный вид. Они не заметили этого вначале, так как ставили ее в яркий солнечный день. Но, когда пошли дожди, они убедились, что читать в палатке невозможно, не зажигая огня.

Были у них еще и другие неудобства. В первое время по приезде — это было в апреле месяце — было очень холодно по ночам, а у них не было печки, да если бы и была, ее некуда было бы поставить. Потом продолжительные дожди вызвали целые полчища moskitov. Тирсис закрыл вход в палатку сеткой. Когда погода улучшилась, он из сетки построил нечто в роде маленького домика, в котором ребенок мог играть на свежем воздухе.

Они молили о хорошей погоде и о том, чтобы хоть на миг проглянуло солнце. Но казалось, что демоны, распоряжающиеся погодой, узнали о их тайном желании и издевались над ними.

В течение первых шести недель их пребывания на даче не было ни одного дня, чтобы не шел дождь, при чем некоторые дни он лил, не переставая. Поэтому все их вещи отсырели и покрылись плесенью — одежда, провизия, даже самые постели, на которых они спали. Большим неудобством было то, что им некуда было девать свои вещи, и они всё держали под кроватью: там можно было найти платья, книги, сапоги, рукописи, зонтик, ящик со сливами, мешок с картошкой, остаток ветчины.

2.

Перед отъездом из города Коридон водила ребенка к знаменитому специалисту-педиатру, который брал по пяти долларов за визит. Он напугал ее, сказав, что мальчику угрожает рахит. И она ехала в деревню с одним твердым намерением в душе — откормить ребенка. „Плохое питание“ — поставил диагноз доктор и в подробностях определил режим, которого она должна держаться в отношении ребенка. Несчастный малютка должен был принимать пищу шесть раз в сутки, при чем категорически запрещалось давать ему что-либо в сыром виде, и каждый раз полагалось особое кушанье. Тирсис совершенно бесплодно протестовал против той пунктуальности, с которой Коридон удаляла малейший кусочек кожицы со сливы, готовя пюре для младенца. „Будь уверена, дорогая моя, — убеждал он ее, — что внутренности ребенка не настолько нежны, чтобы им мог повредить кусочек кожицы“. Но для Коридон внутренности ребенка представлялись чем-то таинственным, понятным только знаменитому педиатру, берушему по пяти долларов за визит. „Он сказал мне, что надо делать, — отвечала она в таких случаях, — и я буду это делать“.

Под влиянием этого укрепляющего режима ребенок в первое время удивительно поправился, стал толстеньким и румяным, и сердце Коридон наполнилось гордостью и радостью. Но вот настала середина лета, а с ней пришли и жары. Мальчик покрылся сыпью, которая не исчезала, несмотря ни на какие порошки и мази. Оказалось, что у прачки, стиравшей им белье, дети заболели корью. Болезнь Цедрика тянулась больше месяца, и это время показалось им кошмаром. Ребенка нужно было держать в темном месте, иначе ему угрожала опасность потерять зрение. Когда в палатке станови-

лось очень жарко, кто-нибудь должен был сидеть около ребенка и опаживать его. Малютка не мог уснуть, стонал и метался на постели, и сердце Тирсиса разрывалось на части, когда он смотрел на все эти мучения. Но вот над Коридон сжалась ее мать; она приехала, чтобы помочь ей, и целыми часами держала на руках больного мальчика.

3.

Но всяким страданиям наступает конец! Настали счастливые и веселые дни, когда они могли совершать далекие прогулки в горы. Иногда Тирсис сажал Цедрика себе на плечо, и они вдвоем отправлялись бродить по лугам, собирая клевер и маргаритки и делая из них венки для Коридон.

Тем временем Тирсис занялся своей новой работой. Домашние обязанности отнимали у него большую часть утра. Но после обеда он уходил в лес, а по вечерам, когда семья спала, он работал далеко за полночь. Из университетской библиотеки он привез целую корзину книг и за ними переживал снова все фазисы гражданской войны. Пока он еще не писал, набираясь впечатлений. Временами ему казалось, что впечатлений уже накопилось достаточно, и его охватывала жажда работы. Творческий замысел уже овладевал им, и он ходил рассеянный, беспокойный и нервничал, когда к нему обращались с каким-нибудь вопросом.

4.

Это всегда поселяло недоразумения между ними. Дело осложнялось еще и тем обстоятельством, что их половая жизнь была опять прервана, по обоюдному соглашению. Тирсис за это время пришел к заключению, что только желание произвести на свет ребенка может служить единственным оправданием половому общению между мужчиной и женщиной. Коридон в глубине души не вполне соглашалась с ним в этом пункте, но, конечно, она вполне сознавала, что в том положении, в каком они находились сейчас, они должны избегать малейшей возможности иметь снова ребенка, так как второй ребенок будет прямой гибелью всех троих. И так они опять вернулись к „братским“ отношениям, которыми они и начали свою совместную жизнь. Это не было в тягость Тирсису, погруженному всецело в свою книгу, но для Коридон это было не так просто, хотя, быть может, оба они не сознавали этого ясно.

Иногда чувство ее прорывалось помимо ее воли.

— Тирсис!—окликала она его иногда,—разве ты не хочешь поцеловать меня и пожелать спокойной ночи?

— Разве я не поцеловал тебя, дорогая?—спрашивал он.

О, какой это был холодный и небрежный поцелуй!

Он подходил к ней и обнимал ее. Но она чувствовала, что жизнь уже ушла из его ласк, и по глазам его видела, что мысли его далеки от нее и блуждают где-то на полях сражения.

— Скажи мне, Тирсис,—воскликнула она,—ты в самом деле любишь меня?

— Да, дорогая,—отвечал он,—я в самом деле люблю тебя.

— Но как сильно ты любишь меня?

Он умолкал. Что за вопрос? Как будто у него было достаточно времени и энергии, чтобы опять взобраться на эти высоты, чтобы снова заговорить на этом трудном языке любви. Разве не говорил он ей тысячи раз о том, как сильно он любит ее? Как она не может этого понять и поверить этому?

— Но почему же тебе так трудно говорить мне об этом?—снова возражала она.

Он отвечал ей, что всякие объяснения и обещания кажутся ему отрицанием самой любви. Он неизменен, как законы природы,—он так же верен ее душе, как своей.

— Я бы хотел, чтобы ты раз навсегда признала это,—говорил он,—чтобы ты была уверена в этом так же, как в том, что завтра утром взойдет солнце.

— Но, Тирсис,—отвечала она, когда он употреблял эту метафору,—разве люди не выходят иногда посмотреть на восход солнца?

5.

Лето прошло. И Тирсис, к своему ужасу, убедился, что его безжалостная муза до сих пор не позволила ему написать ни одного слова. Он был не в силах приняться за работу, пока его семья не устроена, как следует. Они не могут оставаться в палатке на зиму. Но куда они пойдут?

Тирсис носился с намерением построить хотя бы крошечный домик в том лесу, где они жили теперь. Обойдя всю местность, он нигде не нашел подходящего помещения. Да, кроме того, он не хотел платить квартирную плату, он желал иметь свой собственный дом, как бы мал и скромен он ни был. Он надеялся построить его на те деньги, которые он получит за свою книгу „Тот, кто знает правду“.

Но недавно ему был прислан счет от издателя, из которого явствовало, что Тирсису причитается за книгу какая-то безделица, около одиннадцати долларов.

Тирсис еще раз написал Даррелю письмо, полное отчаянной мольбы. Сейчас он переживал самый критический момент своей жизни. Если ему дана будет возможность закончить свою книгу — он спасен. Ему казалось, что его новая работа захватит читателей и потрясет их, и мысль о том, что книга останется ненаписанной, казалась ему прямо невозможной. Он может удовлетвориться суммой в двести долларов и он умоляет своего друга хотя бы ценою жертвы помочь ему. И когда, через две недели, пришел от Дарреля благоприятный ответ, Тирсису показалось, что он проснулся от тяжелого сна.

6.

Тирсис приступил к постройке дома. Была уже вторая половина сентября, и ночи стояли холодные. Тирсис отыскал плотника, который бы помогал ему в постройке, и вступил в переговоры со своим другом — фермером, который согласился сдать ему в аренду клочок земли на опушке леса. Место было в достаточной степени уединенным для того, чтобы удовлетворить всякого литературного отшельника.

Еще за несколько месяцев до постройки Тирсис и Коридон обсуждали план нового дома. Он должен быть восемнадцати футов длины и шестнадцати ширины. Крышу они решили покрыть толем. С лицевой стороны будет выстроена небольшая галерея, футов в шесть длиною, а позади небольшой балкончик, ступени которого будут спускаться к ручью.

Это была счастливая пора их жизни: созидалось нечто такое, в чем они оба могли принимать участие. Тирсис вставал рано утром и принимался за работу до прихода плотника. В промежутках между кормлением ребенка Коридон также принимала участие в создании дома. И какое это было дивное здание — настоящий дворец! Как много было в нем света и воздуха! В нем можно было свободно двигаться, не боясь стукнуться головой о потолок. После палатки дом казался им прямо храмом.

Тирсис приобрел еще на тридцать долларов материал и выстроил себе „рабочую комнату“ неподалеку от дома. Тирсис сколотил для своей комнатки стол и книжный шкаф, и так как комната его имела восемьдесят квадратных футов, вместо прежних сорока девяти, то там было место и для кровати, и для кресла, и для жаровни.

7.

Вскоре после того, как они переехали в свое новое жилище, пошел сильнейший дождь. Что за наслаждение было для Тирсиса и Коридон прислушиваться к шуму ливня и знать, что они совершенно защищены от него. Они становились у окна, обнявшись, и смотрели, как частый дождь падал на поля, как падали капли со стоявшего около дома большого вяза, как потоками стекала вода с крыши перед самыми их глазами, а они были сухи.

Ливень продолжался целых три дня, но это не портило их настроения. Это было памятное время для Коридон, потому что с ним совпало начало ее „поэтической карьеры“. Это случилось поздно ночью, когда обычный крик ребенка пробудил ее от глубокого сна. Ребенок уже давно приобрел дурную привычку, с которой они не раз боролись, но тщетно: просыпаясь, он требовал, чтобы ему давали руку, и засыпал, играя пальцами чужой руки.

Коридон содрогнулась: она ясно почувствовала, как ею овладела ненависть — ненависть к этому ребенку, к его крику и требованиям. Почему она должна приносить себя в жертву ненасытному существу, к которому она не чувствовала никакой любви?

И вдруг внезапно ею овладел смелый порыв. „Нет, — подумала она, стиснув зубы, — пусть кричит. Я излечу его от этого и сделаю это сегодня же“. Коридон спокойно лежала, устремив во тьму широко открытые глаза. Нервы ее страшно натянулись. Она не была в состоянии ни чувствовать что-нибудь, ни думать о чем бы то ни было.

„Он думает победить меня, — сказала она себе. — Смогу ли я выдержать? Если бы я могла только сосредоточить на чем-нибудь свои мысли, мы могли бы побороться с ним“. И внезапно к ней пришло вдохновение. „Я напишу поэму“, — решила она.

Дождь все усиливался. Коридон слышала его все возрастающий шум. Шум дождя привлек ее внимание, и она сосредоточила на нем свои мысли. И вдруг у нее свободно и легко вылилась первая строчка. Вскоре она совершенно погрузилась в процесс творчества и — о, чудо из чудес! — окончательно забыла о ребенке. Она никогда раньше не пробовала писать стихи, но теперь это не составляло для нее ни малейшего затруднения.

Поэма была очень проста и оптимистична по своему содержанию: в ней воспевались благодетельные свойства дождя, столь очевидны для тех, у кого над головой не протекает крыша. Ей захотелось узнать, какого мнения будет Тирсис об этих стихах.

Когда она закончила последнюю строчку стихов, уже светало. Ребенок все еще плакал. Она внимательно посмотрела на него: глаза его слипались, а крики перешли в тихие всхлипывания. Но Коридон лежала спокойно, и счастливое чувство наполняло ее. Когда, часа два спустя, в комнату вошел Тирсис, он увидел Коридон, лежащую на полу и закутанную в одеяло. Щеки ее горели, волосы были растрепаны. Как она была очаровательна в эту минуту! Она обдумывала свою поэму, а ребенок спокойно спал, слегка всхлипывая время от времени.

— О Тирсис!—воскликнула она.—Завтра он будет кричать наполовину меньше, чем сегодня, а следующую ночь еще меньше. А скоро он будет ложиться спать совершенно спокойно, как и всякий воспитанный ребенок. И знаешь, дорогой мой, я начинаю верить, что из меня выйдет поэтесса, — мне кажется, что сегодня ночью меня посетило настоящее вдохновение.

Он поспешил зажечь огонь, а потом сел и стал слушать ее поэму. С каким нетерпением она ожидала его приговора! А что же, должен делать мужчина в таких случаях? Должен ли он быть мужем или критиком? Любителем или профессионалом? Но она уже заметила его колебания.

— Тебе не нравится моя поэма?—воскликнула она.

— Моя дорогая!—убеждал он ее,—стихи писать так трудно. Высоты искусства так далеки!..

— Но как я могу достигнуть их,—жаловалась она, — если никто не поощрит меня?

8.

Для Тирсиса настало наконец время приступить к работе. Теперь уже не было никакого повода для промедления. Книга уже созрела в нем, и скоро она должна была родиться. Он объяснял это Коридон, сидя около нее и держа ее руки в своих. И они снова поднялись на высоты самопожертвования и еще раз произнесли клятву, что оба будут мужественными и сохранят веру. И Тирсис ушел в работу.

В течение нескольких недель, появляясь в доме, он казался каким-то призраком человека: так он был молчалив, рассеян и угрюм. Все, что было им написано когда-либо прежде, казалось ему детской забавой в сравнении с тем, что он носил в себе сейчас. Раньше он изображал в своих произведениях борьбу отдельных лиц—мужчин и женщин; теперь же он хотел изобразить страдания целого народа,—его сердце должно было биться в унисон с миллионами страдаю-

щих людей. Как будто какой-то демон посещал его по ночам, показывая ему картины, полные ужаса и безумия. Он ни на минуту не был свободен от этих видений. Он мог заниматься мытьем посуды или возиться с непокорным насосом в кухне, — как вдруг внезапно образы посещали его, и он удалялся в лес, чтобы там, сидя в снегу, с дрожью восторга наслаждаться величием и красотой зарождающихся в душе образов.

Он жил среди битв, чувствуя запах пороха, слыша грохот выстрелов. Он видел скачущую по долинам кавалерию, видел крадущихся за окопами пехотинцев, слышал крики сражающихся, стоны раненых и умирающих, видел искалеченные тела и землю, скользкую от крови. Это проникновение рождалось в нем в виде бурных взрывов возбуждения, которые подхватывали его, как вихрь. И он должен был обуздывать их и господствовать над ними. Это требовало усилий, подобных которым ему никогда еще не приходилось переживать, после чего он чувствовал себя совершенно изнеможенным, и капли пота выступали у него на лбу.

9.

И такую-то работу он должен был совершить, будучи женатым человеком, отцом семейства и главой дома! В этот год, как на зло, выпала очень суровая зима. Прежде они не имели понятия о том, что такое зима в деревне. Бывали дни, когда они не имели никакой возможности добраться до города, а иногда им трудно было дойти до фермы.

У них была только одна печка, в которой они не могли поддерживать огонь всю ночь. А купленные ими дешевые бумажные одеяла очень мало грели. Поэтому иногда, несколько недель под ряд, они ложились в кровать совершенно одетыми, даже в пальто, а сверху набрасывали на себя все, что было возможно. И в этом холоде они должны были вставать с постели и разжигать огонь. Тирсис работал до полного утомления, а когда приходил, чтобы поесть, то оказывалось, что обед еще не готов. Пока они с Коридон готовили обед, аппетит их вырастал до небывалых размеров, так что они, сев за стол, уничтожали пищу с жадностью дикарей. Если Тирсис, погруженный в свою работу, забывал убрать грязную посуду и объедки, они могли оставаться на столе до следующего обеда. Их дом, построенный с такими великими усилиями, стал им наконец казаться подземельем, где укрылась от непогоды пара диких зверей.

10.

Морозы вызвали еще одну перемену в их жизни. Давно уже Тирсис и Коридон условились, что будут друг для друга „братом и сестрой“, и убедили себя, что в их положении им невозможно и думать об иных отношениях. Но вот наступило время, когда термометр стал показывать десять и пятнадцать градусов ниже нуля. Тирсис предоставил Коридон все свои одеяла, так как она сильнее страдала от холода, чем он, а сам лежал всю ночь, ни на минуту не смыкая глаз. Но мороз продолжался более недели, и сопротивление их было сломлено: они были теперь, как два зверя, забравшиеся в одну берлогу, чтобы предохранить друг друга от холода. Они сложили свои постели на одну узенькую кровать и, лежа вместе, согревали друг друга. Даже и в этой близости они пробовали твердо держаться раз принятого решения. Но оказалось, что это было уже свыше их сил.

Как ни старайся проникнуть в сущность вопроса при свете разума, как ни подходи к нему с этической или эстетической меркой,—природа все равно должна получить удовлетворение.

Тирсис не мог примириться с мыслью о половом общении, имеющем характер привычки. Его целью должно быть создание новой души, а это должно иметь место только в тех случаях, когда люди, решившиеся принять на себя ответственность за будущего нового человека, сознают, что данные обстоятельства благоприятствуют тому, что эта новая душа будет здоровым, счастливым, красивым и свободным человеком.

Предохранительные средства, которые они употребляли для того, чтобы предотвратить зачатие, нарушали непосредственность их желаний и выносили тайну на холодный, прозаический свет дня. А этот постоянный страх перед тем, что опять может произойти „ошибка“ И эта угроза висела над ними постоянно, и каждого месяца они ожидали со страхом и нетерпением. Все это наполняло душу Тирсиса ужасом и подавляло в нем желания. Они были похожи на людей, которые знают наперед, что из вкушаемых ими яств одно содержит отраву. Что за трагическая судьба висела над ними!

Но как бы там ни было, а преграды между ними были разрушены и восстановить их снова было уже невозможно. Да Тирсис и не прилагал никаких усилий к этому, потому что он открыл теперь новую сторону в Коридон. Коридон страстно жаждала того, что она называла „любовью“, и в этой области не знала никаких ограничений или колебаний.

И Тирсис еще раз, с насмешкой над самим собой, покорился своей участи и стал разыгрывать роль мужа, отца и главы семейства. Он играл в „любовь“, как того хотела Коридон, и подчинялся ее желаниям. Но потом им овладело иное настроение, которое—он знал это—и выражало его подлинное „я“, и он снова начинал вести борьбу за права своего таланта. Если человек подчинит себя телу и признает над собой все его права, то каким образом душа сможет когда-либо быть свободной?

И Тирсис опять почувствовал грозную трагедию, которая висела над их жизнями. Настанет день,—он знал,—когда он уйдет из этой тюрьмы. Настанет день,—он знал,—когда он станет самим собой и заживет собственной жизнью.

И, в то же время, как жалки были попытки Коридон сформировать его по своему образцу и ее уверенность, что ей удастся это! Она старательно доказывала ему, как сильно он изменился к лучшему, — стал более кротким и человеческим в сравнении с тем упрямым, эгоистичным и невозможным существом, каким он был раньше. И с какой горечью выслушивал Тирсис ее похвалы и как старался сдержать ее излияния! Он знал, что те свойства, которые были так ненавистны ей, представляют собой пену, поднимающуюся на поверхности его души, в глубине которой кипел и клокотал его талант.

11.

Трагедия их заключалась в том, что сообща переживать они могли только страдания и только страдание соединяло их. У них не было ни общей работы, ни искусства, ни религии, которые объединяли бы их. Тирсису казалось особенно важным отсутствие последней. В его религии не было богословия, но в нем жила суровая, деятельная вера, которая удовлетворяла его. У него были свои молитвы — не установленные никем молитвы неведомым богам: „О, бесконечная святость жизни, дай мне силы никогда не забывать о тебе!“ Когда он озирался на все страдания и ошибки, которыми была полна их жизнь, волна нежной жалости к себе и к Коридон поднималась в нем. Он шел тогда к жене, чтобы ясно представить ей все свои соображения, но он этого никогда не мог сделать с успехом; он никогда не мог заставить ее проникнуться его пониманием и всегда уходил от нее разочарованный и недовольный.

В дисгармонии их характеров скрывалось нечто еще более важное.

Процесс его духовной жизни состоял в том, что он сознавался самому себе во всех своих пороках и, возбудив таким образом нена-

висть к себе, старался сделаться другим, непохожим на себя. Применение же этого метода к Коридон не вызывало в ней желания быть лучше, а внушало только самое мрачное отчаяние. Духовная жизнь Коридон протекала иным путем: ей нужно было, чтобы кто-нибудь пришел к ней и сказал ей, как она изяшна и лучезарна, и она становилась такою. До тех же пор, пока ей этого никто не говорил, ее духовная жизнь замирала.

12.

Тирсис работал над своей книгой до изнеможения. И когда, ослабевший, он возвращался в реальный мир, ему приходилось сталкиваться с запутанностью отношений. Он жаждал покоя, ласки и утешения, — он хотел получать, а от него требовали, чтобы он давал. Иногда ему приходило в голову, что, может быть, все могло бы быть иначе: вероятно, где-нибудь в мире должна же существовать женщина, которая бы понимала его и ничего не просила от него. Но он редко останавливался на этой мысли, считая ее чем-то в роде измены. Ведь он не был женат на этой воображаемой женщине, он был женат на Коридон.

И время от времени он приходил к ней, брал чашу ее страданий в свои дрожащие руки, подносил эту чашу к своим губам и опорожнял ее до дна. Он садился около Коридон, слушал повесть о ее страданиях и раздувал искры своего усталого чувства в пламя, которое могло бы согреть ее. И, когда ноша становилась слишком тяжелой для него, когда черные волны отчаяния и безнадежности, которые она изливала перед ним, грозили потопить и его, — он уходил в лес или на покрытые снегом холмы и опять призывал демонов своей души и давал себе клятву остаться непобедимым.

Мир прилагал все усилия, чтобы разрушить в нем дар творчества, мир ненавидел и боялся его и хотел убить его, — и Тирсис поклялся спасти свое дарование. Он побуждал себя к борьбе, взывал к своему таланту, к этому неисчерпаемому источнику силы, который кипел в нем. Какую бы силу они ни выставили против него, все равно, он останется победителем. Он взывал к потомству и умолял дать ему утешение в печали. Разве не для потомства он работал, чтобы оно когда-нибудь почерпнуло силу в его вере?

13.

И так он жил, ведя одновременно две битвы: одну внутри себя, другую с внешним миром, и мало-по-малу обе они слились в его

воображении. Он задумал создать фигуру, которая бы воплотил войну, и эта фигура обрисовывалась ему в образе его самого.

Война, о которой он писал, возникла неожиданно и застала народ неподготовленным. Но народ должен защищаться. И вот, люди взялись за меч и принесли в жертву и свое богатство, и свои жизни. С развевающимися знаменами, с боем барабанов, с сердцами, полными надежд, целые толпы юношей шли навстречу врагам и гибли в беспощадной резне.

С другой стороны были люди, которым до отечества не было никакого дела и которые заботились только о своем обогащении и о том, чтобы захватить в свои руки власть. Они продавали правительству плохие одеяла и сапоги с картонными подошвами и наживались на солдатской пище.

Должен найтись человек, который бы открыл Америке глаза на все, что делают с ней, и пробудить ее душу. Но кто сделает это? Кто вдохновится этим, создаст песню или напишет историю, которую могла бы читать молодежь? Писатели, как и газеты и церковь, были также продажны. Они писали, угождая вкусам толпы, а тем временем вся цивилизация Америки катилась по наклонной плоскости в яму. И здесь опять была борьба. Здесь тоже были страдания и болезнь, голод и холод, одиночество и отчаяние. Здесь также угрожала смерть. Полчища людей шли и наполняли рвы своими телами, чтобы создать мост, по которому могла бы прийти свобода. Но рвы все еще не были полны: требовались все новые и новые жизни.

И из тьмы прошлого взывали голоса к Тирсису. Эти люди умерли только ради того, чтобы была спасена республика, чтобы стала действительностью их мечта о свободе и справедливости. А разве назначение поэта не в том, чтобы рассказывать молодому поколению, что сделали их отцы, чтобы заставить американскую молодежь восстать и встрепнуться? Разве возможно думать, что вся страна погрязла в болоте эгоизма и неверия и в ней больше не осталось благородных душ, которые отозвались бы на звук призывного рога и собрались в поход, чтобы нанести новый удар во имя великих надежд человечества!

14.

Зима становилась все более свирепой. Их совсем занесло снегом, так что Тирсису и Коридон пришлось дня два прочищать дорогу, чтобы добраться до фермы. Гулять было негде, — тропинку от их

дема до хижины Тирсиса заносило снегом, и требовалось пол-дня работы, чтоб расчистить ее. Вдобавок ко всему, Коридон простудилась.

Проснувшись как-то утром, Тирсис увидел, что за ночь выпал свежий снег. Одевшись и войдя к Коридон, он удивился, что она лежит еще в кровати. Она жаловалась на озноб и головную боль. Он испугался. Взяв на плечи ребенка, он с большим трудом дошел до фермы и, оставив там младенца, поехал в город за доктором. Доктор хотя и был занят, но обещал приехать вечером. Тирсис поехал домой и провел ночь около больной... Доктор приехал только к вечеру следующего дня и принес облегчение Тирсису, а может быть, и Коридон также. Найдя у нее сильный грипп и бронхит, прописал целый ассортимент лекарств и обещал Тирсису приехать еще раз, когда тот пошлет за ним. Тирсису пришлось ухаживать зараз и за больной женой, и за ребенком. Он давал лекарство Коридон, готовил обед для нее и для себя, мыл грязную посуду, одевал и купал мальчика, топил печку и заправлял лампы. И среди всех этих разнообразных занятий не переставал обдумывать свою новую работу.

15.

Прошло две недели, прежде чем Коридон оправилась настолько, чтобы снова взяться за исполнение своих обязанностей. Был март, на дворе стояла слякоть, и около дома никогда не просыхала грязь. Коридон становилась все бледнее и была слабее, чем когда-либо.

Как-то раз, придя домой около двух часов ночи, Тирсис, думая, что Коридон уже спит, осторожно прокрался к себе в постель. Он уже стал засыпать, как вдруг услышал подавленные рыдания. Он прислушивался. Звуки становились все яснее. Он сел на кровать. Лунный свет падал на нее, и вдруг Тирсиса поразил холодный блеск стали. Мгновенно, как молния, его прорезала мысль: он дал ей револьвер, чтобы она чувствовала себя в безопасности, когда ей приходится оставаться одной. Он вскочил, быстро подбежал к ее кровати: ее рука держала револьвер, направленный в висок.

Он выбил из ее рук револьвер. Коридон с ужасным криком, в изнеможении, упала к нему на руки.

— О Тирсис! — рыдала она. — Спаси меня! Спаси меня!

— Что с тобой? — задыхаясь, спросил он.

— Я не могла этого сделать, — кричала она, задыхаясь. — Я не могла! Я пробовала несколько раз!..

— Дорогая моя! — шептал он в ужасе.

— Почему ты решилась на это?

— О Тирсис, я так страдала! Я устала, я больна от борьбы. Я не в силах вынести больше, а что же мне остается делать?

— Моя бедная, бедная девочка! — шептал он, прижимая ее к груди в каком-то пароксизме жалости. — О, моя Коридон, моя Коридон!..

Ужас происшедшего сломил его силы, и все тело его сотрясало от страшных конвульсивных рыданий. Что должен он сделать для нее, как помочь ей?

Но он уже оказал ей помощь. Не часто она видела его плачущим, не часто убеждалась в том, что она что-то значит для него.

— Тирсис, я тебе в самом деле нужна? — прошептала она. — Ты в самом деле так сильно меня любишь?

— Я люблю тебя, я люблю тебя! — говорил он среди рыданий.

— Тогда я останусь жить. Я вынесу все, если я нужна тебе, если я могу быть тебе чем-нибудь полезной.

16.

Их слезы смешались. Еще раз души их, до дна всколыхнувшиеся силою страданий, открылись друг другу. Доведенные до крайней степени отчаяния, они сделали конвульсивное усилие и, пробив кору обыденности и нравственного оцепенения, еще раз проявили могучие силы, сокрытые в самой глубине их душ. В эти часы он видел Коридон такой, какой она была на самом деле: пламенеющий дух, архангел, заточенный во плоти. Где-то в глубине, непонятная, непокоренная никем, таилась эта могучая сила, которая в конце концов произведет революцию во всех человеческих идеях и установлениях. Но как освободить эту силу, сделать ее сознательной и способной служить жизни?

Большинство женщин относилось доброжелательно к Тирсису, смутно угадывая в нем своего союзника, а некоторые мужчины ненавидели его за это же самое. Эти мужчины все были с душой рабовладельцев. Они считали женщин слабейшими созданиями, и на это у них были свои причины: существовали женщины, которым нравилось быть управляемыми. Но Тирсис никогда не спорил с ними. Он думал, что стоит только обойтись с рабом, как со свободным человеком, а со слугой, как с джентльменом, чтобы рано или поздно они наконец прониклись чувством собственного достоинства и чтобы дух мятежа вспыхнул в них.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ ХОЗЯЕВА ЗАПАДНИ

1.

Денежные дела Тирсиса совсем пришли в упадок. Они прилагали все усилия, чтобы не выходить из сметы—тридцати долларов в месяц, но это им плохо удавалось. Болезнь повлекла лишние расходы, переписка рукописей также стоила денег. Мало-помалу счета, которые им представляли из мясной, мелочной лавочки и от доктора, превысили сумму их ежемесячного бюджета. В довершение несчастья, пришло письмо от Дарреля, в котором он писал, что может посылать им деньги еще только в течение двух месяцев.

Тирсис опять принялся за устройство своих дел. Он написал мистеру Ардслею, своему другу, письмо, где рассказал содержание своей новой книги, и при этом послал Ардслею то, что им уже было написано. Три недели он ждал ответа. Наконец он получил письмо, в котором его просили зайти для переговоров.

Тирсису пришлось говорить с самим главою фирмы. Он разложил перед этим купцом сокровища своей души, а тот сидел и оценивал их холодным критическим взглядом. Но Тирсис за это время тоже успел сделаться деловым человеком. Он сделал отчаянное усилие над собой и, собравшись с духом, попросил пятьсот долларов аванса и пятнадцать процентов с книги. К его великому удивлению, купец не спорил, и сделка состоялась.

Тирсис вышел от издателя с ощущением слепого, который только что прозрел. В этот миг ему казалось, что решена последняя задача его жизни. Он послал Коридон телеграмму с извещением о победе и письмо Даррелю, в котором сообщал ему, что теперь не нуждается в деньгах, что наконец-то дорога перед ним открыта.

2.

Это событие было новой ступенью в их финансовом благополучии. Как и всякая их крупная посылка, оно ознаменовалась, прежде всего, оплатой всевозможных счетов. Затем была куплена настоящая скатерть для Коридон, ваза для цветов, новый костюм для мальчика и, наконец, самое важное: к дому была сделана пристройка, в шестнадцать футов длины и восемь ширины, разделенная на две половины, одна из которых предназначалась быть кухней, другая — комнатой: они намеревались взять себе прислугу.

К этому решению они пришли после долгих споров и колебаний. Начать с того, что это поведет к громадным издержкам, — жалованье, пища для прислуги будут им стоить лишних тридцать долларов в месяц. Но это был единственный способ получить хоть некоторую долю свободы от домашних дразг.

Их мечтой было — найти немку, еще не испорченную цивилизацией больших городов, которая могла бы, между прочим, болтать по-немецки с ребенком. Наконец, в одной конторе для найма прислуги Тирсис нашел искомое — добродушную, веселую немку. Тирсис помог ей собрать все свои узлы и доставил ее к себе в дом. Надо было видеть, какая поднялась чистка всего дома и с каким жаром немка принялась скоблить полы, сметать паутину и чистить кастрюли. Каким облегчением было для Тирсиса с Коридон пойти наконец гулять вместе, не занося ребенка к фермеру, как приятно было, возвращаясь домой, видеть его на руках у добродушной немки.

Но с течением времени они мало-помалу разочаровались в этой идиллии. Начать с того, что немка отличалась уж слишком большой чувствительностью, и ее эмоции были слишком шумны для такого маленького домика. Она во все горло распевала венгерские любовные песни и в добавление ко всему распространяла по всему дому какой-то своеобразный запах — смесь ароматов жареного лука, капусты и пота. Поэтому через три недели бедная немка была отслана. Она долго неутешно плакала, совершенно не понимая причины, за что ее, собственно, выгоняют. Коридон и Тирсис снова принялись за мытье грязной посуды, радуясь, что такой ценой они покупают себе спокойствие и уединение, и клялись, что больше никогда не будут держать прислугу.

3.

Наступила весна — не та, которую воспевают поэты, с песнями птиц и прочими прелестями, а весна холодная, с дождями

и ветрами. Но все же мало-по-малу солнце одолело своих врагов.

В мае Тирсис закончил свою книгу и послал ее мистеру Ардслею. Тот написал, что доволен рукописью, и прислал остальные деньги. Тирсис мог наконец вздохнуть свободно и обратить внимание на свое расстроенное за время работы здоровье.

Это лето было счастливейшим временем в их жизни. Книга должна была выйти в начале сентября, а пока у них было достаточно денег, чтобы прожить до того времени. Их маленький домик был очень красив. Они посадили около него душистый горошек и розы, а Тирсис принялся даже копать гряды под огород. Он сделал скамейку в лесу, где можно было сидеть и читать, сколотил стол перед домом, на котором можно было мыть посуду на свежем воздухе. Начиная задумываться над постройкой курятника и покупкой коровы и так увлекся всеми этими буколическими мечтаниями, что написал даже статью в журнал, в которой убеждал всех поэтов бежать из города и селиться в собственных домах.

Мальчик за этот год значительно вырос и окреп. Тирсис улыбался, вспоминая идею мученичества, которую он хотел провести в жизнь. Становилось очевидным, что один из членов их семьи не помышлял ни о чем подобном. Родители могут увлекаться проблемами своей жизни до того, что забывают пообедать, но они должны сообразоваться с аппетитом своего ребенка. Природа снабдила его феноменальными легкими, и, когда жизнь принимала оборот, который ему не нравился, он поднимал такой крик, что лицо его становилось багровым от натуги.

Это маленькое существо непрерывно искало все новых и новых впечатлений. Целый день мальчик бродил, запуская повсюду свои пальчики. С ним ужасно трудно было сладить в такой тесноте, и порой родители от души желали, чтобы их ребенок был менее беспокойным субъектом. Но все же, в конце концов, несмотря ни на что, он воплощал все их надежды, — он был видимым оправданием всех пережитых ими страданий. Во всяком случае, он являл собой нечто, совершенное ими, и не возбуждал никаких сомнений на свой счет.

Иногда Тирсис любил смотреть, как он играет, и думать о таинственном значении того, что находится перед его глазами. Тирсису казалось, что природа каким-то таинственным путем воспроизвела в ребенке те свойства, которые они с женой принесли в этот союз. И любопытно было видеть, как природа, выполнив свое намерение, перестала хитрить с ними. Отныне они существовали для того,

чтобы служить этому новому жизненному явлению, сделать его счастливым. И они теперь покорно подчинялись приговору природы и не пытались противоречить ему. Все равно, что бы ни случилось с ними в будущем, ребенок их должен жить.

4.

Это лето, свободное от работы, Тирсис решил употребить на систематическое изучение социализма, который привлек его внимание со времени его первой встречи с Даррелем.

В его распоряжении были написанные Даррелем памфлеты и один социалистический журнал, а также социалистическая газета, издававшаяся в Нью-Йорке, — „Рабочий“ и „Призыв к справедливости“.

„Призыв“ был агитационным листком. Он обращал внимание на ту сторону капиталистического процесса, которую органы других направлений старались скрыть или, по крайней мере, представить в более или менее приличном виде. В каждом номере, выходившем раз в неделю, изображались ужасы, творящиеся в копиях, говорилось об угнетении, несправедливости, безработице, о нищете и болезнях, смертях и несчастных случаях на фабриках.

Говорилось о продажности законодательной власти, о нравах и образе жизни богатых классов, которым противопоставлялись страдания бедняков. Читая этот журнал, Тирсис мало-по-малу понял свое заблуждение. Ему стало ясно, что здесь была иная борьба — классовая борьба — и что хозяева жизни будут употреблять в этой борьбе всякое оружие, какое только способны изобрести хитрость и алчность. Тирсис ясно видел, что его место в этой борьбе в рядах обездоленных.

Выбор для него не представлял затруднения. Он и сам был в числе обездоленных, и еще до знакомства с социализмом он был, бунтовщиком по своим вкусам и симпатиям. Иисус, Исаия, Мильтон Шелли — все они были его друзьями по духу. Он тщетно искал присутствия этого духа в современном обществе и уже думал, что дух этот умер навсегда и что только он да несколько одиноких мечтателей на чердаках одни еще знают о нем и являются его носителями. Но теперь он сделал ошеломляющее открытие: этот дух изгнанный из законодательных палат и судов, из церквей и школ горел в сердцах людей рабочего класса и одухотворял политическую партию, которая насчитывала тридцать миллионов последователей и обладала семью миллионами голосов.

Около ста лет тому назад люди, унаследовавшие дух Иисуса, Исаии, Мильтона и Шелли, подвели под него научный базис. Они произвели анализ всех зол современного общества — бедности и роскоши, социальной и политической испорченности, проституции, преступлений и войн. Они не только нашли их причины, но с математической точностью изыскивали средства против этих зол и работали над тем, чтобы эти средства оказали свое действие. Во всех цивилизованных странах земного шара они работали, как партия протеста. Они устраивали съезды и вырабатывали программы, имели обширную литературу, издавали газеты и журналы, многие из которых расходились в сотнях и тысячах экземпляров.

Странно! Тирсис был образованным человеком — по крайней мере, считал себя таковым, — провел пять лет в школе и девять лет в колледжах и университете; ученые всего мира имели возможность показать ему все, что было самого важного в жизни, да он многое знал и из прочитанного, — и тем не менее он был совершенно незнаком с великим движением.

В колледже слегка упоминалось о социализме, но это был утопический социализм: мечты* Платона, Сен-Симона и Фурье. Смутно упоминались имена Маркса и Лассалья — двух неистовых людей, идеи которых были популярны среди „невежественных“ масс Европы, но которые не могли представлять никакого интереса для счастливых обитателей свободной республики.

И после всего этого напасть на такую, например, вещь, как „Коммунистический Манифест“ или произведения Карла Каутского. Тирсис поглощал все это с такой быстротой, с какой огонь распространяется по прериям. И, по мере того, как он читал, его удивление росло. Как мог он не знать всего этого? Очевидно, это не было простой случайностью. Это было нечто планомерное, заранее обдуманное. Он думал, что, учась, он получал подлинные знания, тогда как на самом деле все время от него тщательно скрывали истину. Это был какой-то всемирный заговор, — это было одно из орудий классовой борьбы.

5.

Их идеи были ясны и просты, и понять их не составляло особенного труда. Они начинали с объяснения факта „прибавочной стоимости“, которую создает один человек другому своим трудом. Во всей истории человечества одни люди заставляли других работать на себя, — были ли это рабы, крепостные, рабочие, земледельцы или слуги. И те, кто пользовался прибылями, соединялись вместе для

общей защиты своих интересов. Таким образом, из учения о прибавочной стоимости вытекало учение о „классовой борьбе“. История человечества была в сущности историей возвышения какого-либо господствующего класса или борьбы одного из подчиненных классов за увеличение своей доли в процессе производства. „Образ правления“ был средством, при помощи которого господствующий класс удерживал свое господство. И каковы бы ни были самодовлеющие цели искусства и религии — господствующий класс, в конце концов, всегда захватывал их и делал орудиями своей борьбы.

Кульминационным моментом этого процесса было современное капиталистическое общество, в котором могущество господствующего класса было обеспечено всеми средствами: в его руках были все источники богатства — машины, железные дороги и т. п. Он захватил в свои руки правление, законодательную власть, суды, он защищал свои права с помощью полиции и армии. Он захватил в свои руки даже область идей и направлял деятельность печати, церкви и школ, чтобы они формировали людей и делали для них довольство возможным.

Промышленные кризисы, безработица, борьба за рынки и связанные с нею войны — все это тяжело отражалось на неимущих классах. Но все эти невзгоды способствовали, с другой стороны, организации пролетариата, выдвинувшего своих вожаков и мыслителей и сформировавшегося в большую политическую партию, которая должна была в будущем произвести революцию. До тех пор, пока этого не будет сделано, всякие реформы будут бесполезны.

Господствующему классу не нужно было новых идей, — ему нужно было только господствовать одному. Поэтому он выдвигал только таких людей, которые были слепы и не видели в туманной дали будущего маяков, ведущих вперед человечество.

И как великолепно были подобраны все слуги капитала! Епископы были „ортодоксами“, т. е. они имели дело с мертвыми формулами. Редакторы были „благонадежными“ и консервативными, иначе говоря, их души были мертвы, а глаза слепы, и богом их была собственность. А когда нужно было выбрать преподавателя колледжа, который должен был воспитывать будущее поколение, — какие предосторожности пускались тогда в ход! В наше время не легко было найти человека, который мог бы не бледнеть взирая на все ужасы капиталистического строя, видеть детей, работающих на фабриках и заводах, женщин, принужденных из нужды продавать свое тело, смотреть, как народное богатство растрачивается на кутежи и на разврат и как толпы людей посылаются на убийство друг друга.

6.

Нельзя сказать, чтобы для Тирсиса все эти идеи явились неожиданностью: они выражали настроение всей его жизни. Но здесь впервые они были приведены в систему, которая объясняла с экономической точки зрения всю историю человечества. Тирсис узнал, что идеи не рождаются случайно, а являются продуктом социальных условий. При свете этого нового принципа Тирсис пересмотрел все свои прежние убеждения. Все политические установления, эстетические и этические нормы, философские системы теперь не представлялись ему, как раньше, выражением стремления человечества к истине,—он видел в них просто средства, с помощью которых одна часть людей обманывала и грабила другую.

7.

Один из новых друзей Тирсиса прислал ему книгу „Мирозерцание праздных людей“. Книгу эту Тирсис прочел с восторгом и некоторые страницы ее читал Коридон, но на жену книга произвела совершенно иное впечатление. У людей, принадлежавших к классу праздных, женщина была желанным предметом обладания, потому что при ее помощи легче выказать свою способность тратить время и деньги. Уэблэн — автор книги — не жалел иронии в описании типа женщины праздного класса, и Коридон было тяжело читать эти страницы. Ее предки также принадлежали к этому классу. Они передали ей в наследство хрупкое, красивое тело, неспособное к работе. Они передали ей все желания и стремления женщин этого класса, всю их неспособность быть довольными чем бы то ни было. Они не научили ее готовить, шить, ходить за ребятами; она не знала счета деньгам. Они оставили ей только мечты праздных женщин о „любви в шалаше“, и вот, она бежала с бедным поэтом, чтобы испытать ее.

Были некоторые признаки того, что эти инстинкты женщин праздных классов глубоко лежали в Коридон. Просыпаясь утром, она всегда вставала неохотно, лениво и вообще не могла как следует прийти в себя до послеобеденного времени. Только около десяти часов вечера она оживлялась, смеялась, болтала, пела, находясь в состоянии какого-то радостного возбуждения. Тирсис указывал ей на это и иногда рисовал себе в воображении ту роль, которую она играла бы при другой обстановке — в платье *empiré* и с двумя нитками рубинов, сидящей в ложе в опере или в каком-нибудь салоне. Коридон с негодованием отвергала все эти предположения.

Но вот, вскоре после этого разговора, они вместе прочли „Гедду Габлер“ Ибсена. И Тирсис с содроганием убедился, что из всех героинь современной литературы она наиболее понравилась Коридон. Когда он проверял, какое впечатление произвела эта вещь на него самого, он увидел также, что какой-то, глубоко зарытый в его душе, инстинкт заставляет его предпочесть из двух частей одну: скорее быть несчастным с женщиной, носящей в себе аристократические стремления, чем быть удовлетворенным плебейкой.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЦЕНА ВЫКУПА

1.

Как-то раз, вернувшись с прогулки, Тирсис застал Коридон в сильном возбуждении. Она рассказала ему, как какая-то молоденькая барышня остановилась у их дома попросить воды, как она присела отдохнуть на балконе и как они потом разговорились.

— Кто она?—спросил Тирсис.

— Она гостит у мистера Гардинга, священника из Бельвю. Она так хочет познакомиться с тобой, — продолжала Коридон. — Она придет ко мне завтра утром вместе с мистером Гардингом. Как ты отнесешься к этому, Тирсис?

— Я полагаю, что смогу вынести его общество, если он в состоянии вынести мое, — заметил Тирсис мрачно.

— Мне кажется, что, в конце концов, идеи не так уж много значат, — продолжала Коридон. — Я ценю в людях глубину натуры. Но ты подумай только: она скорбела о том, что ребенок не крещен.

— Ты должна бы была скрыть от нее страшную правду.

— Я не могу ничего скрыть от нее, — засмеялась Коридон. — Но она говорит, что я могу сделать из нее социалистку, а она сделает из меня христианку. Она мне кажется чем-то в роде Жанны д'Арк. Подумай только, — она бросает семью и уезжает к дикарям на Конго. Она мне рассказывала о том, как несчастны эти люди, сколько страданий приходится переносить женщинам. Она проснулась однажды ночью и услышала голос, который повелел ей идти туда. Раньше она никогда не слышала даже названия этой местности.

— Смотри, как бы она не окрестила младенца у тебя за спиной.

— Это принесет ему пользу?—простодушно спросила Коридон. Он рассмеялся.

— С ее точки зрения, несомненно.

— Ну, что ж, если ни мы, ни ребенок не узнаем об этом, я думаю, это не причинит ему никакого вреда.

— И, может быть, спасет его от ада!—добавил Тирсис.

2.

На следующее утро мисс Гордон пришла вместе с мистером Гардингом, и они вчетвером долгое время беседовали, усевшись в тени деревьев. Она была года на три старше Коридон, но казалась более зрелой как физически, так и умственно. Роста она была небольшого, но отличалась атлетическим телосложением. Несомненно, она обладала яркой индивидуальностью. Тирсис сразу увидел в ней тот благородный идеализм и горячность, которые так привлекли к ней Коридон. К его удивлению, оказалось, что, в придачу к религиозным добродетелям, господь бог великодушно одарил ее способностью юмора. Вообще Дэлиа Гордон оказалась особой, с которой каждый мог очень приятно провести время.

Но господь бог был далеко не столь великодушен к мистеру Гардингу. Это был человек лет тридцати, высокий, стройный, с небольшими белокурыми усиками, с женственным выражением лица. Повидимому, это был очень чувствительный, сентиментальный человек, весьма любезный и милый, но совершенно чуждый юмора. Он был сторонником социальных реформ и основал в своем городе клуб для рабочих-подростков, которым очень гордился. Он просил Тирсиса как-нибудь прийти и поговорить с юношами на литературные темы, на что Тирсис ответил ему, что его взгляды на вещи вряд ли покажутся ему „правоверными“. Когда священник попросил у него объяснения, Тирсис прибавил с улыбкой:

— Я не верю, чтобы Иона когда либо проглотил кита.

В ответ на эти слова мистер Гардинг с совершенной серьезностью стал доказывать ему неправильность его толкования легенды.

Дружба, так внезапно вспыхнувшая между обеими женщинами, продолжала крепнуть. Дэлиа Гордон приходила к Коридон почти каждый день, и раза два Коридон ходила в город навестить свою подругу и завтракала у нее.

Тирсис не переставал изумляться, видя, как счастлива стала его жена со времени этой дружбы. Она походила на увядший цветок, который вдруг полили водой.

— О Тирсис, — воскликнула как-то ночью Коридон, — как бы я была счастлива, если бы она осталась со мной!

— Почему же ты не попросишь ее остаться?—спросил он быстро.

— Ах, она не может и думать об этом. Она ни о чем не думает, кроме своих дикарей с Конго.

— Можно попробовать. Когда она думает ехать?

— Не ранее конца года.

— Ну, за это время мы попытаемся убедить ее. Когда выйдет книга, у нас будет достаточно денег, чтобы заплатить ей. Она может остаться у нас в качестве помощницы по хозяйству.

3.

Тирсис начал борьбу с Иисусом Христом и с дикарями Конго за обладание душой Дэлии. Он постарался сначала заинтересовать ее своими произведениями. Как-то раз, гуляя с Дэлией в лесу, рассказал ей чистосердечно, в чем состоит трагедия их жизни,—рассказал об одиночестве Коридон и о том, какое благотворное влияние на его жену имела ее дружба.

Но, увы!—Тирсис скоро увидел, что все его усилия пропали даром. На все его красноречие она отвечала не менее энергичным рассказом о страданиях дикарей на Конго. Конечно, очень важно, чтобы Тирсис имел возможность написать свои книги, но насколько более важным делом была помощь несчастным дикарям.

Тирсис сделал попытку привить Дэлии свои социальные взгляды. Он стал доказывать ей, что капиталистическая система, достигая до дикарей, расправляется с ними по-своему и что их судьба решается в финансовых центрах Лондона, Парижа и других крупных городов. Дэлия может идти к ним, пробовать помочь им, учить их, но скоро она поймет, что существуют силы, призванные для того, чтобы уничтожить ее усилия. Это было справедливо в отношении негров Конго так же, как в отношении пролетариата всего земного шара: не было иного пути помочь всем этим людям, как свергнуть систему, которая делала их не человеческими существами, а товаром, который должен быть продан, принести прибыль, а потом брошен в кучу отбросов.

Но, к своему огорчению, Тирсис убедился, что все эти соображения не имели никакой цены для Дэлии. Она понимала его и соглашалась с ним, но не принимала их в соображение. Ее порыв исходил от другой стороны ее существа. Ее дикари были голы, голодны, невежественны и несчастны. Их нужно было накормить и одеть и, что еще важнее, спасти их и окрестить. Ее еще больше увлекало сознание, что все силы цивилизации ополчились против нее. Огонь мученичества горел в ее душе. Она горела желанием броситься в

пропасть, и чем глубже была эта пропасть, чем острее скала под ней, тем сильнее охватывала ее дрожь восторга.

4.

Тирсис с детства любил религиозных людей, он вырос среди них, и их пути были и его путями. И Тирсис вступил в беседу с Дэлией, как человек, верящий в Христа. Он говорил ей, что хочет того же, что и она. На земле царил чудовищное зло, как будто все силы ада были выпущены на свободу и производили опустошения среди людей. И те люди, которые способны научиться этим, которые обладают совестью и верой,—именно те самые тратят время на споры о мертвых формулах, на решение вопроса о том—в пятницу или субботу закончил господь бог сотворение земли! Благодаря этому, все мыслящие люди отшатнулись от религии, и самая идея веры стала смешной в их глазах. Это было новое распятие: распятию предавалась самая цивилизация! Дэлия говорила с ним о вере, но что была ее вера в сравнении с той, которая горела в сердце Тирсиса,—верой в жизнь, в человеческую душу и в разум, как часть этой души, которую бог вложил для того, чтобы им пользоваться, а не для того, чтобы бояться его.

Но Дэлия боялась разума: ее вера была основана не на легендах и текстах,—это была вера в живого бога.

— Но вы отрицаете разум!—воскликнул Тирсис.—Вы никогда не говорите о науке иначе, как о чем-то греховном. Вы говорите Коридон, что идея эволюции—грех!..

— Я не вижу, каким образом идея эволюции может услужить моей вере!

— Вот, вот!—воскликнул опять Тирсис.—Это и есть как раз то, о чем я говорил. Вы не ищете истины ради нее самой. Вы хотите, чтобы истина не шла в разрез с вашими текстами и легендами. И какой же получается результат: вы парализуете всю вашу активность, вы обрекли на бесплодие свою умственную жизнь. Как вы можете понять современные проблемы, не зная политической экономии? Вы отбросили идею эволюции,—как же вы сможете понять эволюцию общества? Как можете вы знать, что в настоящее время цивилизация катится в пропасть, увлекая за собой и вашу церковь, и ваших дикарей с Конго? Я, понимая все это, пойду бороться один, в то время как вы запретесь в своих церквях, бормоча свои заклинания и изучая свои тексты. Подумайте, как должен я страдать, зная, что тот дух, который живет в вас,—дух преданности идеалу и жажда

правды,—что этот дух навеки изгнал бы ужас с лица земли, если бы он только руководился разумом?

5.

Все свое красноречие Тирсис потратил напрасно. Девушка все так же слепо верила в необходимость идти к дикарям, чтобы перевязывать их раны и крестить их. Тирсис отказался от дальнейших попыток и, когда Делия пошла спать, вышел на балкон и долго сидел при свете луны.

Поздно ночью к нему подошла Коридон и села около него. Она была очень взволнована.

— Тирсис!—прошептала она.—Это было чудесно.

Он сжал ее руку.

— Я поняла, что ты прав.

— Она совершенно не считается с фактами и—заметь это—она не заботится о том, чтобы иметь успех в своей деятельности. Ее религия—религия слабости!—это мораль рабов. Мир принадлежит дьяволу, и мысль об освобождении его от власти дьявола кажется им самонадеянной. Ибо мир во зле лежит и не должен быть спасен. Как видишь, он хочет, чтобы бельгийцы попрежнему получали слоновую кость от дикарей.

— Она хочет „воздаться кесарево кесарю“,—процитировала Коридон.

— Да, и предоставить кесарю тратить это кесарево на Клео де Мерод. Ее желание—спасти души дикарей, крестить их и погибнуть славной смертью во время своей деятельности, а затем перенестись в будущую жизнь. Ты видишь теперь, что сделали с нашей моралью торговцы вечностью!

— Ах!—воскликнула с быстротой Коридон.—Но это не должно так быть. О, если бы мы могли покончить со всеми старыми ошибками и пойти в мир с проповедью нового учения!

— Но, дорогая моя,—сказал Тирсис,—это не всегда будет привлекать тебя. Твой темперамент...

— Никогда не напоминай мне о моем темпераменте!—воскликнула она.—Я стыжусь его. Я хочу, чтобы мир услышал трубный звук!

Она обняла Тирсиса и прильнула к нему. Он чувствовал дрожь возбуждения, которая пронизала ее, как электрический ток. Он изумлялся тому впечатлению, какое произвели на нее его слова.

— Дорогая,—сказал он,—я должен включить эти мысли в свои книги. Ты должна быть около меня и помочь мне в этом...

6.

Они были охвачены страстным желанием бросить все и идти в народ проповедывать социализм. Понемногу Тирсис стал заметным участником „движения“. Некоторые дружески расположенные к нему издатели и редакторы протестовали против такого направления его литературной деятельности, но они не имели представления, насколько глубоко овладела Тирсисом новая вера.

Тирсису стало казаться, что он перестал интересоваться чем бы то ни было, за исключением борьбы рабочего класса во имя справедливости.

Бывали моменты, когда ему казалось, что дальнейшая литературная карьера немыслима для него, что он должен слить свою жизнь с жизнью народа и стать революционным агитатором. Однажды ему пришел в голову удивительный план, о котором он рассказал Коридон, и около недели он носился с ним, весь дрожа от волнения. Они продадут свой дом, купят на вырученные деньги повозку и лошадь и поедут проповедывать социализм.

Тирсис находил, что план этот легко выполним. Они повезут с собой литературу и будут брать на себя комиссию по подписке на социалистические газеты. Он представлял себе, как они поедут по главной улице какого-нибудь захолустного городка, созовут колокольчиком народ и откроют социалистический митинг. Он скажет речь, а Коридон будет продавать памфлеты и книги. Они оживленно обсуждали вопрос о том, не сможет ли также и Коридон научиться произносить речи. В крайнем случае, говорил он, она может пропеть социалистическую песню.

Излишне говорить, что оба они не упускали случая воздействовать на тех людей, с которыми встречались. Тирсис привез коллекцию памфлетов и роздал их мяснику, лавочнику и некоторым знакомым.

7.

Через мистера Гардинга они завязали еще несколько новых знакомств, и среди этих людей Коридон не уставала пропагандировать новое учение. В числе недавних знакомых был один молодой человек, по имени Гарри Стюарт, изящный, красивый юноша, преподававший рисование в высшей школе. В нем Коридон также открыла возможности к восприятию новых идей и с негодованием отвергала мысль о том, что его выразительные глаза и длинные черные волосы играли здесь какую-то роль. Гарри Стюарт был простодушным, полным

энтузиазма членом национальной милиции, но, несмотря на это, Коридон принялась за него. Вскоре ее жертва стала до полночи просиживать за Каутским и Гиндманом, и не успела пройти осень, как злополучный учитель рисования вышел из состава милиции и стал делать рисунки для газеты „Призыв к справедливости“.

8.

Интерес Коридон к вопросам социализма увеличивал еще тем, что она вскоре увидела, какую тесную связь имеет социализм с вопросами, касающимися ее пола. Кто-то прислал ей книгу Шарлотты Джилмэн „Женщина и Экономика“. Она прочитала ее в один прием и показала Тирсису, который с удовольствием почерпнул в ней научное обоснование еще одного из пунктов своей веры.

9.

Ночи становились холоднее. Близилась осень, и перед ними открылась перспектива провести еще одну зиму в этой уединенной хижине. Тирсис ясно видел, что он не сможет приняться за серьезную работу, если они снова останутся здесь. Коридон совершенно упала духом, ее головные боли участились, и она не могла бы провести зиму в уединении. С выходом книги у них будут еще деньги, и они решили употребить их на покупку фермы, где они могли бы вести хозяйство: купить лошадей, корову, развести кур.

Наняв кабриолет, запряженный какой-то старой клячей, они отправились на поиски и осмотрели все фермы, какие имелись на расстоянии пяти миль в окрестности, но так ни на чем остановиться не могли.

10.

Наконец наступил долгожданный день выхода книги. Объявленный на этот раз было много, и сердце Тирсиса радовалось. Это наконец был успех. Стали появляться рецензии, и сердце радовалось еще больше. „Это произведение внесло новую ногу в текущую литературу, — говорили критики: — в нем есть сила и страсть, ширина захвата и подлинная поэзия. Американская история никогда еще не трактовалась подобным образом, американские идеалы никогда еще не провозглашались так смело“. Тирсис видел, что это были отзывы видных критиков, а не каких-нибудь жалких сотрудников провинциальных органов. Победа, казалось, наконец-то была в его руках.

Тирсис отправился в столицу. Он не без основания думал, что выход в свет книги — самый подходящий момент для того, чтобы предложить свои услуги издателям журналов. Такой человек был уже величиной, с которой приходилось считаться. Был самый разгар агитации перед выборами президента, и социалисты повели такую кампанию, которая удивила всех. Тирсису пришла в голову мысль — предложить редакторам некоторых журналов ознакомить их читателей с этим новым и интересным движением.

К его удовольствию, редактор одного ежемесячника одобрил его мысль и попросил его написать статью. Тирсис заперся у себя в отеле и написал статью в одну ночь. Статья произвела впечатление в редакции, и его попросили написать другую. Набравшись храбрости, Тирсис потребовал гонорар по пяти центов за слово. Редактор поспешно ответил, что это условие является для него подходящим.

Двести долларов за статью! Вот это, действительно, была слава! Он отправился домой и спустя неделю привез в город новую статью.

Эта статья, в которой Тирсис ставил кандидата в президенты перед судом общественного мнения, произвела настолько сильное впечатление в редакции, что сам редактор-издатель органа, Билли Макинтайр, пригласил Тирсиса на обед, чтобы он, как выразился Билли, „просветил их немножко по части социализма“.

11.

Таким образом, Тирсис поднялся еще на одну ступень по лестнице литературного успеха. В пятницу вечером Тирсис отправился в роскошный дворец младшего Макинтайра. Там уже собралась публика, среди которой были известный беллетрист Комингс и иллюстратор Дэсмонд. Вскоре пришел и Макинтайр старший, глава фирмы. Это был добродушный с виду, наивный старик с розовыми щеками. Он прямо подошел к Тирсису, когда тот стоял у камина, и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами. Я читал вашу статью, молодой человек. И, знаете, Билли решил не печатать таких вещей в своем журнале. Зачем вы пишете подобные вещи?

— Но разве все это не правда, сэр?

Мистер Макинтайр задумался.

— Вы знаете, я считаю вас умным человеком. Но я не понимаю, почему вы не помещаете подобных мыслей в книгу?

— В книгу? — повторил Тирсис.

— Да. Там это никому не повредит, кроме вас самих. Но зачем вы хотите печатать их в моем журнале и отпугивать мои полмиллиона подписчиков?

Дня через два Тирсис получил приглашение от Комингса, популярного беллетриста, и от него услышал, что некая миссис Паттон читала его книгу и очень желает с ним познакомиться. У Тирсиса хватило бестактности сказать, что он не знает, кто такая миссис Паттон. Комингс объяснил ему, что это выдающаяся женщина: она интересуется социальными реформами и движением суфражисток; вдобавок ко всему этому она обворожительна, как женщина. Тирсис принял приглашение и на следующий день отправился к ней вместе с Комингсом.

Когда, через несколько дней после посещения салона миссис Паттон, Тирсис заглянул в очередной номер журнала, он стал смотреть с новой точки зрения на то, как составляются литературные репутации. Рецензент уделил целых три параграфа его личности и его последней книге. Он нашел ее бодрой и согретой теплым чувством. По о воду же его более ранней книги— „Тот, кто знает правду“—выразился: „Это блестящее произведение литературы“. И Тирсис почувствовал смущение, прочтя эти строки: он вспомнил, как тот же самый обозреватель выразился когда-то о его книге— „эта претенциозная стряпня“. Неужели, на самом деле, работа писателя является нелепой и претенциозной, когда он поддыхает с голоду на чердаке, и вдруг превращается в „блестящее произведение“ после того, как он побывает в салоне миссис Паттон?

12.

Тирсис все глубже и глубже проникал в тайники литературного успеха. Скоро он получил приглашение на обед к миссис Джесс Дикман.

У миссис Дикман собирались „сливки“ литературного общества. И Тирсис, наблюдая литераторов в салоне миссис Дикман и прислушиваясь к ним, начинал понимать, от чего зависит журнальный успех. Ее муж, Джесс Дикман, писал небольшие рассказы, в которых с тщательностью описывалось, как герой держит сигару и как одета героиня.

Тирсису казалось, что он ясно может представить себе весь ход литературной карьеры этого человека. Он потратил несколько лет на изучение моды не только в костюмах и манерах, но и в мнениях и книгах. Женившись, он поселился в этой квартире, с серебряной

посудой и французской прислугой, и они стали давать обеды и заводить знакомство с людьми, „имеющими вес“ в литературном мире. Таким путем ему удалось устроиться в „beau monde“, поставляя туда каждый месяц по одному или по два рассказа и получая по тысяче долларов за каждый рассказ.

Этот способ составления литературной карьеры можно было назвать „придворным“. В центре такого маленького двора стоял какой-нибудь молодой „принц“, имевший деньги. Его двор составлял кружок светских людей, любящих книги, и богатых женщин, мужья которых играли на бирже. Они давали тон и раздавали милости. Те, кто пользовался их благосклонностью, могли считать себя свободными от нападков критики, как бы бездарны и жалки ни были их писания. Кому приятно „разделывать“ человека, с которым он играет в гольф раз в неделю? И кто будет настолько неучтив, чтобы с пренебрежением отозваться о стихах лэди-поэтессы, которую он пригласил к себе на обед?

13.

Тирсис изучал этих людей и сравнивал себя с ними. Он не был ослеплен тщеславием. Он прекрасно понимал, что в одну неделю он может написать рассказик, который будет блистать теми качествами, какие нужны для журнала Макинтайра, и который будет остроумен, занимателен и искренен в такой степени, в какой это допустимо в таком журнале. Если бы он спросил у Билли пятьсот долларов гонорара, тот бы согласился и прислал ему чек.

Ему не придется даже явно изменять своим убеждениям. В обществе встречаются люди разных убеждений—христианские социалисты, спиритуалисты, теософы, вегетарианцы и т. п. Нашлось бы место и для социалиста.

Так почему же ему не поступать так? Почему он поворачивается спиной к счастью, чтобы снова вернуться в свою хижину и там опять бороться с одиночеством и нуждой? Но то, что казалось таким легким для его рассудка, оказалось немислимым провести в жизнь при его характере. Тирсис не мог бы иметь дело с этими людьми, не притворяясь перед ними постоянно. Он лгал бы даже тогда, когда сидел с ними и мирно беседовал. Они были в его глазах врагами, с которыми он должен вести борьбу. Он ненавидел все, чем жили они, ненавидел их идеи и учреждения, и их добродетели в такой же мере, как и их пороки.

Иногда ему казалось, что он один, среди всех живущих людей, может с должной силой крикнуть о страданиях замученных.

Ему казалось, что он является носителем нового евангелия, что он должен научить мир чему-то такому, чего тот не узнал бы без него. Он постиг на себе и на своих близких весь ужас нищеты и одиночества, холода и голода, болезни и отчаяния. Он знал все это, и никто не мог бы спорить с ним. Он должен укрепить себя для борьбы. Он должен жить ради этого дела и, если нужно, умереть за него,—но он должен показать всему мыслящему миру все ужасы капиталистического режима!..

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПЛЕННИК ИЗНЕМОГАЕТ

1.

Тирсис вернулся домой с двойственным чувством: с одной стороны, он был рад полученным четырестам долларам, с другой—его тревожила судьба книги. Хотя все критики хвалили ее, но она плохо шла. За три недели была продана всего тысяча экземпляров. Издатель был разочарован, но говорил, что еще рано судить об успехе книги: надо подождать, пока рецензии сделают свое дело.

И Тирсис несколько недель прожил между надеждой и сомнением. Старое, давно испытанное чувство, причинившее ему столько страданий. Рецензии появились только один раз, в то время как объявления могли появляться десятки раз.

Тирсис пришел к безотрадному выводу: еще полтора года упорного труда и ожидания прошли бесплодно, а успех был так же далек, как и раньше. Он должен был собрать все свои силы и сделать еще попытку, и Коридон предстояла перспектива провести в уединении еще одну зиму.

Теперь был уже сентябрь, а Тирсис в течение предыдущих шести месяцев не писал ничего, кроме социалистических манифестов. К нему вернулись нервность и раздражительность. Но в условиях домашней обстановки он не в силах был сосредоточить свои мысли. Он был невыносимым в такие минуты, и с ним очень трудно было ужиться.

Положение натянулось до последней степени. Жажда одиночества и покоя становилась невыносимой.

— Чего ты хочешь?—спросила как-то раз Коридон.

— Я хотел бы уйти куда-нибудь, где я мог бы никого не видеть!—воскликнул он.—Я хочу жить в палатке, как когда-то раньше

На следующий день—как будто судьба услышала их желание—пришло письмо от Дэлии Гордон, которая писала, что она очень утомилась от работы и была бы не прочь отдохнуть.

Ей тотчас же послали письмо, приглашая приехать, и таким образом Тирсис обеспечил себе отдых, в котором так сильно нуждался.

И вот, мы снова видим Тирсиса отшельником, устроившимся в уединенной хижинке в Спотсильвании.

2.

Тирсису стало теперь ясно, что ему нечего ждать от своей новой книги. Она была продана в количестве менее чем две тысячи экземпляров, что означало, что он не заработал даже взятого аванса.

В течение десяти лет Тирсис занимался литературной деятельностью. За это время он хорошо изучил литературный мир и пришел к заключению, что заниматься искусством в таком обществе невозможно. Современное общество не имело понятия о том, что такое искусство, а то, что носило название „искусства“, было не чем иным, как обманом и туеядством.

Ибо сущность искусства—бескорыстие! Это — эмоция, которая переполняет душу и стремится излиться перед другими, исходя из чистого чувства радости. Это, прежде всего, нечто социальное. Высшие национальные произведения искусства были, подобно греческим трагедиям и готическим соборам, результатом коллективного творчества. Но как мог понять подобное состояние души современный человек—одиноким хищник в пустыне, *laissez faire*? Что случилось бы с человеком, способным отдаться такому состоянию души в современном обществе, где господствуют волчьи законы и волчьи обычаи?

Суровое решение созрело в душе Тирсиса: он подавит в себе художника и сделает это, какие бы мучения ни выпали на его долю, и станет временно пропагандистом. Вместо того, чтобы бросать драгоценные зерна на бесплодную почву, он займется возделыванием этой почвы.

Целый день он ходил во власти этой новой идеи. Это будет колоссальная работа, которая создаст эпоху! Это будет напряжением всех его сил, оправданием всех его притязаний. Она спасет людей, которые будут жить после него, а спасти этих людей будущего стало теперь целью его жизни.

3.

Вернувшись домой, Тирсис почувствовал новый прилив любви и нежности к своей семье. За это время он успел соскучиться по Коридону и ясно сознать, как сильно он к ней привязан. Он был полон желания поскорей поделиться с ней своими новыми планами. Но оказалось, что не он, а она имела сообщить ему нечто очень важное. Он понял это при первом взгляде на нее. При первом удобном случае она отвела его в его рабочий кабинет, заперла дверь и села напротив него.

— Тирсис,—начала она.—Я не знаю, как начать...

Начало было таинственно.

— В чем дело, дорогая?—спросил он.

— Это что-то ужасное,—прошептала она.—Я боюсь, что ты очень рассердишься...

— Говори, дорогая.

— Тирсис,—прошептала она, после некоторого молчания.—Это—Гарри!..

— Гарри?

— Гарри Стюарт, ты знаешь...

— Да, дорогая, конечно! Продолжай.

— Ну так вот. Как-то раз—это было в последнюю пятницу—он приехал в коляске, чтобы покатасть нас. У Дэлии болела голова, и я и Гарри поехали вдвоем. Был чудесный вечер, и мы чувствовали себя очень хорошо. В самом деле, я не припомню, чтобы я когда-либо была так счастлива. Мы остановились, чтобы нарвать цветов, и потом сели на берегу маленького ручейка. Разумеется, мы все болтали и болтали, и наконец я и не заметила, что стало темно, а мы далеко от дома.

— Продолжай,—сказал Тирсис, увидев, что Коридон колеблется.

— Мы поехали. Я после припомнила,—хотя в то время я не заметила этого,—что голос у Гарри был какой-то хриплый и говорил он невнятно. Он опустил поводья, и его рука лежала на сиденье позади меня. Я не заметила этого. И тогда... тогда... вообрази мой ужас...

— Ну?

— Это случилось... как-то вдруг.—Коридон замялась, щеки ее покрылись румянцем.—Я почувствовала, что он обнял меня. Я обернулась и посмотрела на него. Его лицо было близко около моего, глаза ярко блестели.

Наступило молчание.

— Что же ты сделала?—спросил он.

— Я только посмотрела на него спокойно и сказала: „О, как могли вы?“

Он быстро отдернул руку, выпрямился и с огорченным видом произнес: „Простите меня. Я был сумасшедшим“. И мы оба молчали всю дорогу. Когда мы приехали домой, я выскочила из коляски, не попрощавшись с ним.

Коридон смотрела на мужа широко раскрытыми глазами.

— И это было все?—спросил он.

— Сегодня я получила от него письмо. Он пишет, что уезжает на рождественские праздники. Пишет, что ему очень стыдно, и надеется, что я прощу его. Вот и все.

Некоторое время они сидели молча.

— Что думает об этом Дэлиа?—спросил он.

— Боже мой!—воскликнула Коридон.—Я не говорила об этом Дэлии ни слова.

— Не говорила? Но почему же?

— Потому что она придет в ужас! Она никогда не будет больше разговаривать с Гарри.

— А ты хочешь, чтобы я разговаривал с ним! И даже был любезен с ним! Ты хочешь идти дальше и вести с ним sentimentalный флирт!

— О Тирсис!—протестовала она.

— Но это так и будет! Как ты думаешь, могу я быть спокоен, зная, что это будет?

Коридон с негодованием воскликнула:

— Я свободная женщина! Неужели ты не понимаешь, что ты играешь смешную роль ревнивого мужа?

Но, оставшись наедине с собой, она с недоумением и страхом убедилась в том, что у нее есть сильное желание видеть Гарри Стюарта. Она спрашивала себя: „Неужели я, Коридон, способна интересоваться каким бы то ни было мужчиной, кроме своего мужа?“ Она не могла принудить себя сознаться в том, что это была правда.

4.

Тирсис всецело погрузился в обдумывание своей новой работы. Он уже выбрал название для нее: „Искусство и Деньги. Опыт экономического объяснения литературы“. Это будет не только изложением его философских взглядов, это будет также историей его жизни,

криком его измученной души. Он вспомнил слова Дизраели, что критик есть неудавшийся художник. Он воспользуется этим ядовитым изречением и сделает его своим боевым кличем. Он скажет: „Я, пишущий эти строки, неудачник. Во мне погублен художник. Я сижу у трупов моих погибших мечтаний“. Он призовет к ответу погубившие его силы, он будет преследовать их на страницах всей своей книги, он поразит их своим отточенным оружием.

В это время Дэлиа снова уехала в город, и Коридон опять вернулась к выполнению своих обязанностей и к одиночеству. Она купала, одевала и кормила ребенка. Тирсис приходил иногда помогать ей готовить обед и мыть посуду,—но он был плохим собеседником: рассеян, погружен в свои мысли, а нервы его были в таком состоянии, что он не мог выносить никаких замечаний. И Коридон все больше и больше уходила в себя и изливала душу в длинных письмах и дневниках.

„Может ли это быть“,—писала она Дэлии,—„что для некоторых людей жизнь является непрерывным искуплением грехов, наследственных или приобретенных? Я стараюсь полюбить свои обязанности, но у меня нет таланта в этой области. Я была обманута в радостях материнства, вот в чем истина,—весна была отравлена для меня в самом начале.“

„О Дэлиа! существовала ли в мире еще такая же трагедия, как трагедия нашей любви? Почти все в нашей жизни является страданием, и мы сами доставляем страдания друг другу. Я спрашиваю себя: могли бы два любящих человека вынести то, что мы вынесли? Иногда мне кажется, что могли бы, если бы их любовь была иной, чем наша. И эта мысль разбивает мне сердце. Почему наша любовь не может быть иной?—спрашиваю я себя.“

„Я думаю, мистер Гардинг пишет вам о нас. Он был здесь сегодня вечером. Он был очень мил и внимателен ко мне и говорил о своей религии. Вы, должно быть, много говорили с ним обо мне? Это удивительно, как он все понимает раньше, чем ему скажешь. Мне странно также, что он никогда не осуждает меня. Обыкновенно люди с его образом мыслей считают меня себялюбивой и говорят, что я должна любить своего ребенка, а не вести борьбу со своей душой.“

„Вчера вечером я написала стихотворение, милая Дэлиа. Не кажется ли вам странным, что в самые мучительные минуты моей жизни мне приходят в голову поэтические строки? Я назвала это стихотворение „Жизнь“. Вы скажете, что они очень мрачны.“

5.

В это время у Коридон опять начались приступы болей в спине. Каждый раз, как начинались эти боли, Тирсис должен был прекращать работу и исполнять обязанности кухарки и няньки. Он старался ничем не выказывать своего нетерпения, зная, что Коридон будет сильно страдать. Но после двух-трех таких случаев он решил, что надо что-то сделать, чтобы иметь возможность работать.

Когда они собирались покупать себе ферму и подыскивали что-нибудь подходящее, они нашли место, которое отвечало их столь разнообразным требованиям. Там был фруктовый сад, комфортабельно устроенный дом и, вдобавок ко всему, очень красивый вид. Продавалась эта ферма за четыре тысячи долларов. В тот момент, когда Тирсис уже был близок к отчаянию, он получил письмо от священника, когда-то обвенчавшего их, доктора Гамильтона. Этот достойный человек, оказывается, следил все время за карьерой Тирсиса. Теперь он писал, какое сильное впечатление произвела на него последняя книга Тирсиса. Тирсис немедленно собрался в город, решив использовать в своих целях добрые чувства злополучного священника.

Он рассказал ему о своем положении, при чем особенно ярко описывал положение Коридон, рассказал даже о ее попытке к самоубийству. Его рассказ тронул священника, и тот обещал поговорить с одним из своих богатых прихожан.

Тирсис уехал домой, а через несколько дней пришел чек. Тирсис поехал на ферму и в тот же день заключил сделку у нотариуса, поставив условием, чтобы хозяева выехали из дома не позже, чем через неделю. Тем временем, они с Коридон накупили еще всякой утвари для хозяйства и стали укладываться. Через неделю они уже переехали в новый дом. Свой рабочий кабинет Тирсис перевез на новое место.

Наконец-то они въехали в настоящий дом, где было два этажа, две лестницы, восемь комнат, со множеством чуланчиков и полочек и прочих хозяйственных удобств! Там можно было отвести одну комнату специально для ребенка, иметь настоящую гостиную с камином, около которого так приятно сидеть, и с полками для книг, отдельную комнату для столовой и отдельную кухню. Иметь возможность взять женщину для мытья посуды и не слышать, как ее голос разносится по всей квартире. Тирсису хотелось на месяц освободиться от власти своего нового замысла, чтобы насладиться всеми прелестями этой жизни.

Кстати, теперь было рождество—самое подходящее время, чтобы поспрашивать. Тирсис отправился в лес—в их собственный лес—и там срубил елку, которую они поставили в столовой и украсили всем, что прислали им дедушки и бабушки для того, чтобы достойно отпраздновать этот день, который был не только праздником рождества и новосельем, но и третьей годовщиной мальчика. По случаю такого тройного торжества был зажарен жирный гусь. Вообще это было настоящее рождество, со снежной бурей, ревавшей за окном, с завыванием ветра в трубе.

6.

Отпраздновав как следует семейное торжество, Тирсис снова уединился от своей семьи, чтобы отдаться работе. Он знал теперь, что его новая книга, если только ему удастся закончить ее, совершенно изменит отношение литературной критики, как взмах руки изменяет рисунок в калейдоскопе.

До сих пор его преследовали неудачи, но теперь—он чувствовал—успех был в его руках. Он теперь знал литературный и книжный мир и знал, как надо вести игру. Эта книга заставит задуматься, заволноваться. Наконец-то он нащупал слабое место своего противника и мог представить себе, как тот станет извиваться и корчиться под его неотразимыми ударами. И он работал над своей книгой в состоянии крайнего возбуждения, представляя себя все время на поле сражения, в самом пылу битвы. В таком состоянии он находился в течение нескольких недель. Затем наступала реакция, когда он, изнеможенный, убеждался в том, что его победа—мираж, что нельзя эту победу учитывать до тех пор, пока он не закончит свою книгу, а на это потребуется два года. Целых два года!

7.

От таких настроений Тирсис переходил к хозяйственным заботам, которые требовали неусыпного внимания: то замерзал насос, то засорялась водосточная труба, то плохо разгорался камин и так далее, без конца. Закончив работу около часу или двух ночи, он шел домой, пробираясь по сугробам снега, и потихоньку ложился в кровать, стараясь не разбудить Коридон. Но сон его внезапно прерывался то криком ребенка, то стоном мучившейся Коридон.

Ему не позволялось спать одному. От этого символа семейственности Коридон не могла отказаться, и Тирсис, наконец, перестал настаивать. Казалось бы, что это мелочь. Но как много она значила

для него! Комната, в которой он спал, стала казаться ему обителью ужаса — местом, куда он шел, как раб, подгоняемый бичами, идет в свою темницу. Это было место, где расточались творческие силы его существа, где душа и тело его выжимались, как губка. Это был брак: в этом была самая сущность брака! Это было рабство, в которое он закабалил себя! И в миллионах семей было то же самое: это привилегированное право одной личности разрушать и стеснять другую. И этот кошмар защищало общество всеми силами, какие имелись в его распоряжении: священники благословляли его, моралисты пели хвалу, и называлось это — „святыми узами брака“.

Тяжелее всего для Тирсиса было то, что в нем самом было нечто, приветствовавшее эту животную близость. И Тирсис видел, как опускались они оба с женою. Как с каждым днем они открывали друг в друге все новые слабости и пороки. В последнее время Коридон часто страдала различными болями, и доктора прописывали ей массу лекарств. У нее имелась целая полочка, заставленная всякими скляночками, порошками, к которым она обращалась в крайних случаях. Тирсис понимал опасность этого и убеждал ее целыми днями, стараясь открыть ей глаза и доказать, что лучше перенести страдания, чем обращаться к этой предательской помощи.

8.

Но во всех страданиях Тирсиса и Коридон их первенец был их единственным утешением. Это был толстый, краснощекий мальчик, которым они по праву могли гордиться: это была их единственная победа в жизни! И вот, с их сокровищем случилось несчастье, — он заболел, и это было для них самым тяжким испытанием, какое они когда-либо переносили в жизни.

И это было тем ужаснее, что они во всем винили себя. Они часто выносили его гулять на воздух, и в один холодный день он простудился. Вечером у него сделался жар, и он много и без причины капризничал. А утром он ничего не стал есть, и, повидимому, его знобило. Они послали за доктором. Доктор, внимательно осмотрев ребенка, покачал головой и сделал серьезное лицо. По его словам, это было воспаление легких, и в довольно серьезной форме.

Коридон и Тирсис отбросили в сторону всякие иные заботы и все силы сосредоточили на борьбе с болезнью. Каждый час надо было давать лекарство больному, и необходимо было соблюдать страшную осторожность, чтобы не простудить его. Тирсис просиживал у постели сына целые ночи, слушая, как бредил Цедрик в жару,

и ему казалось, что такого страдания он еще не переносил никогда в жизни.

Мучили его и угрызения совести. Тирсис видел, что ими была сделана ошибка: этого ужаса можно было избежать, а теперь он тут, и с ним приходится считаться. Все тело его содрогалось от безмолвных рыданий.

9.

Придя на следующий день утром, доктор нашел ухудшение. По его словам, это был кризис. Если малютка проживет ночь... Тут он остановился, увидев, какая беспредельная мука отразилась в глазах отца и матери. Они должны сделать все, что от них зависит, сказал он. Они должны надеяться на хороший исход.

Борьба продолжалась. Тирсис опять просидел всю ночь, а Коридон, которая тоже не могла уснуть, то и дело заходила в комнату, всматриваясь в ребенка и прислушиваясь к его дыханию.

Ребенок пережил ночь, но кризис еще не миновал. Борьба между жизнью и смертью продолжалась, и жизнь, казалось, висела на волоске. Предстояла еще одна мучительная ночь.

Наконец кризис миновал, и жизнь ребенка была спасена. Но выздоровление шло медленно, — и как грустно было им смотреть на своего мальчика, когда-то такого толстого, розового, который теперь был такой бледненький, слабенький и худой! Когда, наконец, его вынесли на улицу, он снова схватил простуду, что вызвало рецидив. Им снова пришлось отстаивать ребенка у смерти, и две недели тянулась эта упорная борьба.

Тирсис задавал себе жестокий вопрос. Сам он, конечно, имел право страдать и погибнуть. Но ребенок? В чем заключались права ребенка? Тирсис пытался противопоставить их правам более отдаленного потомства. Чем может быть его работа, он знал. Но до каких пределов должна простираться его жертва во имя неизвестного будущего его сына? Некоторые жертвы должны быть принесены, таков был суровый приговор „экономической необходимости“.

И душа Тирсиса снова стала ареной борьбы противоположных стремлений. Еще раз он почувствовал страшное проклятие своей жизни, что он не может быть таким, как все остальные люди, не может иметь добродетелей [этих людей. Предчувствие этой трагической судьбы и заставляло его так упорно бороться против брака и приводить Коридон эти слова из песни отверженного:

В болоте бес огнем бежит,—
Он будет лучший муж, чем я.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НАДЕЖДА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ

1.

Болезнь ребенка истощила силы обоих. Тирсис понял, что им теперь не обойтись без чьей-либо помощи, и решил снова попытаться взять прислугу. Хотя он решился на это не без труда, потому что деньги подходили к концу, но иного выхода не было. Нужно было взять двоих: женщину для помощи Коридон по дому и мужчину для работы на ферме. После многих поисков они наконец нашли одну замужнюю чету, которая и водворилась у них в доме.

В феврале у Тирсиса вышли все деньги. Но это прискорбное обстоятельство не застало его неподготовленным. Он составил подробный план своей новой книги, упомянул, какие идеи намерен развить в ней и в какую форму облечь, и послал это своему издателю вместе с письмом, что он желает продать эту книгу на тех же основаниях, как и предыдущую, и получить в такой же сумме аванс.

Когда оказалось, что надежды Тирсиса оправдались, он вздохнул с облегчением. Теперь у него было достаточно денег, чтобы продержаться до середины лета, а за это время больше половины книги будет написано, — он будет иметь возможность оплатить купленную ферму.

Но, увы! в их жизни каждое счастливое событие сопровождалось каким-нибудь бедствием. В это время страдания Коридон настолько обострились, и нервное состояние ее дошло до такого предела, что выносить это дольше не было никакой возможности. После многих и продолжительных разговоров по поводу ее болезни было наконец решено, что Коридон должна обратиться к специалисту. Таковым был дядя мистера Гардинга. Последний отправлялся в город

в самом непродолжительном времени и сам предложил отвезти Коридон к своему дяде.

Через два дня Тирсис получил письмо, в котором его извещали, что у Коридон открылась опухоль в брюшной полости и что поэтому необходима немедленная операция. Это будет стоить сто долларов, да пребывание в госпитале будет стоить приблизительно столько же. Это означало, что, вместе с уплатой долгов, их деньги выйдут все сразу после полочки.

Но Тирсис не стал сетовать на неизбежное. Он был скорее рад известию: по крайней мере, настанет конец страданиям жены. Коридон писала, что операция эта не относится к числу опасных, но что после нее она станет другой женщиной.

„Как бы там ни было, я решилась. Мистер Гардинг будет в городе больше недели, — у него какие-то собрания здесь, — и он обещал мне приходить в госпиталь и навещать меня. Мне кажется, что ему приятны эти визиты: он смотрит на них с профессиональной точки зрения. Каждому кажется в таких случаях, что ему симпатизируют во имя господ бога. Но на самом деле он так прекрасен и добр, и, я думаю, ты никогда не сумел бы его оценить. Я сегодня счастлива, почти весела! Я чувствую себя так, как будто я выхожу из тюрьмы“.

2.

Таково было настроение, в котором Коридон готовилась встретить этот новый опыт ее жизни. Ей нравилась комната в госпитале, крошечная, но отличающаяся такой непорочной белизной. Нравилась сиделки, которые казались ей какими-то высшими существами, исполняющими свои обязанности с такой молчаливой уверенностью. Она крепко спала ночь. Утром они причесали ее и приготовили для операции. В ее комнату внесли букет роз, с карточкой мистера Гардинга. Это еще усилило ее счастливое настроение, так что, когда явился доктор, она почти весело пошла в операционную.

Все здесь возбуждало ее любопытство: ослепительно белые стены и потолок, сверкающие инструменты, тщательно уложенные на стеклянном столе, внимательные и приятные лица сиделок, также одетых во все белое, и доктор с ободряющей улыбкой. В самом центре комнаты стоял большой стеклянный стол, достаточно длинный для того, чтобы положить на него человеческое тело. И все это заливалось ослепительным светом солнца.

— Как красиво! — воскликнула Коридон.

Сиделки переглянулись, а старый доктор с трудом мог скрыть свое удивление.

— Я бы хотел, чтобы все мои пациенты обладали таким самочувствием, — сказал он. — Теперь взбирайтесь на стол.

Коридон быстро исполнила это приказание. Другой доктор, который должен был ее хлороформировать, подошел и стал около нее.

— Пожалуйста, вздохните глубже! — попросил он и накрыл ей рот каким-то белым, конической формы, предметом, издававшим удушливый запах. Коридон испустила глубокий вздох.

Тотчас же ей показалось, что ее тело отделяется от нее.

— О, я не хочу этого! — проговорила она, задыхаясь.

— Дышите глубже и считайте до тех пор, пока можете, — донесся к ней издали чей-то голос.

— Постойте! — шептала Коридон. — О, я не хочу, я не хочу!

Она начала считать — вернее, какой-то странный, чужой голос за нее. Когда первое оцепенение прошло, она почувствовала, что как будто отделяется от тела и каким-то бестелесным созданием висит в туманном эфире. И в это мгновение, — так она рассказывала впоследствии Тирсису, — она увидела прямо над собой лицо мистера Гардинга, смотревшего на нее скорбным, испуганным взглядом. Какое это было прекрасное лицо! И она знала, что все, что она чувствовала, тотчас же запечатлевалось в сознании мистера Гардинга. Они были два родственных существа, повисших в центре космоса. Казалось, что во вселенной произошел какой-то переворот, и их бестелесные сущности были единственное, что уцелело от всего этого чувственного мира.

«Я всегда знала это!», — подумала Коридон и почувствовала, что эта же мысль отразилась на лице, смотревшем на нее, но в тот же миг это лицо стало удаляться. «Хотелось бы мне знать — почему?.. — задумалась она, — почему?..» Вдруг откуда-то блеснул слабый луч и потух.

Два часа спустя доктор стоял, наклонившись над ней, с беспокойством вглядываясь в ее неподвижное лицо.

— Сиделка, принесите мне воды со льдом, — говорил он. — Она приходит в себя. — И вдруг он быстро стукнул по ее щекам и лбу кончиками пальцев. Но она все еще не подавала признаков жизни.

Там, где-то в таинственной глубине души, под спокойной неподвижностью лица, происходила жестокая борьба. Душа Коридон делала чудовищные усилия вернуться в свою оболочку. Коридон

чувствовала себя висящей в мрачной, безграничной пустоте. «Это, должно быть, ад! — подумала она. — У меня нет ни ног, ни рук, и я не могу бороться. Но я могу вернуться назад». Это усилие стоило ей невыразимых мучений.

Какое-то странное, непрерывное трепетание все время продолжалось в этой черной пустоте, над которой она повисла. В этом трепете чувствовался ритм. Трепетание начиналось где-то внизу и с мучительной правильностью поднималось вверх по полутонам гигантской лестницы. Каждый удар был для нее мукой. Звуки поднимались до какой-нибудь ноты в беспощадном крещендо, потом снова падали и снова начинали свой быстрый, утомительно-точный подъем. Но с каждым разом они достигали все большей высоты и с каждым разом это доставляло ей все большее страдание. «Ты останешься здесь!», — казалось, отбивали они. — «Нет, нет, я пойду дальше», — приказывала Коридон. — «Вы не удержите меня, я должна уйти». Но непрерывно, безжалостно, продолжался этот странный, бесформенный, беззвучный шум, заставляя дух корчиться в невыразимых муках.

Наконец Коридон стало казаться, что она приближается к чему-то, чего она не знает. Тьма около нее как будто сгустилась, и она увидела себя на середине озера, где какие-то черные существа пытались схватить ее руками и потянуть вниз. «Нет, нет, — говорила она им, — вы не удержите меня. Я не принадлежу здешней стране, я должна подняться выше, выше». Ценой невероятного усилия ей удалось освободиться, но только для ощущений еще более мучительных. Колебания становились все чаще и чаще. «Неужели это никогда не кончится? — думала она. — Будьте милосерды». Но наконец она увидела ярко блеснувший свет, и мгновенно острая боль пронизала ее с головы до ног. Она простонала. Вдруг она почувствовала сильный приступ рвоты, который, казалось, выворачивал все ее внутренности.

Доктор стоял около нее.

— Она меня совсем напугала, — говорил он. — Сиделка, пойдите сюда, а то она уснет через минуту.

3.

Дни шли. Каждый вечер к Коридон приходила ее мать и целыми часами сидела и читала ей вслух. Каждый день приходил также мистер Гардинг и, сидя у ее кровати, беседовал с ней. Иногда он оставался только на несколько минут, но чаще просиживал час и больше, стараясь рассеять тучи мрачного отчаяния, нависшие над

ней. Коридон рассказала ему о своем видении в операционной комнате, и—как это ни казалось странным—он сказал ей, что ему известно об этом. Он сказал также, что он помогал ей вернуться к жизни.

Казалось, он чутьем угадывал каждую потребность ее души и старался утешить ее, насколько это было в его силах. Но он не мог оценить, как много это значит для нее, — как это усиливало ее благодарность и углубляло ее любовь к нему. С утра она считала часы, остающиеся до его прихода.

Магический час наступал, открывалась дверь, на которую были обращены ее полные надежд взоры, и на пороге показывался он, во всем обаянии своей мужественности. Коридон казалось, что она никогда еще не встречала человека, в котором было бы так много жизни. Он походил на юного викинга, который приносил с собой в комнату чистый воздух северных гор. Когда он смотрел на нее, его глаза приобретали особое выражение — „золотое“, как определила его Коридон. И с каждым днем она наряжала своего викинга все в более и более яркие одежды, сотканые из нитей ее воображения, из ее сокровенных грез и тайных желаний. И всегда, при виде его, сердце ее билось чаще, голова горела. Она поняла наконец, что случилось с ней: она полюбила, да, она полюбила. Но она не должна этого показывать своему викингу. Он не простит ей этого, в его глазах это будет осуждением ее на вечные времена. И она старалась сохранить свою тайну. По ночам она часто вздрагивала, а утром лежала бледная и грустная. Но, как только он приходил, она вся оживлялась и сияла счастьем и радостью.

4.

Каждый вечер доктор с беспокойством взглядывал на термометр. Лихорадка не уменьшалась, и это беспокоило его и родителей Коридон. Излишне говорить, что подобные известия огорчали Тирсиса; помимо забот о ее здоровье, его угнетало еще и то, что ей придется долго лежать в госпитале, а деньги были уже на исходе. Наконец он не выдержал и приехал в город. Коридон подумала: „Это очень нехорошо с моей стороны. Я должна интересоваться только Тирсисом и искать его симпатии“.

И странно ей было сознавать, что она любит двоих в одно и то же время. Ей казалось, что это очень нехорошо. Никогда раньше не приходило ей в голову, что она, Коридон, способна на это. Она вспомнила о Гарри Стюарте, о том волнении, которое она

чувствовала в его присутствии и в котором не решалась сознаться самой себе. „А теперь опять то же самое,—размышляла она. — Только теперь хуже. Но что же творится со мной?“

Она задавалась вопросом: „Действительно ли я люблю мистера Гардинга? Может быть, теперь это прошло?“ Но одна мысль о нем заставила усиленно забиться ее сердце, и ей пришлось отказаться от этого предположения. Она хотела любить своего мужа.

Тирсис пришел и на следующее утро, и Коридон почувствовала себя счастливой в его присутствии. Температура ее несколько понизилась, и она подумала: „Теперь я скоро поправлюсь“.

Но Тирсис уехал, а Коридон опять стала думать о молодом священнике. И ее удивило, какая волна теплого чувства охватила ее при мысли о нем. Сердце снова учашенно забилося, и щеки покрылись ярким румянцем. Он приезжает в город нарочно. Возможно, что у него есть сильное желание ее видеть.

Но когда он наконец пришел, и сел около нее, и заговорил с нею, она задрожала и несколько раз делала напрасные попытки заговорить с ним. Наконец она спросила его:

— Читали ли вы когда-нибудь поэму Гейне:

„Ein Jüngling liebt ein Mädchen,
Die hat einen andern erwählt?“..

— О, да,—ответил он.

Наступило молчание. Коридон с усилием сказала ему:

— Мистер Гардинг, подвиньтесь, пожалуйста, поближе. Мне нужно сказать вам что-то очень важное.

И неровным, срывающимся голосом, то с мучительным смущением, то порывисто и страстно, она рассказала ему о своих страданиях и о том, что вызвало их. Когда она дошла до слов: „Это потому, что я люблю вас“,—она закрыла глаза и откинулась назад со вздохом облегчения.

Когда она снова открыла их, он сидел неподвижно, склонив голову на руки.

— Мистер Гардинг,—прошептала она,—мистер Гардинг, вы прощаете меня, не правда ли? Вы не презираете меня?

Он с усилием приподнялся.

— Дорогое дитя мое,—произнес он и посмотрел на нее. Ей казалось, что она никогда не видела такого прекрасного и печального лица.—Это мне надо просить прощения.

Он встал и, подойдя к кровати, взял ее руку в свои.

— Мне не следует говорить вам того же, что вы сказали мне. Мы не должны больше говорить об этом. Вы обещаете мне это, и

тогда вы успокоитесь, и завтра вам будет лучше. Скоро вы поправитесь. Как будет рад этому ваш муж и все мы!

С этими словами он крепко пожал ее руку и вышел из комнаты. Коридон повернулась лицом к стене и, счастливая, шептала: „Да, он любит меня, он любит меня. Теперь я успокоюсь“.

5.

Некоторое время Коридон спала крепко, как после сильного утомления. К утру проснулась от острой боли в боку. Скоро боль затихла, и она с блаженством вспоминала о вчерашнем. Он опять придет к ней, она увидит его сегодня же. А в сравнении с этим, что значит боль? Наконец-то она была по-настоящему счастлива! Но время шло, она становилась все беспокойней. Ее лихорадка не уменьшалась, а боль становилась упорнее и упорнее.

Доктора, исследовав Коридон, нашли, что опухоль распространилась дальше. Ничего не оставалось делать, как повторить операцию. После непродолжительной консультации они приступили к оперированию. Когда Коридон открыла глаза, из ее груди вырвался слабый стон, а глаза смотрели с тупым, бессознательным выражением. Но доктора нашли, что есть надежда на спасение ее жизни. Они послали телеграмму Тирсису.

Страшная, упорная борьба продолжалась в теле Коридон. Проснувшись утром, она чувствовала сильные страдания. Это не была острая боль, это было тупое, упорное страдание, проникавшее в каждый атом ее тела. Она удивлялась самой себе, что она в состоянии перенести это, что она все еще живет. И, несмотря на это, ею овладевало странное, необъяснимое желание жить, жить во что бы то ни стало. Она не знала, почему ей так страстно хотелось жить. Она чувствовала себя оскорбленной, покинутой всеми, сознавала себя бесконечно маленьким атомом в центре враждебного ей мира. И все же она противопоставит свою волю всем, богу, человеку и дьяволу. Они не покорят ее, она выйдет победительницей!

И она, стиснув зубы, продолжала бороться. Целыми часами Коридон неподвижно смотрела на стену, голую, немую стену, а когда упали вечерние тени и люди видели ее ослабевшей от страдания, они подходили к ней со спасительной иглой, дававшей забвение, и отважная душа замирала на ночь, чтобы утром снова бороться со страданиями.

6.

Получив телеграмму, Тирсис с первым же поездом отправился в город. Говорят, что утопающий в последние минуты жизни видит всю свою прошедшую жизнь. В распоряжении у Тирсиса было три часа езды в вагоне, в течение которых он мог вспомнить до малейшей подробности всю историю своей любви к Коридон. У него были все основания думать, что он застанет ее умирающей. И эта мысль причиняла ему такие муки, каких он никогда не знал прежде. Вагон был полон людьми, и Тирсис не давал воли слезам. Неподвижно глядя перед собой, он сидел, весь съежившись под гнетом переполнявшей его скорби. Боже, как он любил ее! Каким чистым пламенем горела ее душа, как чужда она была этому грубому миру! На какую муку обрекла она себя ради него и как жестоко она была наказана за свое дерзание! И вот, теперь—конец всему! Она умирала,—может быть, уже умерла. Как он будет жить без нее? Каким пустым и бесплодным представлялось ему будущее, лежавшее перед ним!

Но она была еще жива. Он испустил вздох облегчения. Теперь для него не существовало вопроса о том, что он может вынести, а был лишь вопрос о том, что он должен делать. Она должна быть спасена, а кто может это сделать, кроме него? Кто другой возьмет ее за руку и прошепчет ей слова утешения, вольет в ее душу надежду и мужество? Кто другой попросит ее жить, жить? Кто поднимет в ней упавший дух и убедит снова отправиться в тяжелое путешествие?

Итак, они спаслись вместе из пропасти, в которую загнали их страдания. Но, когда наконец победа была одержана и доктора объявили, что Коридон вне опасности, Тирсис почувствовал, что он страшно ослабел от всего пережитого. Вернувшись к себе в отель, он лег на кровать, совершенно обессиленный, и целую ночь лежал без сна.

Тут Тирсис понял, насколько он ослаб и что ему необходимо во что бы то ни стало уехать на время и отдохнуть. Мать Коридон оставалась при ней. Было решено, что, когда она оправится, ее отвезут домой на ферму, а с ней поедет ее мать. Коридон одобрила этот план. Там будет также и мистер Гардинг, сказала она. Он писал, что приезжает в город и сделает все, от него зависящее, чтобы оказать ей помощь.

7.

Тирсис решил прокатиться на пароходе, который отправлялся во Флориду. Он решительно отбросил прочь всякие заботы и решил не

думать пока ни о Коридон, ни о том, откуда он достанет денег, вернувшись домой. Он сделал нечто еще более важное,—он выбросил из головы всякую мысль о своей новой работе.

8.

Тирсис вернулся домой через три недели, загоревший, освежившийся и готовый выдержать новую борьбу. Любовь и нежность переполняли его душу. Он с нетерпением ждал встречи с Коридон, чтобы рассказать ей о своих новых впечатлениях и поделиться с ней новыми надеждами.

Он нашел ее сидящей на балконе. Был апрель. Почки на деревьях лопались, и в воздухе веяло весной. Румянец здоровья снова вернулся на лицо Коридон. Как она была красива! Как нежна была ее ласка, и сколько было прелести, задумчивости в улыбке, которой она встретила его.

Тут же был и ребенок, шумный и оживленный. Тирсис посадил Цедрика на колени и, играя с ним, разговаривал с Коридон, рассказывая ей о своем путешествии. Но скоро он заметил, что мысли Коридон чем-то заняты. Наконец она отослала ребенка и сказала:

— Мне нужно что-то сказать тебе.

— Что, дорогая?

— Это очень, очень важно.

— Что же?—повторил он.

— Я... я не знаю, как начать. Я надеюсь, что ты не рассердишься.

— Не могу себе представить, чтобы я мог рассердиться сейчас,—отвечал он. И с улыбкой спросил:—Не встретила ли ты с Гарри Стюартом? А?

Коридон нахмурилась.

— Не говори об этом,—сказала она быстро.—Я не шучу.

Он увидел, что она очень взволнована, и замолчал.

— Я долго колебалась прежде, чем сказать тебе,—продолжала она.—Но ты должен знать. Я уверена, что тебе следует сказать это.

— Разумеется...

— Это очень длинная история. Я должна вернуться к моей первой операции.—Она начала рассказывать. Рассказала, как она думала о мистере Гардинге и о странном видении, о лихорадочном возбуждении и о своем признании. Когда она кончила, она вся дрожала, и лицо ее покрылось румянцем.

Тирсис некоторое время сидел молча. Взгляд его был серьезен.

— Я понимаю,—сказал он.

— И я хочу, чтобы ты понял меня,—добавила Коридон.—Ты не должен бранить меня. Потому что он—благородная душа, Тирсис. Он не может ничего сделать со своим чувством так же, как и я со своим... Ты должен знать это, дорогой мой.

— Я понимаю,—сказал Тирсис,—Но вначале все это смущает. Мне нужно время, чтобы привыкнуть к этому.

— Мистер Гардинг очень хочет узнать тебя ближе,—заметила Коридон.—Но, видишь ли, он боится тебя, Тирсис. Ты так прямолинеен...

— Гм... да! Я могу это себе представить.

— Он думает также, что ты не доверяешь ему только потому, что он ортодоксален. Но он и вполнину не такой отсталый человек, как ты думаешь. Его вера очень много значит для него. Я бы хотела иметь такую же веру, как он.

На это Тирсис ответил:

— Бог знает, моя дорогая, что я также хочу этого.

9.

Молодой священник пришел на следующий день. Все трое сидели на лужайке и беседовали. Говорили о Флориде, потом о социализме,—это было неизбежно. Но Тирсис все время чувствовал какую-то неловкость и принужденность; он не знал, как должен вести себя мужчина в присутствии возлюбленного своей жены. Он вскоре извинился и ушел.

Вернулся он, когда мистер Гардинг прощался. И ему показалось, что другое лицо было полно скорби и страдания. За ужином он заметил, что Коридон рассеяна.

— С вашей программой что-то не совсем ладно, повидимому?—спросил он.

На это Коридон отвечала:

— Мистер Гардинг думает, что он не должен больше приходить сюда.

— Не должен больше приходить?

— Он говорит, что он не нужен мне теперь. И он думает... он думает, что это будет нехорошо. Он боится приходить.

Прошла неделя, а молодой священник все не появлялся. Тирсис заметил, что его жена была молчаливее обыкновенного и что когда она заговаривала, то разговор шел исключительно о мистере Гардинге. Сердце у него болело, когда он видел ее такой слабой и грустной.

И он целыми днями размышлял над этим новым осложнением. Он видел Коридон с устремленным вдаль печальным взором, видел слезы на ее лице. Что он должен был делать? Должен ли он был деликатно упрекнуть ее и убедить, чтобы она совлела со своими чувствами? Но поступить так, значит—погрузить ее в пучину горести. Или лучше подойти к ней, сказать, как он ее любит, и вернуть ее снова себе? Он знал, что он может это сделать,—он был достаточно самоуверен и знал, что красноречием и силой воли может в несколько дней заставить ее совершенно забыть о мистере Гардинге. Но, сделав это, он должен будет вернуться к своей работе, а что станет с Коридон? Он говорил себе, что она нуждается в любви реальной и постоянной, ей нужна любовь мужчины, а не любовь художника.

Перед ним было два молодых существа, влюбленных друг в друга. И, согласно правилам морального кодекса, они принимали возвышенное решение отречься от своего чувства. Но у Тирсиса был свой моральный кодекс, в котором самоотречение не считалось единственным законом жизни.

И только теперь, когда он представлял себе, что может потерять Коридон, он понял ясно, как сильно он любил ее. Все их клятвы и уверения вспомнились ему. Он видел в ней большую душу, какой он не встречал больше ни в ком. Но, как ни казалось это странным, именно глубина его любви к ней и заставляла его останавливаться на мысли о ее утрате. Он любил ее ради нее самой, а не за то, что она давала ему. Он хотел, чтобы она была счастлива, а ради этого готов был пожертвовать всем на свете. В минуты глубокого проникновения он ясно понимал, что не в силах сделать ее счастливой, что не такого мужа ей надо.

В один из таких дней, когда Тирсис чувствовал себя особенно несчастным, он пришел к безотрадному решению. Ночью, когда все домашние уснули, он ушел в свой одинокий рабочий кабинет и, сев за стол с пером в руке, вызвал в воображении образ мистера Гардинга.

„Я решил написать вам письмо“,—начал он.—„Оно покажется вам странным и необычным и ошеломит вас. Я только могу просить вас поверить мне, что я написал его после долгого колебания и что оно выражает мою самую искреннюю мысль.“

„Со времени моего возвращения мне стало известно о том, что возникло между вами и моей женой. Ее счастье для меня дороже всего на свете. И, обдумав все, я пришел к заключению, что я должен объяснить вам, какие между нами установились отношения.“

Я не думаю, что вы могли бы узнать об этом другим путем, так как эти отношения очень необычны.

„Я полагаю, что нет нужды объяснять вам, что Коридон несчастна. Она никогда не была счастлива, как моя жена, и я опасаясь, что она никогда и не будет счастлива. Она обладает привязчивой натурой, ей нужны любовь и дружба. Я же, напротив, не придаю значения личностям, углублен в себя и, по условиям своей работы, больше имею дело с абстракциями, мало обращаю внимания на окружающее. Я заметил эту разницу еще до нашей свадьбы, но не настолько ясно сознал это, чтобы спасти Коридон. Это уж было ее несчастье: я так сильно любил ее, что стремился к невозможному. Я постоянно обманывал себя, что мне это удастся, и обманывал в этом Коридон. Мы привыкли обо всем говорить откровенно. Но от разговоров об этой правде наших отношений мы инстинктивно уклонялись. Мне всегда казалось это зерном, из которого должна возникнуть трагедия нашей жизни.“

„Одной только возможности я никогда не предвидел,—что Коридон может полюбить другого. Конечно, это было очень глупо с моей стороны. Теперь это случилось. И я обдумал этот вопрос со всей добросовестностью, на какую способен. Когда мы поженились, мы условились, что брак будет нас связывать только до тех пор, пока это будет нужно для высшего духовного блага обоих. Я пишу вам из желания показать, что я ничего не имею против того, чтобы вы продолжали видаться с Коридон. И если со временем выяснится, что Коридон будет счастливее с вами, чем со мной, я сочту своим долгом отойти в сторону. Высказав это, я чувствую, что выполнил свой долг. Я предоставляю вам решить вопрос, в полном доверии к вашей искренности.“

Написав письмо, Тирсис прочитал его дважды. Потом он решил уснуть. Проснувшись утром, снова перечел его—и почувствовал удивление. Оно ошеломило его. Оно открыло ему перспективы будущего—перспективу одиночества и печали... а может быть—свободы и торжества. Если он отправит его, это будущее станет неизбежным. А это может означать, быть может, утрату Коридон. А сможет ли он решиться потерять ее? Он представил себе их разлуку. Слезы показались на его глазах,—любовь снова вернулась к нему, как тогда, когда он считал ее умершей. Потом им снова овладел трепет ликования. Пленный лев почуял свежий воздух джунглей, загремел цепями и зарычал.

Во время завтрака он был рассеян и неспокоен. Он попрощался с Коридон с такой нежностью, которая вызвала в ней недоумение,

и направился в Бельвю. На пол-дороге он остановился. Нет, он не в силах этого сделать, это—безумие! Потом опять двинулся в путь: он должен это сделать! Около часу он бродил взад и вперед перед почтамтом, стараясь собрать все свое мужество для окончательного решения. Раз совсем решился пойти обратно, сказав себе, что он должен дать себе еще один день, чтобы окончательно обдумать все. Но, пройдя пол-мили, он изменил решение и, вернувшись обратно, опустил письмо в ящик.

И вдруг страшная мука овладела им. Конечно! Всю дорогу домой он боролся с желанием пойти обратно и убедить почтмейстера вернуть ему письмо.

10.

Тирсис высчитал, что роковое письмо дойдет до мистера Гардинга в этот же вечер. На следующее утро он, мучимый беспокойством, прошел около двух миль навстречу почтальону. Да, тут был ответ священника. Он разорвал конверт и поспешно прочел:

„Я получил ваше письмо и спешу ответить. Я не могу вам выразить, какую скорбь оно доставило мне. Здесь имело место самое ужасное недоразумение, и я могу только надеяться, что оно не зашло еще настолько далеко, чтобы его нельзя было исправить. Я прошу вас поверить, что между мной и вашей женой не было ничего, что бы могло оправдать ваше вмешательство.

„Я повторяю вам, что ваша мысль ни на чем не основана, и прошу вас выкинуть ее из головы. Вы можете положиться на мое обещание, что я ни при каких обстоятельствах не буду встречаться с вашей женой“.

Тирсис прочитал письмо и нахмурил брови. „Что сделалось с этим человеком?“—спросил он самого себя. Он перечитал письмо снова, взвешивая каждую его фразу. „Не принял ли он мое письмо за насмешку? Не подумал ли, что я рассердился?“

Он вернулся в свой кабинет и, перечтя черновик своего письма, нашел невозможным, чтобы мистер Гардинг подумал, что он сердится.

— Он пробует вывернуться!—воскликнул он.—Он не хочет взглянуть в глаза правде.

Но потом он опять задумался. Может быть, этот человек прав? Может быть, Коридон не поняла его и придала не то значение его обращению с ней? Или, может быть, он переживает теперь реакцию и пробует отрицать свое чувство?

В течение нескольких часов Тирсис размышлял над этим вопросом. Потом он подошел к Коридон и сел около нее,—она в это время была на балконе и читала.

— Ты ничего больше не слыхала о мистере Гардинге?—спросил он.

— Ничего,—ответила Коридон.

— Как же ты думаешь, что он теперь намерен делать?

— Я... я не знаю,—ответила она.—Я не думаю, чтобы он вернулся.

— Но почему же нет, дорогая?

— Он боится довериться себе, Тирсис.

— Ты думаешь, он действительно заботится о тебе?

— Да.

— Но как ты можешь быть уверена в этом?

Коридон улыбнулась.

— Женщина всегда угадывает подобные вещи.

— Я бы хотел, чтобы ты мне сказала об этом.

Немного подумав, она покачала головой.

— Может быть, когда-нибудь, но не теперь. Это было бы нехорошо в отношении его. Ничего нового не случилось, и с тебя достаточно знать об этом.

— Он должен быть очень несчастен, не правда ли?—спросил не без задней мысли Тирсис.

— Да,—ответила она.—Он несчастен, я в этом уверена. Он слишком серьезно относится ко всему.

Тирсис помолчал с минуту.

— Он говорил тебе, что любит тебя?—спросил он.

— Нет. Он... он не позволял себе говорить об этом. Это было бы нехорошо.

— Но тогда—что же делал он?

— Он смотрел на меня.

— Когда он уходил тогда—он знал о твоих чувствах?

— Да, Тирсис. Почему ты спрашиваешь?

— Я думал, что ты обманываешься.

Она улыбнулась и сказала:

— Я бы не стала говорить тебе в таком случае.

11.

Тирсис пошел бродить и, после долгого размышления, стал составлять другое письмо молодому священнику.

„Мой дорогой мистер Гардинг! Я прочитал ваше письмо с большим недоумением. Для меня очевидно, что я недостаточно ясно

обрисовал вам положение дела. Вам, должно быть, нелегко понять ту свободу, какая царит в наших отношениях с Коридон. Я должен сказать вам прежде всего, что она рассказала мне обо всем, происшедшем между вами, и что, следовательно, я имею дело не со страшным „подозрением“, но с фактом.

„Мне трудно представить себе, что вы в настоящее время думаете. Но, по крайней мере, дайте мне уверенность в том, что вы не будете стараться читать между строк моего письма. Поймите, пожалуйста, что я вовсе не рассержен, не ревнив, не подозрителен. Я и не несчастен вовсе, во всяком случае не настолько несчастен, чтобы не в состоянии был вынести это. Я много пережил за свою жизнь, и Коридон перенесла не меньше моего.

„Вы говорите мне о вашем обращении с моей женой. Разумеется, возможно, что, оглянувшись на то, что было между вами, вы убедились, что ваше чувство к ней неглубоко и непродолжительно и что вы предпочитаете не поддерживать дальнейшего знакомства с ней. Это ваше право,—вы не можете ничем связывать себя. Я хочу только одного—чтобы в отношении к вашим чувствам вы считались только с ними, а не с сознанием долга в отношении меня. Я не имею никаких притязаний, а от тех, какие мог иметь, я отказываюсь.

„Но самое главное затруднение лежит в вашей глубокой вере в святость брака. Это, разумеется, слишком большой вопрос для того, чтобы его можно было выяснить в письме. Я могу только сказать, что и у меня раньше была такая же вера, теперь же у меня ее нет. Институт брака я считаю продуктом известной фазы экономического развития нации. Эта фаза скоро минет, если не миновала уже. И этот институт, по моему убеждению, разделяет все отрицательные стороны данной экономической фазы,—он тесно связан с существованием проституции.

„Такой взгляд покажется вам слишком радикальным, я полагаю. Без сомнения, наличие брачного договора дает мне право чувствовать себя оскорбленным тем, что моя жена полюбила другого. Я могу обвинять его и унижать ее. Но так как я отказываюсь от этого права и не хочу играть роль Отелло по отношению к Дездемоне, то что же? Кто может считать себя оскорбленным моим отречением?

„Разумеется, мне известно изречение, что браки совершаются на небесах и что человек не может разъединить то, что соединил бог. Но мне трудно себе представить, чтобы интеллигентный человек мог так рассуждать в наше время. Если бы я умер, вы могли бы допустить мысль, что Коридон выйдет вторично замуж. Вы допустили бы это и в том случае, если бы я был безнадежно болен или был деге-

нератом. Если бы у меня была привычка предаваться пьянству, или если бы я дурно обращался с ней,—неужели вы требовали бы от нее, чтобы она страдала всю жизнь? Или предположите, например, что я был бы импотентом? А разве вы не можете признать, что может быть умственная и вообще духовная импотенция, которая также может сделать женщину несчастной и сделать ее жизнь пустой и бесплодной?

„Предположите, что я установил в отношениях между мной и Коридон следующий факт: у нас такое серьезное несоответствие в характерах, что, как бы мы ни любили друг друга, мы никогда не можем быть счастливы, как муж и жена. Предположите, что Коридон встретила другого человека, с которым она может жить более гармоничной жизнью, и что я узнал об этом и согласился на то, чтобы она оставила меня,—неужели вы и тогда будете настаивать, что такой выход неправилен? И, если бы это так было, кого следовало бы обвинять? Ее ли за то, что она не желает всю жизнь страдать за свою ошибку? Или меня за то, что я не хочу, чтобы она это сделала,—за то, что я не хочу тратить своих сил на то, чтобы стараться удовлетворить женщину, которая чувствует себя неудовлетворенной?

Я должен добавить, что ничего не говорил Коридон о том, что я писал вам. Она не представляет себе, чтобы у меня были подобные мысли, и она пришла бы в ужас от этого. Я взял на себя ответственность за свой поступок, считая, что я не могу никаким иным путем поставить вас в известность относительно настоящего положения дела. Я мог бы сказать еще многое по поводу всего этого, но для этого потребовалось бы слишком много времени. Не можем ли мы встретиться с вами, чтобы выяснить друг другу свою точку зрения? Я буду в городе послезавтра и, если вы ничего не имеете против, я зайду к вам утром“.

12.

Тирсис раза три перечел письмо, повез в город и там опустил в ящик. На следующий день он с нетерпением ждал ответа. Но ответ не приходил.

На утро он отправился в город и зашел на квартиру мистера Гардинга. Дверь отворила его экономка, тетка Дэли Гордон.

— Мистер Гардинг дома?—спросил Тирсис.

— Ушел.

— Ушел?—повторил Тирсис.—Когда?

— Сегодня утром.

— Когда он вернется?

— Не знаю. Он ушел внезапно и ничего не сказал.

— Пожалуйста, скажите ему, что я заходил.

Он вернулся домой и отправил другое письмо мистеру Гардингу, прося назначить место встречи. Он ждал ответа в течение трех-четырех дней, но ответа не было.

— Ты что-нибудь слышала о Гардинге?—спросил он, наконец, у Коридон.

— Нет, дорогой мой,—отвечала она.—Я и не жду никаких известий

Но Тирсис видел, что она нервна и разочарована. И по тому как она интересовалась почтой, он понял, что она все время надеялась получить от него какое-нибудь известие.

Когда Тирсису приходилось иметь дело с Коридон, он был плохим дипломатом. Он говорил себе, что то или другое нужно скрыть от нее на время, но тайна была для него невыносима,—он стремился поскорей высказать ей все, чтобы вместе встретить все события их совместной жизни. Так было и на этот раз. Как-то вечером он, усадив ее в гамак, сел около нее и взял ее за руку.

— Коридон,—начал он.—Мне нужно что-то сказать тебе. Я переписывался с мистером Гардингом.

Она вздрогнула и дико посмотрела на него.

— Что ты хочешь сказать?—проговорила она, задыхаясь.

— Я написал ему два письма.

— По поводу чего?

— Я хотел ему объяснить все.—И он рассказал ей, о чем писал ему в первом письме и прочел ответ мистера Гардинга.

— Как ты отнесешься к этому?—спросил он.

— Скажи мне, каков был твой ответ!—воскликнула Коридон.

Он рассказал ей содержание своего второго письма.

Но она перебила его.

— Ты писал ему в таких выражениях о браке!—воскликнула она.

— Да, дорогая.

— Но, Тирсис! Он придет в ужас.

— Ты так думаешь?

— Конечно, Тирсис. Как ты не понимаешь? Ведь он священник.

— Я знаю. Но ведь это правда...

— Но ты ничего не понимаешь в людях. Он не рассуждает о вещах так, как ты. Ты не должен был говорить с ним таким образом.

— Но что же мне было делать?

— Мы теперь никогда больше не увидим его!—воскликнула в отчаянии Коридон.

— Хуже не будет, чем теперь, не так ли?

— Скажи мне,—продолжала она, сильно взволнованная.—Ты сказал ему, что я не имею понятия о том, что ты делаешь?

— Разумеется, я написал ему об этом.

— Но достаточно ли ясно ты объяснил ему это?

— Я старался об этом.

— Скажи мне, что ты говорил. Расскажи мне конец письма.

Он рассказал, а она слушала в негодовании.

— Как ты мог?—воскликнула она.

Он еще раз прочел ей письмо мистера Гардинга.

— Ты видишь,—сказал он.—Он был просто поражен. Он не знал, что думать, что сказать. Он когда-нибудь поймет это. Он должен знать, во всяком случае.

— Но почему он должен знать? Почему все не могло бы остаться и так, как было?

— Но, моя дорогая, ты была влюблена в другого мужчину, разве это не так?

— Но у меня не было желания выйти за него замуж, Тирсис. Я... я не настолько сильно любила его.

— Ты могла полюбить его со временем.

— Разве ты не понимаешь, что он должен был бы отказаться от карьеры священника?

— Это делалось и раньше.

— Но... взгляни на это с его точки зрения. Подумай о скандале.

— Я не придаю большого значения скандалу,—ответил Тирсис.—Это может быть устранено.

— Но иначе как же можно добиться развода?

— Наши законы о разводе — пережиток феодализма. К ним нельзя относиться серьезно.

— Но как же ты их обойдешь, Тирсис?

— Нужно только выполнить то оскорбительное, чего они требуют.

— Но, Тирсис! Подумай, как отнесется к этому мистер Гардинг!

— Дорогая моя,—отвечал он.—Если бы я знал, что развод необходим для твоего счастья, я бы принял на себя весь позор, неизбежный в таких случаях.

Коридон пристально смотрела на него.

— Тебе так легко отказаться от меня?—спросила она.

— Это вовсе не было легко, дорогая,—ответил он.—Это стоило мне борьбы, из которой я вышел победителем.

— Но ты решил, что можешь это сделать!—воскликнула она. И он увидел, что именно эта сторона дела интересовала ее больше.

всего. Повидимому, он доставил ей очень сомнительное удовольствие, решившись отказаться от нее. Как мог он заставить ее понять все муки, каких ему стоило это решение? Он ожидал, что она и так поймет это. Неужели за все эти годы он еще не убедил ее в своей любви?

Тирсис раздумывал над тем, что это повторяется старая история. От него всегда требовали, чтобы он выражал свои чувства, а он чувствовал к этому отвращение. Теперь она желала бы, чтобы он красноречиво рассказал ей о своих страданиях, о том, как он колебался, прежде чем отправить письмо. И она жадно упивалась бы его словами и, чем убедительнее они звучали бы, тем сильнее она любила бы его, Тирсиса.

Она настаивала на том, что никогда не оставит его,—самая мысль о том, чтобы отказаться от него, казалась ей безумием. Увлекаясь мистером Гардингом, она не имела в виду ничего подобного. Почему он так элементарен, так грубо прямолинеен? Он походил на неуклюжее животное, которое бродит в саду, где ею посажены цветы ее сентиментальных чувств. Он испугал ее так же, как испугал мистера Гардинга. Она была испугана тем, что он сделал. Истина заключалась в том, что его поступок был вызван одним, глубоко лежащим побуждением, в котором он не имел мужества признаться ей.

13.

Тирсис дал ей слово, что он больше не напишет мистеру Гардингу, пока не получит ответа. Но прошло еще два дня, а письма не было.

Коридон стала выказывать беспокойство и нетерпение.

— Что он может делать?—задавалась она вопросом.

Наконец, Тирсису понадобилось за чем-то отправиться в Бельвю. Они поехали вместе, и здесь тайна объяснилась.

На улице они встретили мистера Дженнингса, директора Высшей Школы.

— Здравствуйте,—сказал он.—Какой чудесный день!—И затем, немного погодя:—Слышали вы новость о мистере Гардинге?

— Какую новость?—спросил Тирсис.

— Он уехал.

— Уехал?

— Он сложил с себя пасторское звание.

Тирсис во все глаза смотрел на говорившего. Коридон вздрогнула.

— Сложил с себя пасторское звание?—повторила она.

— Да,—ответил тот.

— Но почему?

— Никто не знает. Мы все строили всевозможные догадки.

— Но... как вы услышали об этом?

— Я—один из попечителей церкви, и его письмо читалось вчера вечером.

Мистер Дженнингс распростился, оставив их вдвоем на середине улицы в глубоком недоумении. Минуты две они были в каком-то оцепенении. Вдруг Тирсис дико расхохотался.

— Он бежал, как Иосиф,—сказал Тирсис,—оставив свой плащ в руках искусительницы.

Не в силах больше сдержаться, он снова захохотал. Но, заметив, что люди на улице обращают на него внимание, он стегнул лошадь и выехал за город, где он мог быть один и дать волю своим чувствам.

Он представлял себе смущение и ужас несчастного священника, верующего в святость брака и день и ночь преследуемого образом Коридон, смущающей его покой по ночам. Он представлял себе, как тот рисовал себе разговор с ее мужем, ужасным, чуждым условностей,—мужем, аргументы которого он не мог разбить. „Он просто не в силах был встретиться со мной. Он уехал как раз в то утро, когда я приходил“.

— Но он, должно быть, так сильно страдает!—воскликнула Коридон, которая все еще не могла забыть своей любви, даже в минуту поругания ее.

— Ему необходимо пострадать,—ответил Тирсис.—Он может там встретиться с людьми радикального образа мыслей и вернется с новым взглядом на вещи.

Коридон задумчиво покачала головой.

— Ты не знаешь его. Он не может измениться. Я думаю, что я никогда больше не услышу о нем.

Тирсис посмотрел на нее и увидел, что на глазах ее блеснули слезы. Он положил на ее руку свою.

— Нам будет тяжело некоторое время, дорогая,—сказал он.—Не горюй, как-нибудь обойдется.

14.

Они поехали домой. За ужином они всё продолжали обсуждать это событие. Потом они долго сидели в сумерках на крыльце и снова разбирали его со всех сторон.

— Коридон,—сказал он.—Я не верю, чтобы ты на самом деле любила его так сильно, как ты думаешь. Не правда ли?

Тирсис посмотрел на нее и увидел, что она улыбается сквозь слезы. Он взял ее руку в свою.

— Мы будем помогать друг другу, дорогая,—сказал он.—Мы будем ждать, пока общество вырастет.

Он почувствовал ответное пожатие ее руки.

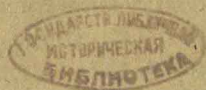
— Тирсис,—сказала она.—Ты должен обещать мне, что никогда не совершишь такого ужасного поступка. Ты должен понять меня. Я могу думать, что я люблю какого-нибудь человека, но эта любовь никогда не будет настоящей—правда, не будет. Ни один мужчина не может значить для меня столько же, сколько ты—я знаю это. И я не в силах отказаться от тебя,—ты не должен никогда думать об этом. Я не могу отказаться от тебя.

Тирсисом овладел один из тех порывов нежности, который она так хорошо знала. Он обнял ее и с жаром поцеловал несколько раз. Но даже в то время, как он говорил с ней и дарил ей любовь, которой она так страстно желала, он чувствовал, как кто-то другой в нем погибал с предсмертным стоном отчаяния. Так падает в изнеможении и стонет пленник, убедившись, что попытка к освобождению еще крепче затянула его цепь.

Конец

Перевела с английского

М. Брусянина

Оглавление

	стр.
Книга первая.—Испытания любви	7
„ вторая.—Западня	33
„ третья.—Жертва колеблется	49
„ четвертая.—Жертва приближается	72
„ пятая.—Приманка схвачена	86
„ шестая.—Узы затягиваются	101
„ седьмая.—В плену	125
„ восьмая.—Пленник связан	139
„ девятая.—Пленник на привязи	153
„ десятая.—Предел рабства	164
„ одиннадцатая.—Дом пыток	180
„ двенадцатая.	198
„ тринадцатая.—Хозяева западни	212
„ четырнадцатая.—Цена выкупа	220
„ пятнадцатая.—Пленник изнемогает	231
„ шестнадцатая.—Надежда на освобождение	240

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

- О. де-Бальзак — „Шагреневая кожа“.
Д. Г. Байрон — Драмы, ц. 1 р. 50 к.
— „Дон-Жуан“, ч. 1-я, ц. 1 р., ч. 2-я, ц. 1 р. 75 к.
Э. Верхарн — Поэмы, ц. 40 к.
П. Гальдос — „Очарованный кавальеро“, ц. 85 к.
Г. Гюне — „Путевые картины“, ч. 1-я, ц. 35 к., ч. 2-я, ц. 65 к.
В. Гете — „Фауст“, ч. 1-я, ц. 1 р., ч. 2-я, ц. 1 р. 45 к.
— „Страдания юного Вертера“, ц. 40 к.
— „Поэзия и правда“, т. I.
И. Гердер — „Сид“, ц. 35 к.
К. Гольдони — Комедии, т. 1-й, ц. 60 к., т. 2-й, ц. 55 к.
Т. Гоффман — „Музыкальные новеллы“, ц. 30 к.
В. Гюго — „93-й год“, ц. 1 р.
К. Гоцци — „Сказки для театра“, т. 1-й, ц. 1 р. 60 к., т. 2-й, ц. 2 р.
Э. Зола — „Западня“, ц. 80 к.
— „Труд“, ц. 1 р. 80 к.
Г. Клейст — Собрание сочинений, т. 1, ц. 1 р. 75 к., т. 2-й.
Эса де-Кэйрош — „Реликвия“, ц. 70 к.
Дж. Конрад — „Каприз Олмэйра“.
К. Лемонье — „Завод“, ц. 65 к.
— „Рог Призыва“.
Ляо-Чжэй — „Лисьи чары“, ц. 50 к.
К. Ф. Мейер — „Новеллы“, ц. 1 р. 20 к.
П. Меримэ — „Театр Клары Газуль“, ц. 1 р. 60 к.
Монгольские сказки — „Волшебный мертвец“, ц. 60 к.
Марат — Письма, ц. 60 к.
Новалис — „Гейнрих фон-Офтердинген“, ц. 35 к.
Р. Тагор — Пьесы и стихотв. в прозе.
А. Ренье — „Героические мечтания“.
Р. Роллан — „Театр Революции“, ц. 53 к.
— „Трагедии веры“, ц. 1 р. 50 к.
— „Сергюзеш“, ц. 60 к.
— „Избранные сочинения“, ц. 1 р. 20 к.
— „Пармский монастырь“, ч. I.
У. Уитмэн — „Листья травы“, ц. 1 р.
Усама Ибн-Мункыз — „Книга назиданий“, ц. 70 к.
А. Франс — Рассказы.
Б. Шо — Пьесы, ц. 1 р. 50 к.
Антология Китайских Лириков, ц. 40 к.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Г. Д'Аннунцио — „Ноктюрн“, ц. 1 р.
П. Бенуа — „Атлантида“, роман, ц. 40 к.
— „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
А. Бёро — „Страдания толстяка“.
С. Бржозовский — „Зарево“, роман из эпохи народовольцев, ц. 1 р. 25 к.
Г. Верфель — „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
К. Гамсун — „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
Г. Гауптман — „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
П. Гзелль — „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
О. Генри — Рассказы, ц. 1 р.
— „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
Г. Гольст — Лирические драмы, ц. 45 к.
С. Лагерлев — „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
Р. Маран — „Батуала“, африканский роман, ц. 45 к.
К. Мейринк — „Голем“, роман, ц. 70 к.
М. Маркс — „Женщина“, роман, ц. 50 к.
М. Матерлинк — „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
Папалаги — „Конченный человек“.
Дж. Папини — Пьесы.
Д. Мэйзфилд —
Ж. Ромэн — „Доногоо-Тонка“, кинематографический роман, ц. 25 к.
Р. Роллан — „Кола Бреньон“, роман, ц. 70 к.
— „Пьер и Люс“, роман, ц. 35 к.
— „Клерамбо“, роман, ц. 1 р.
— „Аннет и Сильвия“, роман, ц. 55 к.
Дж. Синг — „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
Э. Синклер — „Сто процентов“, роман, ц. 75 к.
— „Ад“
Г. Уэллс — „Неугасимый огонь“, роман, ц. 40 к.
Ф. Урду — „Род“, „Площадь“, пьесы, ц. 1 р. 10 к.
А. Франс — „Жизнь в цвету“, роман, ц. 80 к.
Л. Франк — „Человек добр“, роман, ц. 65 к.
К. Штернгейм — „Четыре новеллы“.
К. Эдшид — „Шесть притоков“, новеллы, ц. 60 к.
— „Тимур“, рассказы.
Экспрессионизм — Сборник статей, с иллюстрациями, ц. 1 р. 40 к.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Д. Дефо — „Робинсон Крузо“, ц. 1 р.
Р. Распе — „Приключ. барона Мюнхгаузена“.
М. Твэн — „Приключения Тома“.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ В СВЕТ

издаваемые „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ журналы:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова,
К. И. Чуковского и Абр. Эфроса.
Печатается № 4-й.

„ВОСТОК“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга, академика
И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева,
профессора Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.
Печатается № 4-й.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4.
ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (Невский), 28.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

В Москве: 1) Советская площадь, под гост. „Дрезден“, тел. 1-28-94.
2) Моховая ул., под гост. Б. „Националь“, тел. 1-31-50. 3) Ул. Гер-
цена (Б. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95. 4) Николь-
ская ул., д. 3, тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 2-84-82.
6) Кузнецкий мост, 13, тел. 1-01-35. 7) Лялинский пер., 11. 8) М. Ха-
ритоньевский пер., 4. В Петрограде: 1) Проспект 25-го октября
(Невский), 28. 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21. 3) Проспект
25-го октября (Невский), 13.

